русские поэты на западе

1986

ANTHOLOGY OF CONTEMPORARY RUSSIAN POETRY OF THE THIRD WAVE'S EMIGRATION

C.A.S.E./Third Wave Publishing

Paris — New York

1986

русские поэты на западе

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Издательство «Третья волна»
Париж — Нью-Йорк
1986

Составители:
Александр Глезер,
Сергей Петрунис.
Редактор – Джемма Квачевская.
Художник – Виталий Длугий.

PUBLISHER: Third Wave Publishing House,
a project of
the Committee for the Absorption of Soviet Emigrees
C.A.S.E.
80 Grand Street, Jersey City, NJ 07302
Arthur Abba Goldberg, Chairman

ISBN: 0-937951-05-6
Library of Congress Catalog No. 86-16078

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

За последние 10-12 лет в поисках творческой свободы СССР покинули многие поэты: и широко известные мастера, чьи стихи появлялись даже в подцензурной советской печати, и мастера, чьи стихи доходили до читателя лишь по каналам Самиздата, и совсем молодые авторы, чье творчество раскрылось уже только здесь, на Западе.

В эту книгу включены произведения тридцати семи поэтов-эмигрантов третьей волны, живущих в Европе, США, Канаде и Израиле, а также покойных – Александра Галича и Вадима Делоне. Подборкам стихов предшествуют краткие биографические данные.

К сожалению, по непонятным причинам отказались участвовать в Антологии Иосиф Бродский и Эдуард Лимонов. Тем не менее, она, как нам кажется, в достаточно полной мере отражает творчество свободных русских поэтов разных направлений.

юз алешковский *бывший москвич*

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ (родился в 1929 году). В СССР не печатался, но многие его песни были известны всей стране. Участник альманаха "Метрополь". В Самиздате широкое хождение имели его повести "Николай Николаевич" и "Маскировка", изданные американским издательством "Ардис" в 1979 году. С 1979 года живет в США. Автор романов и повестей "Рука", "Кенгуру", "Синенький скромный платочек", "Карусель", "Смерть в Москве". Книги Алешковского переведены на французский и английский языки.

ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ

Товарищ Сталин, вы большой ученый,
в языкознаньи знаете вы толк,
а я простой советский заключенный,
и мне товарищ серый брянский волк.

За что сижу воистину не знаю,
но прокуроры, видимо, правы.
Сижу я нынче в Туруханском крае,
где при царе сидели в ссылке вы.

В чужих грехах мы сроду сознавались,
этапом шли навстречу злой судьбе,
но верили вам так, товарищ Сталин,
как, может быть, не верили себе.

Так вот – сижу я в Туруханском крае,
где конвоиры, словно псы, грубы,
я это все, конечно, понимаю
как обостренье классовой борьбы.

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
а мы в тайге с утра и до утра.
Вы здесь из искры разводили пламя,
спасибо вам, я греюсь у костра.

Мы наш нелегкий крест несем задаром,
морозом дымным и в тоске дождей.
Мы, как деревья, валимся на нары,
не ведая бессонницы вождей.

Вы снитесь нам, когда в партийной кепке
и в кителе идете на парад.
Мы рубим лес по-сталински, а щепки,
а щепки во все стороны летят.

Вчера мы хоронили двух марксистов,
тела одели красным кумачом.
Один из них был правым уклонистом,
другой, как оказалось, ни при чем.

Он перед тем, как навсегда скончаться,
вам завещал последние слова,
велел в евонном деле разобраться
и тихо вскрикнул: "Сталин – голова!"

Живите тыщу лет, товарищ Сталин,
и пусть в тайге придется сдохнуть мне,
я верю – будет чугуна и стали
на душу населения вполне!

СОВЕТСКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ

Смотрю на небо просветленным взором,
я на троих с утра сообразил.
Я этот день люблю, как день шахтера
и праздник наших вооруженных сил.

Там красят яйца в синий и зеленый,
а я их крашу только в красный цвет.
В руках несу их гордо, как знамена
и символ наших радостных побед.

Сегодня яйца с треском разбиваются,
и душу радуют колокола,
и пролетарии всех стран соединяются
вокруг пасхального стола.

Как хорошо в такое время года
пойти из церкви прямо на обед.
Давай закурим опиум народа,
а он покурит наших сигарет.

Под колокольный звон ножей и вилок
щекочет ноздри запах куличей.
Приятно мне в сплошном лесу бутылок
увидеть лица даже стукачей.

Все люди братья! Обниму китайца,
привет Мао Цзе-дуну передам,
он желтые свои пришлет мне яйца,
я красные свои ему отдам.

Сияет солнце мира в небе чистом,
а на душе у всех одна мечта,
чтоб коммунисты и империалисты
прислушались к учению Христа.

Ах, поцелуемся, давай, прохожая,
прости меня за чистый интерес.
Мы на людей становимся похожими.
Давай еще... воистину воскрес!

СЕМЕЕЧКА

Посвящаю мадам Питерс

Это было давно.
Еще жили с евреями в мире
все арабы. И Насер
не закрыл для прохода Суэц...
А в Кремле, в однокомнатной,
скромной квартире
со Светланкою в куклы
играл самый лучший на свете отец.

Но внезапно она,
до усов дотянувшись ручонкой,
тихо дернула их
и на коврик упали усы...
Даже трудно сказать,
что творилось в душе у девчонки,
а папаня безусый
был нелеп, как без стрелок часы.

И сказала Светлана,
с большим удивлением глядя:
"Ты не папа, подлец?
Ты вредитель, шпион и фашист..."
И чужой, нехороший,
от страха трясущийся дядя,
откровенно признался:
"Я секретный народный артист..."

Горько всхлипнул ребенок,
прижавшись к груди оборотня.
И несчастнее их
больше не было в мире людей.
Не учитель, не друг,
не отец и не Ленин сегодня
на коленках молил:
"Не губите, Светлана, детей..."

Но крутилась под ковриком
магнитофонная лента.
А с усами на коврике
серый котенок играл...
"Не губите, Светлана", –
воскликнув с японским акцентом,
дядя с Васькой в троцкисты
пошел поиграть и... пропал.

В тот же час,
в тесной спальне
от ревности белый

симпатичный Грузин
демонстрировал ндрав –
из-за пазухи вынул
вороненый наган "Парабеллум"
и без всякого якова
в маму Светланы пиф-паф!

А умелец Лейбович,
из Малого театра гример,
возле Сретенки где-то
случайно попал под мотор...

В лагерях проводили мы
детство счастливое наше.
Ну а ихнего детства
отродясь не бывало хужей.
Васька пил на троих
с двойниками родного папаши,
а Светлана меня...
как перчатки, меняла мужей.

Васька пил. Дуба дал.
Снят с могилки евонной пропеллер,
чтоб она за рубеж
отвалить не могла.
А Светланку везет
на зеленой "импале" Рокфеллер
по шикарным шоссе,
на рысях, на большие дела.

Жемчуга на нее
надевали нечистые лапы.
Выдавали аванс,
в цэрэу заводили прием.
И во гневе великом
в гробу заворочался папа –
ажно звякнули рюмки
в старинном буфете моем...

Но родная страна
оклемается скоро от травмы.
Воспитает сирот
весь великий советский народ.
Горевать в юбилейном году
не имеем, товарищи, прав мы,
Аллилуева нам – не помеха
стремиться, как прежде, вперед.

Сталин спит крепким сном.
Нет с могилкою рядом скамеечки.
Над могилкою стынет
тоскливый осенний туман...
Ну скажу я вам, братцы,
подобной семеечки
не имели ни Петр,
ни Грозный, кровавый диктатор Иван...

1967

ЛЕСБИЙСКАЯ

Пусть на вахте обыщут нас начисто,
а в барак надзиратель пришел,
мы под песню гармошки наплачемся
и накроем наш свадебный стол.

Женишок мой – бабеночка видная,
Наливает мне в кружку "тройной",
вместо красной икры булку ситную
он намажет помадой губной.

Сам помадой губною не мажется,
и походкой мужскою идет,
он совсем мне мужчиною кажется,
только вот борода не растет.

Девки бацают с дробью "цыганочку",
бабы старые "горько" кричат,
и рыдает одна лесбияночка
на руках незамужних девчат.

Эх, закурим махорочку бийскую,
девки заново выпить непрочь,
да за горькую, да за лесбийскую,
да за первую брачную ночь.

В зоне сладостно мне и немаятно,
мужу вольному писем не шлю,
никогда, никогда не узнает он,
что Маруську Белову люблю.

ОКУРОЧЕК

Из Колымского белого ада
шли мы в зону в морозном дыму.
Я увидел окурочек с красной помадой
и рванулся из строя к нему.

"Стой, стреляю!" – воскликнул конвойный.
Злобный пес разодрал мой бушлат.
"Дорогие начальнички, будьте спокойны,
я уже возвращаюсь назад".

Баб не видел я года четыре,
только мне наконец повезло.
Ах, окурочек, может быть, с ТУ-104
диким ветром тебя занесло.

И жену удавивший Копалин,
и активный один педераст
всю дорогу до зоны шагали, вздыхали,
не сводили с окурочка глаз.

С кем ты, сука, любовь свою крутишь,
с кем дымишь сигареткой одной?..
Ты во Внукове спьяну билета не купишь,
чтоб хотя пролететь надо мной.

В честь твою зажигал я попойки,
всех французским поил коньяком.
Сам пьянел от того, как курила ты "Тройку"
с золотым на конце ободком.

Проиграл тот окурочек в карты я,
хоть дороже был тыщи рублей.
Даже здесь не видать мне счастливого фарту
из-за грусти по даме червей.

Проиграл я и шмотки и сменку,
сахарок за два года вперед.
Вот сижу я на нарах, обнявши коленки,
мне ведь не в чем идти на развод.

Пропадал я за этот окурочек,
никого не кляня, не виня,
Господа из влиятельных лагерных урок
за размах уважали меня.

Шел я к вахте босыми ногами,
как Христос, и спокоен, и тих.
Десять суток кровавыми красил губами
я концы самокруток своих.

"Негодяй, ты на воле растратил
миллион на блистательных дам".
"Это да, – говорю, – гражданин надзиратель,
только зря, – говорю, – гражданин надзиратель,
рукавичкой вы мне по губам".

ЛИЧНОЕ СВИДАНИЕ

Я отбывал в Сибири наказанье,
считался работящим мужиком
и заработал личное свиданье
с женой любимой собственным горбом.

Я написал: "Явись, жена, соскучился,
здесь в трех верстах от лагеря вокзал".
Я ждал жену, ждать перестал, измучился
да без конца на крышу залезал.

Заныло сердце, как увидел бедную,
согнулась до земли от рюкзака.
Но на нее, на бабу неприметную,
с барачной крыши зарились зека.

Торчал я перед вахтою взволнованный,
там надзиратель делал бабе шмон,
но было мною в письмах растолковано,
как под подол притырить самогон.

Вот заперли нас в комнате свидания,
дуреха ни жива и ни мертва,
а я, как на судебном заседании,
краснел и перепутывал слова.

Она присела, милая, на лавочку,
а я прилег на старенький матрац,
вчера здесь спал с женой растратчик Лавочкин,
позавчера — карманник Моня Кац.

Обоев серый цвет изрядно вылинял,
в двери железной кругленький глазок,
в углу портрет товарища Калинина
молчит, как в нашей хате образок.

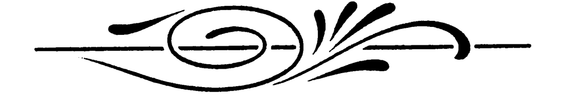
Потолковали, выпил самогона я
и самосаду закурил... Эх, жисть!
Стели, жена, стели постель казенную,
да, как бывало, рядышком ложись.

Дежурные в глазок бросают шуточки,
орут зека тоскливо за окном:
"Отдай, Степан, супругу на минуточку,
на всех ее пожиже разведем".

Ах, люди, люди, люди вы несерьезные,
вам не хватает нервных докторов,
ведь здесь жена, а не быки колхозные
огуливают вашенских коров.

И зло берет, и чтой-то жалко каждого,
да с каждым не поделишься женой...
...на зорьке, как по сердцу, бил с оттяжкою
по рельсу железякою конвой.

Налей, жена, полкружки на прощание,
садись одна в зелененький вагон,
не унывай, зимой дадут свидание,
не забывай, да не меня, вот глупая,
не забывай, как прятать самогон.



павел бабич *бывший ленинградец*

ПАВЕЛ БАБИЧ (родился в 1933 году) В СССР не печатался. Эмигрировал в 1980 году. На Западе публиковался в журналах "Мир", "Стрелец", в поэтическом сборнике "Встречи", газетах "Новое русское слово" и "Новый американец".

ИЗ ЦИКЛА "НОСТАЛЬГИЯ"

1

НАПУТСТВИЕ

И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

М. Ю. Лермонтов

Будет небо чужое, чужая вода,
На чужом языке будут петь провода
Под чужие дожди от утра до утра,
Под чужие снега и чужие ветра.

На чужом языке будут сосны звенеть,
Будут звезды чужие на небе гореть,
И чужая луна, как сова, с высоты
Будет мертво глядеть на чужие кресты.

На чужом берегу у чужого огня
Ты чужими глазами рассмотришь меня...
И тогда отпусти мне грехи и прости
За удары, что я не смогла отвести.

У чужого огня на чужой стороне
На родном языке помолись обо мне.

2.

За будкой таможенной пустошь межи.
Друзья мне простят. Я устал ото лжи.
Нет исповеди и не будет причастья.
Несчастие к счастию, счастье – к несчастью.
Пишите... Прощайте... Оборвано слово
Последнее... Не хороните живого...
Но тело свое я несу в самолет,
Как будто на вынос – ногами вперед.

3.

В. Владимирову

Становятся дни короче,
А ночи стали длиннее,
И галстук, купленный в Риме,
Как будто петля на шее.
Все туже петля и туже.
Я выдернут, как страница.
Бумажным корабликом в луже
Плаваю за границей.

1981-83

* * *

Б. Николаеву

Шестнадцать строк – не шестнадцать ног.
Не убежишь далеко.
Я попытался. И видит Бог,
Было ли мне легко.

На перекрестках чужих дорог
Трудно свою искать.
Я попытался. И видит Бог –
Стоило рисковать...

Или порог, или порок.
Лгать научусь. Чудак,
Я попытался. И видит Бог –
Это сущий пустяк.

А над полями, горя в ночи,
Падают звезды тихо...
Я б оправдался, да Он молчит,
Будто не слышит крика.

1984

ДВА ГОРОДА

А. Дмитриеву

В Бобруйске и грязь, и туман, и дожди,
А вечером улицы вязнут во тьму.
Дома на улицах, как кобели,
В заборы прячутся, как в конуру.
Стемнеет – тяжелые ставни на стекла.
Ни звука шагов, ни души. Тишина.
И хоть ты трижды вот здесь подохни,
Никто не выглянет из окна.
Но местный базар – прямо яблочный рай:
Шафран и антоновка, груды ранета...
А запах такой, будто пьешь крепкий чай
Вприкуску с бабьим медовым летом.

В ущельях улиц метель огней.
Вечер. В Нью-Йорке осень –

Мокрые скверы, мокрый хайвей,
Мокрые ветки сосен.
Мокрые отблески фонарей,
Автомобилей мокрые шины...
А я вдруг вспомнил, как вкус калины,
Тот город яблок и лошадей.

1984

ПАМЯТИ БОРИСА ЛАЗАРЕВИЧА ИОФФЕ

Блажен, кто скорбное познанье
До дна влекущего испил...

Б. Иоффе

И мой черед придет.
Тот день не за горами —
Смерть разведет руками
И нитку оборвет...

Так просто и обыденно.
На небо, не спеша,
Туда, где все предвидено,
Отправится душа.

В девятый день отстанет тень,
В сороковой — свет месяца...
В какую постучаться дверь
С той бесконечной лестницы?

Где встретить Вас, найти, узнать,
Душой распознавая душу,
Все досказать и все дослушать,
И с опозданием понять...

1985

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ РАСКОЛЬНИКОВА
(по иллюстрациям к "Преступлению и наказанию")

Эрнсту Неизвестному

Личина. Лицо. И расколотый лик.
И пальцы руки. И сон в руку...
И черное солнце выводит по кругу
Топор под крестом в захлебнувшийся крик.
И черного солнца косые лучи,
Как черная шаль за спиною...
РАСКОЛЬНИКОВ.
Вижу – горящие три свечи –
На каждую смерть по одной.

1986

* * *

Александре Владимировне
и Виктории Квачевским

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав...

И. Бунин

Деревня Бабичи, а дальше – Грязенять,
А дальше... Прочь, холодная тоска.
Рука твоя, как нож.
Но память не унять...
Над полем облака,
Роняя тени в рожь,
Издалека плывут.
Им хорошо в пути...
А поле перейти,
Срывая васильки, –
У берега реки
Две ласточки живут...

1986

роман бар-ор *бывший ленинградец*

РОМАН БАР-ОР (родился в 1953 году). Жил в Сибири и Ленинграде. В СССР не публиковался. В 1978 году эмигрировал в США. Печатался в журналах ”Время и мы”, ”Стрелец” и в Антологии современной русской поэзии ”Голубая лагуна”.

* * *

Как будто тихо все...
Осенний мокрый ветер,
В тоске, штампует грязь
Засохших красных листьев.
И так мертво и голо,
Что кажется уже,
Заржавленный, на миг остановясь,
Заплачет жернов жизни
От жалости и скуки.

1967

* * *

На блеклый театральный плащ
запомнивший и снег и злое солнце
как капли винные на глянцевое донце
на выцветший хитон стекают капли. Осень.

Приди домой, пожалуйся, поплачь
а за тобой — все тот же злобный скрип
под плач дождя мятеж поднявших сосен,
и одиночества подробный манускрипт.

Так сетует октябрь смывая лак шпалер
и рвутся облака – по ветру – в клочья
где тень твоя – как беглый раб с галер
спешит на казнь, с дороги сбившись к ночи.

1974

* * *

Связь распалась. Прощай, этот миг.
Сонмы душ на пустынной планете
Долистают тех дней черновик.
Лист последний – слетающий
– в вашем лорнете:
В сопряжении слов
как в движении лет
есть обычная праздность движенья
есть и крики волов
и скрипучее пенье телег
и извечный инстинкт возвращенья

Для чего переписывал набело тьму?
В междуречии смерти теряется тема
на летящем листе
как в зрачке Полифема
летописец Никто
разливает сурьму.

1974

* * *

...Запад есть Запад,
Восток есть Восток...
Киплинг

Восточный юмор – висельный оскал.
Но тину разогнав в пруду рукою,
увидишь мир в тиши его зеркал.
И только блеск – над быстрою рекою.

Ан в тихом омуте – хоть смейся, хоть грусти
и черт живет, и церкви есть златые,
Куда ж сокроешься, коль высечен в кости
весь взлет до Магадана от Батыя.

1975

* * *

Не по нотам играет на дудочке век-шарлатан
– Но по Сеньке!
Отчего и достались фальшивые керенки нам,
для чего и топтались по вшивой и Вотан и Хам,
из чего и пошили для Тришки медвежий кафтан,
– что нахальные трели к саженно распахнутым ртам
прилепляются легче, чем мякиш к окрашенной стенке!
...на полушку ушанка полна сизоватым дымком
добродушнейших душ!
Город Гаммельн прискорбно усох от тщеславной обиды:
мол, за дудочкой века такие ушли пирамиды!..
– что уже не помогут ни нож, ни дележ, ни правеж.

1980

* * *

Канатоходец, вышедший во время
чей ход лишь слышится, а счет шагам потерян
когда еще

в таверне старой Мнемозины. цвета кьянти
графин и скатерть. правнук Кавальканти
подносит счет

летейских лет просроченных к уплате,
и нужды нет что кредитор галантен:
– У них самих лета наперечет!

Огни притушены в заштатном колизее
ни зрителей, ни обреченных – нет
ни тех глазниц, в которые глазеют
ни тех, куда плевать не след.

1981

* * *

Еще глаза не проглядели взгляд.
в оконном переплете сада
еще недвижна колоннада
дерев ночного декабря.

Еще над ставшей полночью рекой
по памяти, рекою ставшей,
не возвратился мой двойник не мой
в пустынную как эхо башню.

Еще черны зубцы восточных гряд
и небеса стоят покаты.
но темнотой припорошенный взгляд
взлетает в воздухе крылатом.

Мгновенным временем года занесены.
ночь, засыпая в пасти у камина,
сочит тепло. ночная окарина
звучит как снег ложащийся во сны.

Ночь засыпает. в небе догорев
звезд утренних аул дымится.
еще мне жаль, что в памяти дерев
не свили гнезда наши лица.

1981

василий бетаки

бывший ленинградец

ВАСИЛИЙ БЕТАКИ (родился в 1930 году). Опубликовал в СССР одну книгу стихов, а также много переводов: Шекспира, Байрона, Гете, Киплинга и других авторов. В 1973 году эмигрировал и живет в Париже. В 1974 году вышла его книга "Замыкание времени", а в 1981 году "Европа – остров". Неоднократно выступал со стихами и переводами в журналах "Грани", "Континент", "Стрелец", "Третья волна" и других изданиях русского Зарубежья.

МЫ – ИЗ КИТЕЖА

Н. Н. Рутченко

В граде Китеже, в граде Китеже, на безлистом илистом дне...
Погодите же! Погодите же! Слышен колокол в тишине!

В граде Китеже, в граде Китеже, где намокла дневная мгла,
Не разбить вам, не заглушить уже, не достать вам колокола!
И когда забудет о розовом и нахмурится верх лесной,
Над изломанной гладью озера станет ветрено под луной,
И стеклянные волны призмами вновь подставят бока лучам –
Мы – не призраки – но как призраки
Подымаемся
По ночам!

За сараем в собачьем лае
(Мол, хозяин, возьми с собой!)
Мы опять вороных седлаем
И опять – в безнадежный бой:

Крепко взнуздываем надежду и накидываем плащи,
И выходим на берег между двух осин – и ищи-свищи!
Ну а в Китеже, ну а в Китеже ночью молятся и о нас:
"Разбудите же, разбудите же хоть кого-то на этот раз!"

И когда поезда гремящие, обогнав нас, трясут мосты –
Разгляди, что мы – настоящие, что совсем такие, как ты!

Тонет звездный свет в гриве лошади,
Старый дуб в ночи крутит ус...
Дай мне, Господи, крошку прошлого,
Я пойму теперь его вкус!

К дому дом ощерившись лепится, словно вздрагивает во сне,
Перепуганные троллейбусы прижимают уши к спине;
По асфальту, где окна спящие не расслышат копытный гром,
Мы проносимся – настоящие – и скрываемся за углом.
Отряхните же, отряхните же наважденье хоть в этот раз!
Мы – из Китежа, мы – из Китежа, мы сегодня разбудим вас!

Заблудиться в пятиэтажии,
До утра не найти свой дом,
Где всеобщею распродажею
Вам грозят за каждым углом,
Где на улицах и вокзалах
В кумаче – ордынская вонь...

Где в церквах гаражи, пожалуй, потому, что не в моде конь...

Вы – не младше нас
И не старше нас –
Так не плюйте в нашу тоску:
Не умели мы – под татарщиной,
Не хотели – в аркан башку!

Души съедены, сосны спилены, вместо птичьего –
свист хлыстов...
Оттого-то и затопили мы все от папертей до крестов,
Затонули мы вместе с Китежем,
И поэтому – вас живей!
Отворите же, отворите же! Вот мы спешились у дверей!

В ваших комнатах, в ваших комнатах,
Там, где страх, как столетье, стар,
Мы напомним вам, мы напомним вам,
Все, чем жили вы до татар,

И о Китеже, и о Китеже – ибо мгла его не смогла...
Ну проснитесь же, ну очнитесь же!
И услышьте колокола!

* * *

В окна мне глядят Юпитер и Париж.
...Где-то там ночная питерская тишь.

А в Воронеже – вороны на крестах,
У них черные короны на хвостах.

И растаяло созвездье Гончих Псов,
И пластается туман из-за лесов,

Где молчит, как берендеева страна,
Вольной Вологды белесая стена.

А за ней – морозцем тронутая ширь...
Там затерян Ферапонтов монастырь,

Там над озером, где низкая трава,
Тают в воздухе неспетые слова,

Цвет лазурный не отдавшие зиме –
Дионисиевы фрески в полутьме...

Там, в приделе, за безлюдный этот край
Заступись ты, Мирликийский Николай,

За осенний, за желтеющий рассвет;
Помяни, что мне туда дороги нет.

Помяни, что в граде-Китеже живу:
Только воду осязаю, не траву.

Помяни, что я молился за леса
И над озером тугие паруса...

Ты, взлетающий в подкупольную высь,
За меня, святой Никола, помолись...

* * *

К. Г.

В безоблачности над гранитной крепостью,
Над клетками дворов
Летящий ангел пойман в перекрестье
Прожекторов.

Распахнутые судорожно крылья
Внутри креста,
И ангел бьется на булавке шпиля,
И ночь – пуста.

Молчи и слушай, если ты крылатый,
Как до утра
Еще трубит тревогу ангел взятый
В прожектора.

* * *

Вечерами, в переполненном трамвае,
Зыбкий контур отраженного лица,
От вагонного стекла не отставая,
Так и движется сквозь город до кольца.

Там, во тьме – черты пикассовой голубки...
(Бровь одна – чуть-чуть сильней подведена...)
Рыжий свитер над квадратом белой юбки –
В полуметре от вагонного окна.

Так прозрачно неподвижное движенье,
Только алым озаряются зрачки:
Это с ними совместились на мгновенье
Обгоняющей машины огоньки.

Сквозь мельканье окон встречного трамвая,
Как сквозь движущийся сгусток пустоты,
В вечер, в город, пролетая, проницая –
Невредима эта хрупкость красоты!

Слишком зыбко. Невесомо. Нереально.
В полуметре от летящего стекла,
Так спокойна и немыслимо печальна
По чертам лица струящаяся мгла,

Потому что свет в вагоне слишком плотен,
Чтобы так – не улыбаясь, не скорбя...
То ли город за окном наоборотен,
То ли я, в него глядящий сквозь тебя?

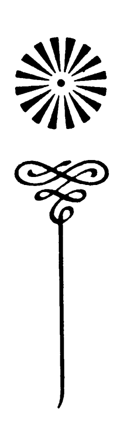
* * *

Я вижу музыку порой
Геометрично, ощутимо,
Так, будто бы неверность дыма
Вдруг обретает жесткий строй!

Необъясним аккорд Равеля –
Зеркальный отзвук тишины.
Над ртутной тяжестью волны
Горизонтально он расстелен;
Волна? Частица? Странный шаг:
Чем ближе он, тем отдаленье
Бесспорнее.
У поколенья
В крови звучит он – не в ушах.

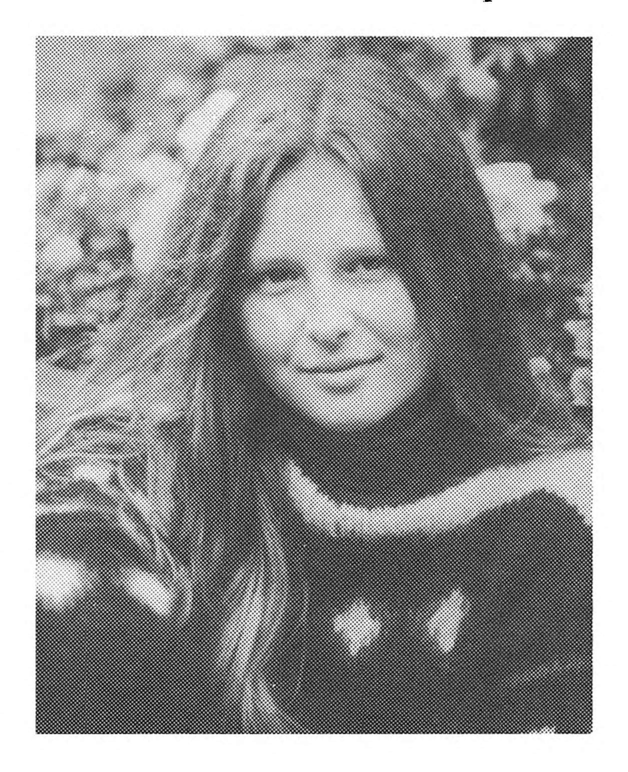
Кровь тяжела и неясна,
Как настроений перемены...
Пустынных горизонтов стены
Дрожат,
Когда в них бьет волна.

Бах... Высший рационализм.
Готических соборов латы.
В диезах стрельчатой токкаты
Математический каприз.
Он не влезает целиком
В концертность нынешнего зала:
Сломалась вертикаль хорала,
Придавленная потолком.
А если так – без потолка,
Чтоб только небо над органом?
Но в нашем климате туманном
Ему мешают облака.



ина близнецова

бывшая ленинградка



ИНА БЛИЗНЕЦОВА (родилась в 1958 году). Жила в Оренбурге и Ленинграде, где закончила математический факультет ЛГУ. В СССР не печаталась. В 1978 году эмигрировала и живет в США. Публиковалась в журнале "Континент".

ОКОНЧАНИЕ ЛИВНЯ

Еще жило дыхание дождя
и капли, счеты с временем сводя –
любая донести себя спешила –

Как черепки разбитого кувшина
летели вниз, пока в святых вершинах
ангел сиял, пророка в рай вводя –

так падали. И знали пустоту,
отчаянное торжество полета –
как знал гонец последнюю версту,
вразмах упавший к городским воротам
и хриплых звуков смертное вино
изливший на томящиеся души –

так ливень шел – до дна, сплошной стеной,
что травы каменели от удушья.
И раскрывали жаждущие рты –
наги и чисты, словно в день творенья –
и рвались ввысь, на вольное паренье,
и слепли от минутной красоты.

Им все казалось: или длится миг,
или сейчас случится, отмоленный
всей жизнью, проведенной на коленах
душою, напряженной, словно крик
под горлом онемевшего – навырост
отмерянный, раскроенный, как вырез
на юной, чуть поднявшейся груди.

Так схимник скажет "встань!" – калека встанет
и силу отдающего помянет –
так приносили в дар себя дожди.
Так принимали травы дар – и жили
как никогда, опомнившись, спеша!

Мои глаза тогда мне не служили,
подсмотренное счастье сторожа.

1977

***

По памяти прикосновений
пытаюсь воссоздать лицо,
которое сегодня не узнала.

Рука скользит по зеркалу, и мало
надежды на иссеченный резцом
край рамы зеркала.
Сказавший "veni"
наверное, продолжит: "vidi" – фраза
не прежде кончится, чем жизнь –

рука скользит, я отнимаю руку,
пока еще возможно отложить
конец движения, пока упруго
течет стекло под пальцами,
а в нем
мое лицо над отраженным днем
не изменилось навсегда и сразу...

Когда рука коснется рамы,
как если бы коснулась двери,
я постучу и попрошу пустить.

И я скажу, что я пришла с дарами,
и пусть мне воздадут, как всем – по вере
чего мне ждать, мне глаз не отвести!

Рука скользит с угла и до угла
я солгала бы, как всегда, как проще —
но жизнь остановилась у стекла
и не стучась, уже вошла наощупь.
Но взгляд сошелся — вечность утекла
легко меня от слова отлучая
скользнули дни, не составляя лет...

Но взгляд сошелся, я не различаю:
жизнь не решилась, или жизни нет.

1978

ЗАКЛИНАНИЕ МЕРТВЫХ

Иезекииль, гл. 23

Поля и пастбища голы,
земля не дождалась полива.
Как дышишь, по смерти Оголы,
сестра моя, Оголива?

О жизни злой и веселой,
о жизни нашей счастливой
что помнишь, по смерти Оголы,
сестра моя, Оголива?

Подумать бы, что снится
мне это страшное диво:
меня называют блудницей,
сестра моя, Оголива!

Нет ни дождя, ни мира,
травы гибнут, оливы.
Ах, сердце жаждет кумира,
сестра моя, Оголива!

Ах, сердце жаждет покоя,
в час, как заря алеет.
Моей сотворенный рукою,
Бог, верно, меня пожалеет...

А Тот, великий и страшный,
шлет кары, смотрит пытливо.
Да будет стена и башня
меж мной и Ним, Оголива!

Не будь ни врагом, ни другом,
не шли ни удачу, ни голод –
уйди, сними Свою руку,
Тебя не знает Огола!

Оставь нам божков и рощи,
забудь про хлеба и сливы,
не может быть просьбы проще,
и в чем мой грех, Оголива?

Узнала ли тихий голос –
он смехом покрыт глумливым.
Ты тоже клянешь Оголу,
сестра моя, Оголива?

Огонь разводишь под вечер –
я гнев Его не утолила.
Ну что ж, зови, я отвечу
на голос твой, Оголива.

...Кури на высотах смолы,
пой ночью у вод залива –
ты пьешь из чаши Оголы,
сестра моя, Оголива.

1979

***

Откровение Иоанна Богослова
*гл. 6, 2*8, 2-11* 22, 19.*

Настоим на водах полынь
после третьей чаши вина.
От господских пиров до Господних даров неблизко.

И взгляд, что бросит луна
на мозаичные полы,
ничего не значит, как взгляд обернувшегося василиска.

Нам равно далеко до сна,
до дома, до прошлых ночей,
до обещанной кары с небес – до крови на реках.

Но кровь – не наша вина,
и свет с образов – ничей,
и танцует звезда-полынь на опущенных веках.

И не будет плаща полы,
ни крупа коня, ни труб,
реченья над нами не сбудутся, слово не сохранится –

мы пили полынь.
Полынь текла с наших губ.
И за седьмою печатью только пустая страница.

О себе ли печалиться нам,
об ангеле третьей трубы,
о стенах Сикстинской капеллы, кладбищенской пыли?

За горчащей чашей вина
нам просто забыть.
Просто и нас забыть – да, пожалуй, уже забыли.

А мы доверяем свечам
и умеем молчать о том,
что песчинки с песочных часов засыпают речные плесы...

Оборотни по ночам
бродят из дома в дом,
собирают по каплям звезду – крадут наши слезы.

1979

***

Ночь – она и всегда-то была неспокойна,
а ночи здесь и вовсе ни на что не похожи,
а то еще туман – хоть отводи рукой, но
не тут-то было. И хоть бы один прохожий.

Ко всему тому – этот город, такой чужой,
что, конечно, он должен быть обманом чувств,
как и любой дом, где огонь зажжен
в окне, в которое я постучусь.

Пожалуй, только снег признать могу,
галочьи крестики на снегу,
скользкий асфальт, зависть паркетных зал –
да еще собачьи глаза.

Но асфальт подходит к дому, в котором свет зажжен –
куда, как я уже сказала, мне хода нет.
Во дворе, где живет собака, снег под окнами желт,
и свет, как снег – на что мне такой свет.

И значит, остается только снег,
да кресты – неловкий птичий разбег,
одна звезда, оттуда, издалека,
да еще, не забыть, река.

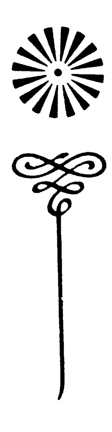
Но галки по ночам спят, а ночь — вот она, ночь.
Звезда, хоть и не спит, да дороги к ней не найду,
ветер ворошит снег, потерявший душу давно,
во сне, в ночь, как падал, засыпая на лету.

Подведем итог — итак, река.
Помню дворцы по берегам,
и шпиль в огне, силуэт в окне
и еще один — на коне.

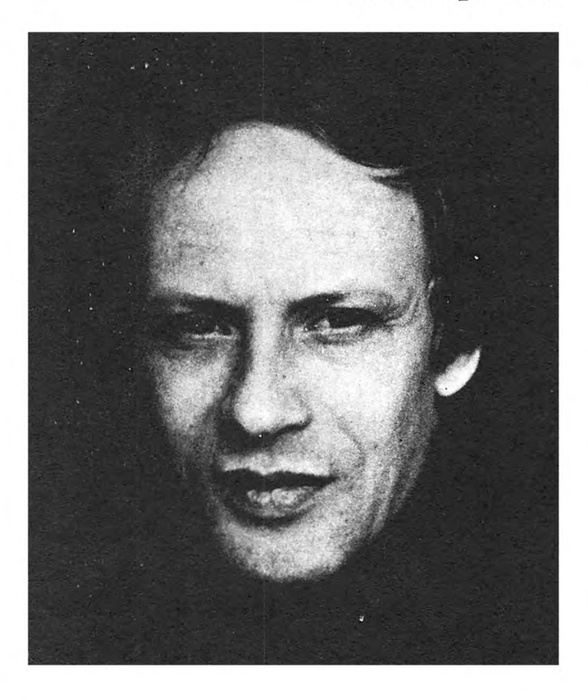
Как ни странно, река действительно есть
в этом городе, которого или быть не должно,
или мне здесь не быть бы — это уж как ни расчесть,
выбор неважен, лишь бы что-то одно.

А так как и спор долог, да и тема смешная,
то к реке — а здесь это уже не в счет.
Берега обманут, но воду, несомненно, узнаю,
и если ошиблась — течением перенесет.

1980



дмитрий бобышев *бывший ленинградец*



ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ (родился в 1936 году). Жил в Ленинграде. Впервые опубликовался в московском неподцензурном сборнике "Синтаксис". В официальных изданиях СССР никогда не печатался. В 1977 году в Париже была издана его поэма "Стигматы". В 1979 году поэт эмигрировал и живет в США. В том же году в парижском издательстве ИМКА- ПРЕСС вышел его большой поэтический сборник "Зияния". Публикуется в журналах "Континент", "Вестник РХД", "Третья волна", "Эхо", "Стрелец" и других изданиях русского Зарубежья.

ИЗ ЦИКЛА "ТРАУРНЫЕ ОКТАВЫ"

Памяти Анны Ахматовой

ГОЛОС

Забылось, но не все перемололось:
огромно-голубиный и грудной,
в разлуке с собственной гортанью, голос
от новой муки стонет под иглой.
Не горло, но безжизненная полость
сейчас, теперь вот ловит миг былой.
И звуковой бороздки рвется волос,
но только тень от голоса со мной.

ВОСПОМИНАНИЕ

Здесь время так и валит даровое...
Куда его прикажете девать,
сегодняшнее? Как добыть опять
из памяти мгновение живое?
Тогдашний и теперешний – нас двое,
и – горькая двойная благодать –
я вижу Вас, и я вплываю вспять
сквозь этих слез рыдание былое.

ПОРТРЕТ

Затекла рука сердечной болью...
Как Вы посмотрели навсегда
из того мгновения на волю
в этот вот текучий миг, сюда!
В памяти я этот облик сдвою

с тем, что знал в позднейшие года.
Видеть Вас посмертною вдовою,
Вас не видеть – вот моя беда,

ВЗГЛЯД

С мольбой на лбу, в кладбищенском леску
в день грузный и сырой, зимне-весенний
она ушла от нас к корням растений,
туда, в подпочву, к мерзлому песку,
"Кто сподличать решит, – сказал Арсений, –
пускай представит глаз ее тоску".
Да, этот взгляд приставить бы к виску,
когда в разладе жизнь, и нет спасенья.

ПЕРЕМЕНЫ

Холмик песчаный заснежила крупка,
два деревянных скрестились обрубка;
их заменили – железо прочней.
На перекладину села голубка,
но упорхнула куда-то... Бог с ней!
Стенку сложили из плоских камней.
Все погребенье мимически-жутко
знак подает о добыче своей.

ВСЕ ЧЕТВЕРО

Закрыв глаза, я выпил первым яд.
И, на кладбищенском кресте гвоздима,
душа прозрела: в череду утрат
заходят Ося, Толя, Женя, Дима
ахматовскими сиротами в ряд.
Лишь прямо, друг на друга не глядят
четыре стихотворца-побратима.
Их дружба, как и жизнь, необратима.

ВСТРЕЧА

Она велела мне для Пятой розы
эпиграфом свою строку вписать.
И мне бы – что с Моцартом ей мерцать,
а я – о превращеньях альбатроса
непоправимо внес в ее тетрадь.
И вот – она, она в газетной прозе!
Эпиграф же – и впрямь по-альбатросьи –
куда вдруг улетел – не разыскать.

СЛОВА

Когда гортань – алтарной частью храма,
тогда слова Святым Дарам сродни.
И даже самое простое: "Ханна!
Здесь молодые люди к нам, взгляни..."
встает магически, поет благоуханно.
Все стихло разом в мартовские дни.
Теперь стихам звучать бы невозбранно,
но без нее немотствуют они.

ИЗ ГЛУБИНЫ

1.

То ли вишенье, то ли буру
подмешали в чернила:
что ни выпишется перу –
все – кроваво, червиво.

То ли это калечится мозг,
так буквально язвимый,
словно беса колючего Босх
запустил вдоль извилин;

то ли, – жертва любовных ловитв
под рукой сердцелова, –
растлеваемое, вопит,
вырывается слово.

Нарывает, рыдает о двух
душах, до крови рваных,
весь в буграх, искареженный Дух,
как терзал его Кранах.

2.

Что ни час, то неровен...
А в часу нулевом
кротко блеющий Овен
пожирается Львом.

Срок истек человечий.
В том и прок неземной, –
насыщалась бы вечность,
что ни миг, новизной.

3.

Дух со следами огня
наклонялся, и жаждал в меня
углубиться.

Тень по границам лица
и внимательный взгляд пришлеца
вспышкой блица,

копотная полумгла
и пронзительный взгляд, как игла
были близко.

Видно, выискивал брешь.
Двух кровей перейденный рубеж
и расписка

вызвали дух из огня.
Наклонялся, и жаждал в меня...
Я отбился.

4.

Куда с паденьем Люцифера
пробита шахтою дыра –
катастрофическая сфера
и центр ядра,

и самый гвоздь существованья,
где боль его, и крепь, и кость,
вселенская и мозговая
прошли насквозь,

где заживо ороговела
и одеревенела глубь,
но ржавая в крови каверна
проникла в луб, –

оттуда, из кромешной точки,
где все начала сведены,
забил таинственный источник,
ИЗ ГЛУБИНЫ.

1973

ИЗ ЦИКЛА "РУССКИЕ ТЕРЦИНЫ"

* * *

Да все – изгнанники, еще с Адама...
Кто Рай покинул, кто изжил Содом
в сознании. А мы так и подавно –

где нам похлебка варится, там – дом.
И все-таки живем и не плошаем,
и думается крепче о родном,

но не одним, как прежде, полушарьем.
Два опыта сомкнулись в полноте.
И, кажется, слова сейчас нашарим

вернейшие, насущнейшие, те...

* * *

Когда бы я по-прежнему жил там,
сказав "УЖО", как пушкинский Евгений, –
за мной не Медный Всадник по пятам,

а на броневике чугунный гений
"Та-та-та-та", – татарский злой прищур
плевал бы пулеметною геенной.

И жест – знакомый, даже чересчур:
"Он – там..." Петляю, в горле бьется рвота.
"Молчаньем уничтожу! Запрещу!"

Попал. Вот это – хуже пулемета.

* * *

Жилось, признаться, именно что жутко:
размазан был какой-то ровный страх.
И сверх бывало, в виде промежутка,

навалится, и чуешь: дело швах,
И думаешь: вот в Доме на Литейном
твой следователь роется в делах.

Очередной донос подколет с теми,
и папку – между папок, в тот же строй...
А та – полна. Не лезет. Значит, время

брать субчика. – Нет, ворон, я – не твой!

* * *

Ефиму Славинскому

Столько худого хлебнул, а ни-ни:
не вспоминаются черные дни,
а вспоминаются белые ночи,
яркие сумерки, – только они...

Смольный собор в озареньи заочном,
тыльце ладони, студеной на ощупь,
сладкие горести, робкая страсть...
– Тянет обратно? – Да как-то не очень,

разве, когда переменится власть.
– Как бы не то! Хоть и в петлю залазь –
тупо стоит... – Но об этом не надо:
наши родные залогом за нас.

А из решетки у Летнего Сада
твердые звуки державного лада,
арфоподобные, надо извлечь.
– И не тянись из Не-знаю-где-града,

сытого самоизгнанья, сиречь.
То и твержу: – Завела меня речь
с книжкою первозеленых "Зияний"
слишком неблизко... И – сумка оплечь.

Не получилось пыланий-сияний.
Разве что опыт осядет слоями,
истинно станешь не кем-то, – собой.

– А хорошо бы, ребята-славяне,
песнь кривогубую спеть на убой:
"В той степи глухой замерзал ковбой"

* * *

Юрию Иваску

– России нет, – желчь изливал Иван.
– И – хорошо! – юродствовал Георгий.
А что тогда гналось на Магадан
и мерло в селах?.. Юрий был негордый.

Всегда, как и теперь, – седобелес,
он, видно, веял юностью такою:
хоть от острот и хохотал до слез,
но плакал над марининой строкою.

Он пели-пели-пели написал,
и: пили-пили, поле, пули, пали.
По звукам Пли и Эль на небеса
вели доброармейцев Петр и Павел.

Но тон Парижской Ноты был уныл,
а чистенький пейзаж новоанглийский
так и остался сердцу мил-не-мил:
– Мне москвичи любезны, Вы мне близки.

Не в эльзевирах – вечный человек:
несомый папиросною бумагой,
по Самиздату бродит в дождь и снег,
играя в мячик со святым Гонзагой.

Мы с Юрием в самом Раю – а где ж? –
постелим самобранку под-за кустик
и за Россию чокнемся: – Грядешь!
И малосольным огурцом закусим.

* * *

"Увижу ли народ освобожденный?.."
– Не Пушкину, так Блоку довелось.
Антихрист ли, Христос краснознаменный

гульнул, и снова в рабство впал колосс.
– Увидим ли его в духовной силе?
Ведь это все, что нам хлебнуть пришлось,
по вкусу лишь клеветникам России.
Кого винить? Не ясно ль дураку:
мы сами проворонили, разини,
какую Родину!.. Россиюшка – ку-ку!

* * *

Мольбу возносят "темные" бабуси
о благораствореньи воздухов,
и – благорастворяются воздуси.

И плавающий – на плаву, сухой.
И путешествующий сел под кленом.
И за недугующим стал уход.

Ленинград 1971—
Милуоки 1981

ПОЛЬШЕ

Бравурно говорлив, чернокрылат и лаков,
    жемчужную картавинку рояль
    проворковал и выплеснул, восплакав...
Но благородный звук никак не окрылял
ни "Польшу нежную, где нету короля",
    ни бурно негодующих поляков.

Увы, не волновал блистательный клавир
    ни прелестью прохлад, ни прелью жара,
    которыми он Истину кривил:
заполонил эфир как раз, когда Варшава
белками, бледная, от немоты вращала.
    И плыл аккорд, по клавиши в крови...

Конечно, под прямым призором сюзерена...
Но – свой же, свой! – на марсовых полях,
чтобы страна не стала суверенна,
орла когтит орел, и с ляхом бьется лях.
– Тадеуш, ты хорош не тем, что ты поляк,
лишь – ежели мышление созрело!

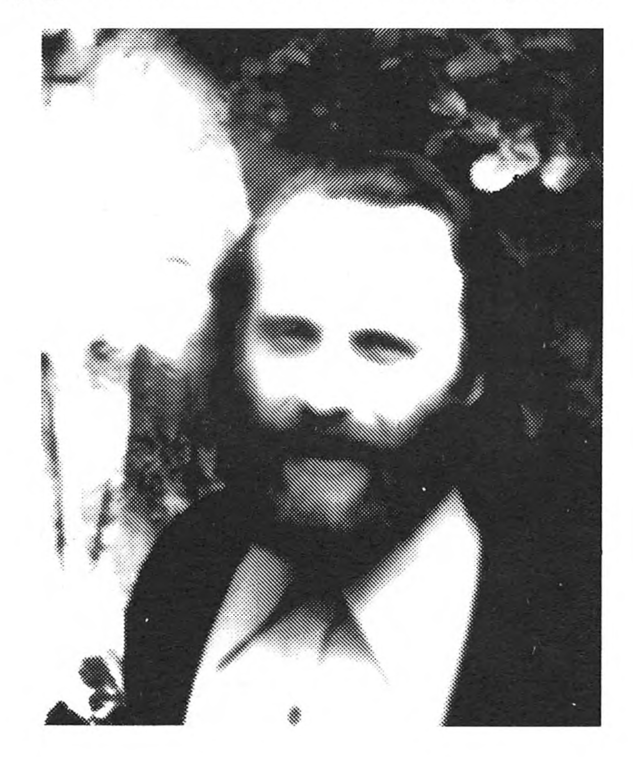
Виновен ли при том со-братственный народ?
В другом бараке общего режима
ярмо ему больней, и дольше трет.
Но, чтобы Музы ввек беда не раздружила,
наш дивный Мандельштам свои распялив жилы,
о Польше пел, небесный патриот...

Все той же властию неправедной – замучен...
Виновен ли со-ангельский ему,
со-херувим в лазури благозвучий,
что музыка его маскировала тьму,
гирляндами рулад украсивши тюрьму, –
прославленный Шопен, – куда зовущий?

Хотя бы в этот час чахоточно зардейсь!
Не отдадим серебряного дара!
И дорог мне поляк, но не гордец.
Скорее ты со мной, гордячка, солидарна,
пока расстрелянною шубкой смотришь драно
в сестричестве растерянных сердец.

1981

игорь бурихин *бывший ленинградец*



ИГОРЬ БУРИХИН (родился в 1943 году). Жил в Ленинграде. В СССР не печатался. В 1978 году эмигрировал в Западную Германию. Занимается преподавательской деятельностью и журналистикой. Автор книги "Мой дом – слово" (1978) и "Превращения на воздушных путях" (1981).

С ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА – НА ВЕРБНОЕ 1982-ое

И. Стравинскому

* * *

На католическую – в Великом Кельне –
субботу пусто, отливает асфальтом.
Кладбищенские развалы
мирового покоя в небе
повторяют его на вылете
из тоннеля. И какое там з а в т р а – ? –

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ.
ХРИСТА.

На иудейской почве должно быть
уже Боннарово – ноздри липнут,
по стержню в каждой. А нам
холодно в Германии. Как со дна,
темное цветение плотно. Стоячий взгляд,
процарапываясь по скрытым
складкам упирается в
пурпур
– выплевывая –
НА ПОЛЕ ПАШУТ. И ПЛЯШУТ
КАМНИ

Потом во тьме их поднимает к небу,
тебе по пояс,
еще идущему...

* * *

Японский бог – какое вишенье в снегопаде!
Исподне-Свышнее цветенье белых
бабочек с первым закусом крови,
бледных беженок подземелья.
На них с пронзительной
осенне-свечной, Церковной
сетью – Форзиция. А на ельник,
воткнувшийся в подолы вербного
семени, она же прямо с рогатиной: Кончи!..
– говорит – фразу. Но только не так, округлей.
Не то провалишься. Удержаться,
как на воздухе, нечем.
Только во сне...
И – РУКИ ЗНАМЕНИЕМ

* * *

НА ВЕРБНОЕ – РУССКИЙ ВЕБЕРН –
Ходи по сердцу Ходи по сердцу
кошачьей лапкой, кусачей
посеребренной пробежкой
белой-бедовой!
Сухо Сухо ходи
сукоберестяной пробежкой,
хворою хворостиной скорописи
по сердцу – стынь – поцарапывая:
ЦАРЯ ЦАРЮ Безутешный мой...

В ОТКРЫТЫ РАНЫ в открыты раны В ОТКРЫТЫ
всюду раны В СЕРДЦЕ ВЕРБЫ все в сердце вербы – Брр как БЕЛО.
Помело и защемило ВЕС ВЕС Весны
ВЕСЬ ЗА НЫ и заныло ЗАЧЕМ, и поди все прахом
ПРЕДКОВ из Рассеянья Млечного возвращайся
ПРАЗДНИКОМ ходи по девахам. И – ОДЕВОХОМ.
ПРАЗДНИКОМ – ПЕРЕДНИКОМ ПРАВЕДНЫХ

* * *

ЛОБ – УТРОБА –
НАПРАВО ХОДИ – НАЛЕВО –
кошачьей лапкой, пробежкой,
возвращением, смущеньем по женску
кругу, возмущеньем, топтаньем
– как на месте – ВОСКРЕШЕНИЕМ ПО КРЕЩЕНЬЮ

Возле Церкви, покуда воз
сердцевидно там бьется. Бьются
лебедь красная, вареный рак, еще щука.
На месте белом, пустом и тяжком
на Весах острию – проступают, бьются
за поля плат, поля кус. Скреби и царапай
белой лапкой. По вспаханному взмочила
– красного темней – влага снежных
семенных на вербы насылов. Сохнущий
на растяжке проводов столб, как только что
из небесной раны: для него Распятый цветет,
и плоды Его всех членов повисли. Куст,
срезанный с живого древа по склону, брыжжет,
зачиная от близости – в род и в рот –
втыкаемо в него елозивых
зазубрин. Куст – ВЕРНЫЙ – ВЕРБНЫЙ

* * *

Зачехвостило ВОССТАЛО белым-бело.
Что пера в лицо да пуха желанного.
Закрутило над землею в воздушных жбанах.
Будто в небо поднимается ВЕСЬ в холмах.
На нежданных на засолах, на зарослях
– что в засос – трепещет. Вспомнить пора
Птицу Птицу ту, протекши, как созданну
для тебя – птенца – разиню, всю в яблоках.
Ромбик желтый ржавый жадный – торчком

заходил по ветру. И вся семья
на семи-то-свечнике: бел ожог,
желт ожил, в темень пошел.
У Семелы по подолу метет метет.
А с Емели-замолчавша больше нечего взять.
Семимильными сапожками увязнуть грозит,
извернулась – я б ромашкой и то промок.
И замок открыт да ключик кусается.
На груди Царя Царю пощекочет плоть.
Снег небесный, застилающий свет.
В небе, в небо поднимается ВЕСЬ.
Загорбатела в холмах, забеременела.
Семи-свечник твой – семи-то-свечник?
А про рощу, как в газете написано:
НИКОЛАЕВО коряво, и то – ЧУДЕС!

Не забыть, что про Царя здесь, про Батюшку
для ПЕЧАЛЬНО ГОСУДАРЬ ПЕЧАЛЬНО ПЕЧАЛЬНО

* * *

СОРОКА – УКРАШЕНИЕ БЕРЕЗЫ
села, влипла в конец, замолкла,
застыла, замокла. Нас посетила
С НОВЫМ ГОДОМ неразбериха.
На чужой земле – со своей живой
еще памятью, или случаем
напоролась на березу: Какая грусть!
Называлась пилигримкой, разевай кузовок.
Что зима, что осень, что елка-то,
желто-рваным шаром украшенная,
над снегами, мол, владычица: – все-равно!
Бело-по-темну стрекочет в протеках будто.
Гостья! гостья! замолчала, что краденая.
Как в потемках проступает негатив лица.
Кому чудо, кому лихо – чего б не вспомнить.
Соглядатай в лихоманке шеей трясет:

Суца, суцая моя, суценька
Песья матка, собачка самка
Тоже волчья, Лисья, песцовая,
И так далее, а в губы – етцетера,
и тем более – по всем статьям – запись нотная
Запись нотная, у сучки не без крюка
У енота у еена – тоже не без креста
Грех, что в нору не пущает – Сиди Сиди
На тех яйцах до скончанья ЧТО высидишь –
будто поедом полетом да пропадом!
Тут – на что свой глаз положишь – не то ли есть?
Суковица та – строкой – березовица течет.
ЦАРЬ КОСЦЯЦИН СУКРЕЩАИЦЬ НЕБО И ЗЕМЛЮ
И. Бурихина ломает словарный бес
Камень Бдолах Бдолах бодается
А сорока на березе не слетает сидит!

* * *

В ВЕРБНОЕ-ТО РАЗЫГРЫВАЮТСЯ
Самые страсти.
Трясется воздух, взрываются
почки – на белое же с ножом.
У магнолии драконовы дети
точат клювы. Хо Хо, мол, хочет
радуги Розанов. И топочут
саддукеи, значит, сада. Но Столп
и ФЛОРЕНСКИЙ утвержденья законных
чудесных истин:

БОГОРОДИЦА НА ВОЛЫНИ
оступилась огромно в гору.
На след Успенской куколки – большой палец
головы набок и вверх улитой,
что ростком по стене, туда-туда,
где и Храм – Иконы не больше...
на след Ее

червь Почаевский пополз светлым
коридором, с Запада на Восток.
Алатырем на Север, с Юга входом встает.
Купола голубок, распятый
желаньем взлета, венчает
стоячей лодки вахту
у материнского
тела –

ПОД МЮНХЕНОМ,
в монаха бы не вступить
или же в монашенку, побираясь
поцелуями в темной по кругу Церкви –
КВАДРАТ ЗАТМЕННЫЙ – БЕЛЫЙ КВАДРАТ
на чреслах Иисуса Христа
И ? Исуса
складками идет, как завеса в храме
НЕРАЗДИРАЕМАЯ

* * *

Раскрытая в холмах могила – бы выйти.
Какие камни отодвинуты – и ты, мой ангел.
Сиренево грязнотцей – сиречь сукровицей –
старанье легкое совершилось, как вдох и выдох.
Темней от снежных налетов. И это вербных-то твоих кошек
безумие, распрыгавшихся, вдруг осыпает с японской вишни. –
Вишня та, вишь ли, цветет лишь в мае... – и крякает
человече из борозды, как понесший или ругатель
БОГА-Отблеска. И снова небо – как не было –
сине в белых обвалах (с домиками
и кустами) за горизонт... И горянское
возвращение их – по небу карандашом.

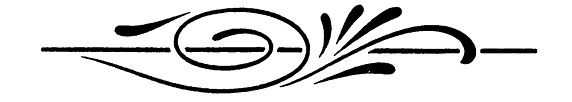
* * *

Погоды хватит на любую Пасху и всю Страстную.
Погода, что календари, в борьбе с собою – и в славе Божьей.

Католикам на Воскресенье Христово крутило снегом, прямо по солнцу.
На дню за несколько лет менялось, несло, вставало. А нам-то,
ну, право-славно! думал враг возражений, чудес любитель.

Вербное-то для верных, а для здоровья
вредное. Еще Страшней – Вознесенье.
Худо причастились – не бедно, все прибеднялись.
Исповедь шла комом из горла – где разобраться,
где тут от сердца?!

В сердце вербы. В сердце вербы. Их кошачий бег.
Снег на вербы – дождь на свечи в Духов День.
Да не в суд во осужденье, а на Страшный Год
открывается погода. А потом войдешь –
ВСЕ ПРОЙДЕТ



лия владимирова

бывшая москвичка

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА (родилась в 1938 году). В 1961 году окончила сценарный факультет Всесоюзного кинематографического института в Москве. Писала сценарии для кино и телевидения, выпустила два сборника рассказов и очерков. До отъезда из СССР в газетах и журналах было опубликовано несколько ее стихотворений. В 1973 году эмигрировала в Израиль. Публиковалась в журналах "Грани", "Время и мы", "Континент", "Сион", "22", "Новый журнал" и других периодических изданиях. В Израиле выпустила три книги стихов – "Связь времен" (1975), "Пора предчувствий" (1978), "Снег и песок" (1982).

* * *

Могу ль я память излечить,
Чтобы вчерашним не горела,
Чтобы, устав кровоточить,
Спокойно тлела и старела?

Какой по счету адский круг?
В который раз встает из праха
Всеусмиряющий недуг
Благополучия и страха!

* * *

И даты вспять бежали, как солдаты,
И падали, вмерзая в черный снег...
И встанет век на век, как брат на брата,
И в Боге усомнится человек.

Огонь погас, но дух самосожженья,
Как душный хмель, еще гуляет в нас,
И как полки в слепом дыму сраженья,
Сошлись века невидимо для глаз.

* * *

А там, где не было надежды,
Где Время – словно под откос,
В сквозных березовых одеждах
Плутала в зной или в мороз.

Кой-как подогнан, без портного,
Косой заплатанный наряд.
Как зябко! Ни руки, ни слова.
С тенями – тени говорят.

Два времени, две неотвязных
Две горьких памяти – итог.
Сама с собой в двух жизнях разных
Здороваюсь через порог.

* * *

Когда подступит вдруг удушье,
И темный страх, и злая боль,
Ты прояви великодушье,
Ты выплакаться мне позволь.

Но если, скрытого движенья
Стыдясь, я губ не разомкну,
Тогда, взамен опустошенья,
Ты дай мне, Господи, вину:

Пускай мой гнев оледенелый
Стоит морозною стеной
Меж мной, то дерзкой, то несмелой,
И прочной косностью земной.

Но нет! он чист, мой день просторный,
Так чист, что вера по плечу.
Я подозрительностью черной
Ее высот не омрачу.

СОЛЬ-МИНОРНАЯ СИМФОНИЯ

1.

"Я вам Моцарта привез,
Я приеду через час".
Полночь. Улица. Мороз.
В мутных окнах свет погас.

Не пришел он через час,
Не пришел он через день,
Не пришел он через год,
Не пришел он никогда.

Там, в пути, на полпути,
Кто-то черный поджидал.
День мой белый, отпусти
Во Владимирский централ!

2.

Тут, на праздничном столе,
Душно веточкам могильным.
Тут, на утренней земле,
Скучно жизням пересыльным.

Утром заперт лучший друг,
Прочих – бездна поглотила...
Ты заплакала не вдруг,
Раньше – шторы опустила.

3.

Приближается закон,
Надвигается ответ.
От раздавленных икон
С пола льется слабый свет.

"Я приеду через час,
Не тревожься обо мне", –
Сколько раз звучало в нас,
Обрываясь в тишине!..

Будто с чьих-то похорон –
Время, время, звук пустой! –
Я вернулась. Я сквозь сон
Воевала с пустотой.

А над городом – снега...
Полночь, женщина впотьмах.
След тяжелый сапога
На разорванных листах.

4.

Уйди. Уйдите. Дай забыть,
Не знать, не чувствовать, не видеть.
Ты слышишь? Дайте отлюбить.
Вы слышите? Отненавидеть.

О Русь моя, мой бедный дом,
Прости меня, как мать простила,
За то, что скорбью и стыдом
Одну себя перекрестила.

5.

"Я вам Моцарта..." Темно.
"Я приеду..." Ранний стук.
Занесенное окно;
Кто там, недруг или друг?

Так и есть, и будет впредь.
Так и было. Почему
Надо прежде – умереть,
Чтобы жить в пустом дому?

"Через час..." – который день,
"Через день..." – который год!
Полустертая ступень,
Подконвойный поворот.

Там от сосенки к сосне
Ветру весело кружить,
Мне ж от стеночки к стене
Эту ночь не пережить.

6.

Чтоб тоска меня скрутила
В этих запертых дверях –
Не о том судьбу молила
На московских пустырях:

– Дай мне жара, дай озноба,
Прохвати, не пожалей,
Чтобы радостная злоба
По задворкам, по трущобам
Разгорелась веселей.

Дай мне воли хоть на пробу,
Дай мне верности до гроба –
Снега белого белей,
Зорьки утренней светлей.

Утро. Серые сугробы.
Мы с тобою пьяны оба.
Ладно, что уж там... Налей.
Чтоб не жить? А может, чтобы?..

Я задам себе самой
Эти поздние вопросы,
Если с позднего допроса
Не дождусь тебя домой.

7.

Из опечатанных дверей
Как будто Моцарт! Ближе, ближе...
Хоть эту радость отогрей:
Ведь я тебя уже не вижу.

Послушай, если ночь душна,
И все вчера, и все бесцельно,
Пошли мне Бог немного сна
Для тихой песни колыбельной.

Немного сна, и снегопад,
И верность памяти суровой,
Где ряд кладбищенских оград
И воздух стылый и еловый.

Там руки стынут на ветру,
И шепот слышится оттуда:
"Что ж... Может, завтра я умру –
Сегодня я с тобой побуду"

8.

То не скорбная страна
Пробуждается на час.
То последняя вина
Надвигается на нас.

И цветет чертополох
По раздольям вековым,
И не верит светлый Бог
Темным свечкам восковым.

И кадит, кадит, кадит
Над пожарищами дым.
Слышишь, колокол гудит
Не по мертвым, по живым.

9.

Так за потерей потеря
Под завыванье пурги.
Верю я или не верю –
Боже Ты мой, помоги!

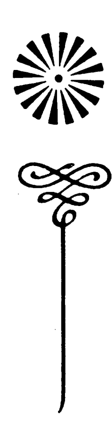
Что нам до шумного света –
Шепот любви и вражды –
Было бы горе согрето
Памятью общей беды.

То же, все то же и то же,
Вечные эти шаги...
Если я верую, Боже,
Боже, сейчас помоги!

10.

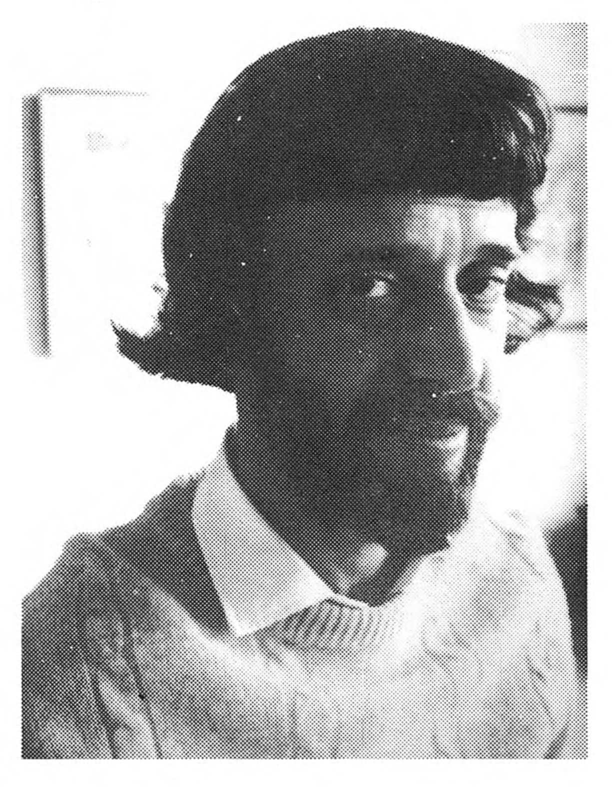
И метут, метут снега
За полярный светлый круг.
Не видать за полшага
Кто там – недруг или друг.

А над пламенем берез,
В бестревожной тишине –
"Я вам Моцарта привез,
Не тревожьтесь обо мне"



анри волохонский

бывший ленинградец



АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ (родился в 1936 году). Ленинградец, уехал из России в 1973 году. Живет в Тивериаде (Израиль). Автор нескольких книг стихов и прозы.

* * *

Назло игре натуры
Мой нацарапать стих
Хочу вдоль белой шкуры
Из букв голубых

Чтоб тушью несмываемой
Насквозь в тебе синел
И с каждым новым маем
Все глубже зеленел

А выжженная надпись
След инеева шрама
Сверкала светлой росписью
Высоко на стенах храма

И вечным звоном чуда
Блестел с твоих икон
Драконова сосуда
Бесцветный остракон.

КЕЛЬТСКАЯ ПЕСНЯ

Во времена короля Утера Пендрагона
была война с герцогом Корнуольским
и сам король вел осаду.
Леди Игрейна – так звали жену герцога,
которая короля за него приняла.

Леди Игрейна холодней воды
Нет воображенья грешней греха
Леди Игрейна холодна как лед
Инея Аравии непорочней дев
Леди Игрейна холодней снегов
Страшно подумать до чего хороша.

Но нет в мыслях чувства темней чем смех:
Низко даже вспомнить до чего смешон –

Ни когда он сдуру – да в черный спирт
Ни когда по углям похрустывал
Ни когда он искры топтал-топтал
Ни когда он воду огнем гасил, –
Не был он смешней...

А мне-то все равно на каких смычках
Сыграл этот малый в голубых очах
А мне-то что – если и грешней
Голого греха – все врут – нипочем
А мне-то хоть бы что хоть бы и в подол
Рыдала забытая Игрейна Корнуол.

СТИХ ПРО МЕЧ

Я, помню, вас молил о милостивом взгляде,
Вы – меч сулили в дар мне с ножнами взамен,
И вот мой день прошел в дыму как на параде.
Обманутых надежд из Книги Перемен.

Законы времени просты и непреложны,
Но все ж я вновь дерзну с мольбою предложить:
Бог с ним с мечом. Давайте ваши ножны,
А мы – Бог даст – найдем чего туда вложить.

ЕЛЕНЕ О ЛЕМУРАХ

Пускай невинной нашей касте
Велят в извилистых дымах
Теней потусторонней страсти
Пахать на кожаных крылах, –

Но не упырь и не випере
Лохматой, голой, ломовой –
Лемуру-пери прелесть-лори
Просвищет маки-домовой.

Елена, глупая мечта
Сестре тончайшего лемура

Свистеть под вечер: не чета
Эфир поветрию Амура.

Вот нам бы с долгими пятами
На ветке дерева сидеть
И вночь огромными горящими глазами
И круглыми глядеть, глядеть, глядеть...

Глядеть бы нам глядеть,
И падать, и скакать, и вскакивать,
И, завия хвост о вершину,
Листы творения о неге не листать,
Не веря, в сущности, в их книгу и причину.

Не в листьях, право, лесть,
Укоры – не в корнях,
Нам кружево не сплесть,
Танцуя на орехах:
Лемур на мышке грезою о пнях
Не смеет звать звезду к созвездию в прорехах.

Но так ли это?
Если созерцая
В зеленом небе тонкую фигурку
Зачем лемуру издали мерцая...
Елена, о... – и мысль уходит к турку...

Лемур-сестричка, милый долгопят,
Красавица, – хоть научи, Елена,
Укоротить строку, когда трепещет вспять
В колоде пень, предчувствуя полено.

А там – Арап, курчавый аль-хаттим,
Пускай вертится, сколько захотим.

ИЗ АРХИЛОХА

Глухих мурен немало и т. д.

Архилох

Породу не умея
Доить немых миног
Лепить слепого змея
Учил нас Архилох:

Очковую виперу
С медяницей в очах
Под собственную меру
Сквозь шкуру волоча.

Но в голую натуру
Нам рыбу не влупить:
Пойдешь чесать скульптуру –
Чешуй не отлепить

Нейдет унылый Кафка
Под юбку-колыхань,
Минетчица-пиявка! –
Лохматая лохань.

ЖЕЛЕЗНАЯ ВСЕГДА

Плывет по небу тучка
Падает звезда
Серебряная штучка
Железная слюда

На проволоке дверца
На волю из гнезда
Каменная, глиняная
Магнитная руда
Могила деревянная
Железная да-да.

* * *

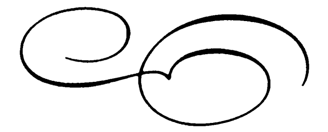
Одета в утреннюю мглу
Ушла Венера, а в углу
Стояла оттоманка –
Пришла эротоманка.

Кто клеил пух на плешь кудрей
С зарей, был вечером мудрей:
– Терпи, эротоманка, –
Скрипела оттоманка.

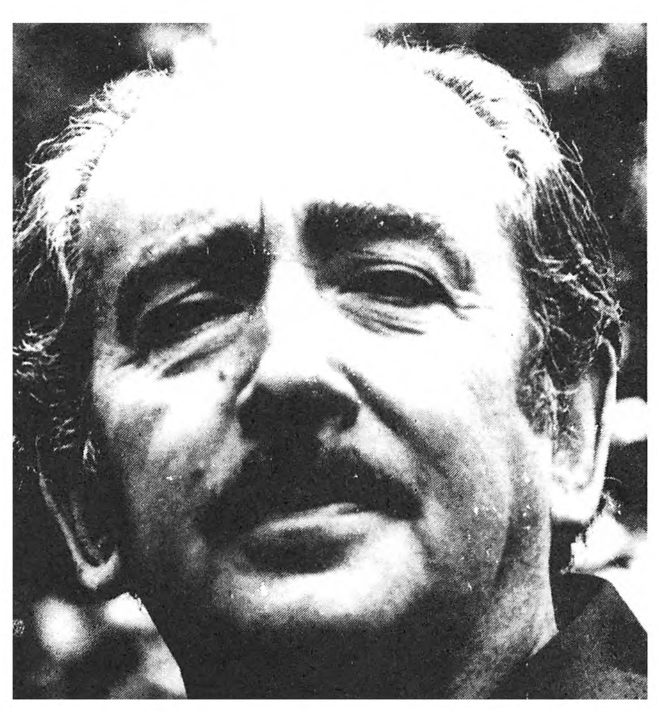
Но чуть лишь полдень заблистал
Настала ночь и кончен бал:
– Вставай, эротоманка! –
Сказала оттоманка.

* * *

А как на горе Скопус
На самой вершине ее Кастратус
Евнухос, Евнухос приплясывали.



александр галич



АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ (1919-1978). Литературным творчеством начал заниматься очень рано, его поэтический талант был отмечен Э. Багрицким. Окончив студию Станиславского А. Галич работал во фронтовом театре. С 1945 года он становится профессиональным драматургом: в СССР поставлено десять пьес Галича, среди них — "Вас вызывает Таймыр", "Будни и праздники", "Походный марш"... По его сценариям были сняты такие фильмы,как "Верные друзья", "На семи ветрах", "Государственный преступник" и многие другие. С начала 60-х годов А. Галич становится широко известен как поэт-песенник, магнитофонные (самиздатские) записи его песен расходятся по всей стране. В 1971 году его исключают из Союза писателей.

В 1974 году А. Галич эмигрировал, жил в Париже. На Западе опубликовал два сборника стихов и книгу воспоминаний. Несчастный случай оборвал его жизнь в 1978 году.

ПАМЯТИ ЖИВАГО

"...Два вола, впряженные в арбу, медленно подымались на крутой холм. Несколько грузин сопровождали арбу. "Откуда вы?" – спросил я их. – "Из Тегерана". – "Что везете?" – "Грибоеда".

А. С. Пушкин
"Путешествие в Эрзерум"

Опять над Москвою пожары,
И грязная наледь в крови.
И это уже не татары,
Похуже Мамая – свои!

В предчувствии гибели низкой
Октябрь разыгрался с утра,
Цепочкой, по Малой Никитской
Прорваться хотят юнкера.

Не надо, оставьте, отставить!
Мы загодя знаем итог!
А снегу придется растаять
И с кровью уплыть в водосток.

Но катится снова и снова
– Ура! – сквозь глухую пальбу.
И челка московского сноба
Под выстрелы пляшет на лбу!

Из окон, ворот, подворотен
Глядит, притаясь, дребедень.
А суть мы потом наворотим
И тень наведем на плетень!

И станет далекое близким,
И кровь притворится водой,
Когда по Ямским и Грузинским
Покой обернется бедой!

И станет преступное дерзким,
И будет обидно, хоть плачь,
Когда протрусит Камергерским
В испарине страха лихач!

Свернет на Тверскую, к Страстному,
Трясясь, матерясь и дрожа,
И это положат в основу
Рассказа о днях мятежа.

А ты до беспамятства рада,
У Иверской купишь цветы,
Сидельцев Охотного ряда
Поздравишь с победою ты.

Ты скажешь – пахнуло озоном,
Трудящимся дали права!
И город малиновым звоном
Ответит на эти слова.

О, Боже мой, Боже мой, Боже!
Кто выдумал эту игру!
И снова погода, похоже,
Испортиться хочет к утру.

Предвестьем Всевышнего гнева,
Посыплется с неба крупа,
У церкви Бориса и Глеба
Сойдется в молчаньи толпа.

И тут ты заплачешь. И даже
Пригнешься от боли тупой.
А кто-то, нахальный и ражий,
Взмахнет картузом над толпой.

Нахальный, воинственный ражий
Пойдет баламутить народ!..
Повозки с кровавой поклажей
Скрипят у Никитских ворот...

Так вот она, ваша победа!
"Заря долгожданного дня!"
"Кого там везут?" –
"Грибоеда".
Кого отпевают!? –
Меня!

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Не хочу посмертных антраша,
Никаких красивостей не выберу.
Пусть моя нетленная душа
Подлецу достанется и шиберу!

Пусть он, сволочь, врет и предает,
Пусть он ходит, ворон, в перьях сокола.
Все на свете пули – в недолет,
Все невзгоды – не к нему, а около!

Хорошо ему у пирога,
Все полно приязни и приятельства –
И номенклатурные блага,
И номенклатурные предательства!

С каждым днем любезнее житье,
Но в минуту самую внезапную
Пусть ему – отчаянье мое
Сдавит сучье горло черной лапою!

ОШИБКА

Мы похоронены где-то под Нарвой,
Под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были – и нет.
Так и лежим, как шагали, попарно.
Попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали, попарно,
И общий привет!

И не тревожит ни враг, ни побудка,
Побудка, побудка,
И не тревожит ни враг, ни побудка
Померзших ребят.
Только однажды мы слышим, как будто,
Как будто, как будто,
Только однажды мы слышим, как будто,
Вновь трубы трубят.

Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь – не вода!
Если зовет своих мертвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовет своих мертвых Россия,
Так значит – беда!

Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В нашивках, нашивках,
Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В снежном дыму.
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
Ошибка, ошибка,
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
И мы – ни к чему!

Где полегла в сорок третьем пехота,
Пехота, пехота,
Где полегла в сорок третьем пехота,
Без толку, зазря,
Там по пороше гуляет охота,
Охота, охота,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря!

Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря...

ОБЛАКА

Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыпленка ем табака,
Я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака.
Им тепло, небось облакам,
А я продрог насквозь, на века!

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял!
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.

До сих пор в глазах снега наст!
До сих пор в ушах шмона гам!..
Эй, подайте ж мне ананас
И коньячку еще двести грамм!

Облака плывут, облака,
В милый край плывут, в Колыму,
И не нужен им адвокат,
Им амнистия – ни к чему.

Я и сам живу – первый сорт!
Двадцать лет, как день, разменял!
Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня!

Облака плывут на восход,
Им ни пенсии, ни хлопот...
А мне четвертого – перевод,
И двадцать третьего – перевод.

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидит в кабаках!
И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

ВСЕ НЕ ВОВРЕМЯ

Посвящается В.Т.Шаламову

А ты стучи, стучи, а тебе Бог простит,
А начальнички тебе, Леха, срок скостят!
А за Окой сейчас, небось, коростель свистит,
А у нас на Тайшете ветра свистят.
А месяц май уже, все снега белы,
А вертухаевы на снегу следы,
А что полнормы, тьфу, это полбеды,
А что песню спел — полторы беды!

А над Окой летят гуси-лебеди,
А за Окой свистит коростель,
А тут по наледи курвы-нелюди
Двух зэка ведут на расстрел!

А первый зэка, он с Севастополя,
Он там, черт чудной, Херсонес копал,
Он копал, чумак, что ни попадя,
И на полный срок в лагеря попал.
И жену его, и сынка его,
И старуху-мать, чтоб молчала, блядь!
Чтобы знали все, что закаяно
Нашу родину сподниза копать!

А в Крыму теплынь, в море сельди,
И миндаль, небось, подоспел,
А тут по наледи курвы-нелюди
Двух зэка ведут на расстрел!

А второй зэка – это лично я,
Я без мами жил, и без папи жил,
И моя б жизнь была преотличная.
Да я в шухере стукаря пришил!
А мне сперва вышка, а я в раскаянье,
А уж в лагере – корешей в навал,
И на кой я пес при Лехе-Каине
Чумаку подпел "Интернационал"?!

А в караулке пьют с рафинадом чай,
И вертухай идет, весь сопрел.
Ему скучно, чай, и не сподручно, чай,
Нас в обед вести на расстрел!

ПАМЯТИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

"...правление Литературного Фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда, Бориса Леонидовича Пастернака, последовавшей 30 мая сего года, на 71-ом году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни, и выражает соболезновение семье покойного".

Единственное, появившееся в газетах, вернее, в одной – "Литературной газете", – сообщение о смерти Б. Л. Пастернака.

Разобрали венки на веники,
На полчасика погрустнели...
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И терзали Шопена лабухи,
И торжественно шло прощанье...
Он не мылил петли в Елабуге,
И с ума не сходил в Сучане!

Даже киевские "письмэнники"
На поминки его поспели!..
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И не то, чтобы с чем-то за-сорок,
Ровно семьдесят – возраст смертный,
И не просто какой-то пасынок,
Член Литфонда – усопший сметный!

Ах, осыпались лапы елочьи,
Отзвенели его метели...
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он умер в своей постели!

"Мело, мело по всей земле, во все
пределы,
Свеча горела на столе, свеча горела..."

Нет, никакая не свеча,
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал –
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму, и не в Сучан,
Не к "высшей мере"!
И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу,
Голосованьем!

И кто-то спьяну вопрошал:
"За что? Кого там?"
И кто-то жрал, и кто-то ржал
Над анекдотом...

Мы не забудем этот смех,
И эту скуку!
Мы поименно вспомним всех,
Кто поднял руку!

"Гул затих. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку..."

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...
А над гробом встали мародеры,
И несут почетный...
Ка-ра-ул!

ПЕСНЯ ИСХОДА

Галиньке и Виктору – мой прощальный подарок.

"...но Идущий за мною сильнее меня..."
от Матфея

Уезжаете?! Уезжайте –
За таможни и облака.
От прощальных рукопожатий
Похудела моя рука!

Я не плакальщик и не стража,
И в литавры не стану бить.
Уезжаете?! Воля ваша!
Значит – так по сему и быть!

И плевать, что на сердце кисло,
Что прощанье, как в горле ком...
Больше нету ни сил, ни смысла
Ставить ставку на этот кон!

Разыграешься только-только,
А уже из колоды – прыг! –
Не семерка, не туз, не тройка,
Окаянная дама пик!

И от этих усатых шатий,
От анкет и ночных тревог –
Уезжаете?! Уезжайте,
Улетайте – и дай вам Бог!

Улетайте к неверной правде
От взаправдашних мерзлых зон.
Только мертвых своих оставьте,
Не тревожьте их мертвый сон.

Там – в Понарах и в Бабьем Яре, –
Где поныне и следа нет,
Лишь пронзительный запах гари
Будет жить еще сотни лет!

В Казахстане и в Магадане,
Среди снега и ковыля...
Разве есть земля богоданней,
Чем безбожная та земля?!

И под мраморным обелиском
На распутице площадей,
Где, крещеных единым списком,
Превратила их смерть в людей!

А над ними шумят березы –
У деревьев свое родство!
А над ними звенят морозы
На Крещенье и Рождество!

...Я стою на пороге года –
Ваш сородич и ваш изгой,
Ваш последний певец исхода,
Но за мною придет Другой!

На глаза нахлобучив шляпу,
Дерзкой рыбой пробивший лед,
Он пойдет, не спеша, по трапу
В отлетающий самолет!

Я стою... Велика ли странность?!
Я привычно машу рукой!
Уезжайте! А я останусь.
Я на этой земле останусь.
Кто-то ж должен, презрев усталость,
Наших мертвых стеречь покой!

1971

ПЕСЕНКА О ДИКОМ ЗАПАДЕ,
или
ПИСЬМЕЦО В МОСКВУ,
ПЕРЕПРАВЛЕННОЕ С ОКАЗИЕЙ

Вы на письма слез не капайте,
И без них душа враздрызг!
Мы живем на Диком Западе,
Что, и впрямь, изрядно дик!

Но не дикостью ковбойскою.
Здесь иную ткут игру:
Пьют, со смыслом, водку польскую
Под московскую икру.

Здесь, на Западе,
Распроданном
И распятом на пари,
По Парижам и по Лондонам,
Словно бесы, –
Дикари!

Околдованные стартами
Небывалых скоростей,
Оболваненные Сартрами
Всех размеров и мастей!

От безделья, от бессилия,
Им всего любезней – шум!
И чтоб вновь была Бастилия,
И чтоб им идти на штурм!

Убеждать их глупо –
Тени же!
Разве что, спросить тайком:
– А не били ль вас, почтеннейший,
По причинным – каблуком?!

Так что вы уж слез не капайте,
И без них –
Душа враздрызг!
Мы живем на Диком Западе,
Что – и впрямь – изрядно дик!

СТАРАЯ ПЕСНЯ

В. Максимову

...Там спина к спине, у грота,
отражаем мы врага!

Джек Лондон

Бились стрелки часов на слепой стене,
Рвался – к сумеркам – белый свет.
Но, как в старой песне:
Спина к спине
Мы стояли – и ваших нет!

Мы доподлинно знали –
В какие дни
Нам – напасти, а им – почет.

Ибо, мы – были мы,
А они – они,
А другие – так те не в счет!

И когда нам на головы шквал атак
(То с похмелья, а то спьяна),
Мы опять-таки знали:
За что и как,
И прикрыта была спина.

Ну, а здесь,
Среди пламенной этой тьмы,
Где и тени живут в тени,
Мы порою теряемся:
Где же мы?
И с какой стороны – они?
И кому подслащенной пилюли срам,
А кому – поминальный звон?

И стоим мы,
Открытые всем ветрам
С четырех, так сказать, сторон!

КОГДА Я ВЕРНУСЬ

Когда я вернусь...
Ты не смейся, когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли, по февральскому
снегу,
По еле заметному следу – к теплу и ночлегу –
И вздрогнув от счастья, на птичий твой зов оглянусь –
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!..

Послушай, послушай, не смейся,
Когда я вернусь
И прямо с вокзала, разделавшись круто с таможней,
И прямо с вокзала – в кромешный, ничтожный,
раешный –

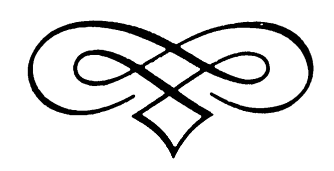
Ворвусь в этот город, которым казнюсь и клянусь,
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!..

Когда я вернусь,
Я войду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах приютского хлеба,
Ударит в меня и заплещется в сердце моем –
Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!.

Когда я вернусь,
Засвистят в феврале соловьи –
Тот старый мотив – тот давнишний, забытый,
запетый.

И я упаду,
Побежденный своею победой,
И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои!
Когда я вернусь.

А когда я вернусь!?!..



михаил генделев

бывший ленинградец

МИХАИЛ ГЕНДЕЛЕВ (родился в 1950 году). Эмигрировал из СССР в Израиль, где издал две книги стихов. Публикуется в журналах русского Зарубежья.

* * *

Свидетель полуночного блаженства
и тишины нам неподлунной женской
и тайной тишины

пустых зеркал, где луч лучу наскучил,
а ход двух слез тенями слов разучен –
но и они не произнесены –

о нет, не камень спит в угрюмой нише
тебя – души твоей – затем ты дышишь,
что монотонно выпевает рот

полеты мотыльков ночных – их знаки
на звук нанизаны, а в крылышек размахе –
узоров темных темный разворот.

ОПЫТ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

Он в черном блеске времени возник
мой ангел, брат мой, мой двойник,
и в миг
как слезы заблистали
лик ослепительный
исчез,
тотчас звезда рассыпала хрусталик,
а об другой расплющил ноздри бес.

ПАСТОРАЛЬ

Затем, Мария, что нейдут волхвы —
я поднесу по случаю явленья
вам — гороскоп соломенной вдовы —
и звезд — Ему, подобранных в селеньи,
или на холмах, что столь даль светла,
что из глазниц преполненных сочится,
или в долине, где перепела
свистали — а туман еще дымится,
и колокольцев отдаленнейших отар
невинный звон доносится: Мария!
И не поправив, эхо повторило
в тумане сонном в колокол удар.

РАЗРУШЕНИЯ С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Когда
в ладоши наконец ударили —
тем
прекратив раздор —
в ладоши наконец ударили,
а мы мололи вздор,
когда в ладоши наконец ударили,
и выбежали дети в коридор,
а мы в смятеньи и с вещами
все тот же доборматывали вздор...

Когда в ладоши наконец ударили —
когда
неторопливо и печально —
уже руины осыпая в зарево —
высокий горизонт пожал плечами,
когда
день, накренясь — уже — катился в адское,
а друг за дружку все цеплялись мы,
шепча навыворот дурацкие
бессмыслицы-псалмы,

я
закричал о ней!
Она
стояла на ветру холма одна,
на холме — на пустом — ветру,
пламена трав цвели вокруг —
цвели вокруг
пламена легких трав,
цвели в дыму —
и восползали маки по холму.

Я
закричал о ней слова влюбленные,
и
оглянулись
мы:
на холм всползали маки воспаленные,
а воздух был бесцветен над пламенами,
а нас,
как пепл,
сдувало с бахромы.

”СТОЙ! ТЫ ПОХОЖ НА СИРИЙЦА”

Сириец
внутри красен темен и сыр
потроха голубы — видно — кость бела
он был жив
пока наши не взяли Тир
и сириец стал мертв
— инш’алла —

Отношенья цветов — я считаю — верны
он
там
Я здесь и напротив — напротив ты
и за то любили мы с ним войны
простоту
что вкусы у нас просты

и еще люблю я дела свои
обсуждать лишь с собой
и люблю как звенит
луч на хорах сосновых и запах хвои
в полдень
в тридцать два года
лицом в зенит.

* * *

Черпай
ненасытной пастью
во тьме накатившей под грудь
о не объяснится несчастье
отсутствием счастья
отнюдь

и не объясняй!
поперечья
не видно
на взгляд из глазниц
ты глина от глин междуречья
под клинопись новых таблиц

а тьма — это тьма а не где-то
заблудший огонь
повтори:
не свет
не отсутствие света
и не ожиданье зари.

* * *

Бык
крыла вороные топыря
тьма и есть он
колосс

Водолей ему ночь
и мерцает в надире
глаз единый — звезда
или то что ей раньше звалось

не родись в междуречьи в законоположенном мире
глинобитной грамматики
ею ли не пренебречь?
в междуречии слово имеет значений четыре:
слово
хроника
подпись кабальная
царская речь

повторяйте за мною:
у слова
четыре
значенья —
слово как оно есть, лжесвидетельство, подпись и речь
например:
вавилонские реки меняют теченье
когда им вавилон под быками прикажет истечь
например — это первое небо
которое
знаю
ночное
потянувшись туманом к нему и восходит река
вороное крыло — а второе крыльцо золотое
и
смыкается зрак воспаленный быка.

александр глезер

бывший москвич

АЛЕКСАНДР ГЛЕЗЕР (родился в 1934 году). Печатается с 1962 года. Первая книга стихов "Добрые снега" вышла в Москве в 1965 году. Перевел семь книг грузинских поэтов. В 1975 году эмигрировал. Живет в Париже и Нью-Йорке. Автор поэтических сборников "Ностальгия", "Неверный март", документальной книги "Искусство под бульдозером", мемуаров "Человек с двойным дном", искусствоведческой книги (в соавторстве с И. Голомштоком) "Неофициальное искусство в СССР", а также антологии "Русские художники на Западе". Основал издательство "Третья волна" и альманах того же названия, главный редактор ежемесячника "Стрелец".

* * *

А верным быть
                    ни другу, ни жене,
Но самому себе
                    как высшей сути
Трудней,
            чем пасть геройски на войне.
И этому не научились люди.

1965

ПОДМОСКОВЬЕ

Два часа всего лишь от столицы –
Но какая гладь и белизна!
Никуда не нужно торопиться,
Тишина...

Неподвижен воздух Подмосковья,
Далеко настырный гул дорог.
Женщина по имени Прасковья
Деревенский вынула пирог.

Чем богаты, говорит, тем рады.
И скатерку белую кладет,
И как будто в старые палаты
Нас к столу неброскому ведет.

Мы едим пирог ее домашний,
Разыгрался что-то аппетит.
Хлопотный и зряшный день вчерашний
Наконец-то больше не чадит.

Боль моя глухая растворилась,
За окошком гладь и белизна.
Рано утром сладко мне приснилась
Тишина...

1967

* * *

День был ясный и печальный,
Благородный день осенний.
Воскресенье.
                    Лес багряный
Листья царственно ронял.
Недвижим был стылый воздух,
И холодная береза,
Словно женщина чужая,
Сквозь меня смотрела...
                    Заяц промелькнул
И тут же скрылся.
Небо синее дышало безмятежно.
Жухли травы,
                    и шуршала под ногами
Перепрелая листва.
По октябрьскому лесу
Шел я.
          Умиротворяла
Тихость осени.
                    Хотелось,
Чтоб она тянулась долго
С этой ясностью,
                    с дождями,
С днями длинными, глухими,
С обнаженностью деревьев,

С обостренностью их линий,
И с каким-то странным чувством
Одиночества,
                в котором
Удовольствие находишь...
Так я осень понимаю.

1968

ЭЛЕГИЯ, 1917 ГОД

Скулила на полу собака,
Ползла по наволочке вошь,
Пил Горький горькую и плакал:
"Куда, Россия, ты идешь?"
Она неслась навстречу свету,
Сметая все, как черный шквал.
И только Ленин знал про это.
А Горький ничего не знал.

1970

* * *

Окруженный готической Веной,
Безразличной к печали чужой,
Я теряю с последнею верой
Все, что связано с жизнью былой.

Одиночество, как гильотина.
Голова моя катится прочь.
Приласкай меня, смерть, словно сына,
Опусти в европейскую ночь.

март 1975

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

О. Рабину и В. Кропивницкой

1.

Ну как тебе рисуется, Оскар,
Под песню деревенского камина
В глуши французской? За окошком дождь,
Пейзаж стал на софронцевский похож,
Сидим в дому, добротном и старинном,
И пьем с тобой не гнусный "Солнцедар",
А молодое местное вино.
Ну как тебе рисуется, Оскар?
Тебя о том не спрашивал давно.

Рисуй, пиши, твори, мой верный друг,
Ты в творчестве своем, как прежде, молод,
Пускай судьба вращает жизни молох –
Все впереди! Для нас поет петух
Тут по утрам (в прямом и переносном
Значеньи этих слов). Все ближе осень,
Но пусть ее страшится тот, кто стар,
А нам с тобой прекрасно у камина
В дому добротном, добром и старинном;
Ну как тебе рисуется, Оскар?

– Что? Хорошо?.. Ну, то-то же, мой друг,
Ты ж сомневался, ехать ли, не ехать.
А может быть, и здесь какая веха?
А слышишь, час как будто неурочный,
Но вновь поет, и как поет, петух
Печальною, промокшей, поздней ночью.

Как славно, что рисуется тебе,
Гудит камин, а песенка Булата
Все о судьбе, все только о судьбе,
Нам кем-то предначертанной когда-то.

2.

Пять долгих дней без продыха дождило,
Но вместе нам и так неплохо было.
Камин топился. Жарили шашлык.
Трещали, словно плакали, поленья,
Под лампою качались наши тени,
Звенело пламя, как седой арык.

Беседовали мы под запах хвойный
О наших тех, с Лубянкой, наглых войнах,
О том, что будет нам еще дано.
И в общем, в целом так у нас сходилось:
Пока мы вместе – с нами Божья милость...
И сладко пилось кислое вино..

3.

Прощальный ужин. Пенится вино.
Последний вечер, далеко не летний.
Поет для нас камин, почти столетний.
Самой судьбою это нам дано.

Заплатим мы за благосклонность ей
Своею вечной верностью и верой.
Друзья мои, я вас люблю безмерно...
Налей, Оскар, вина, налей полней.

Зажги-ка, Валя, эти три свечи,
Пускай они таинственно мерцают,
И пусть воспоминания витают
И тают, растворяются в ночи.

А за окошком дождь, как ночь, незряч,
Чуть слышно подпеваем мы Булату,
Самой судьбой спасенные солдаты,
И о судьбе играет нам трубач...

1983

* * *

Гроза не состоялась. Пошлый дождь
Четвертый час, будто кубинский вождь,
Бормочет, и бормочет, и бормочет.
Устав, ушла гряда тяжелых туч,
Вновь горный кряж возносится, могуч,
Нахохлившись, как будто серый кочет.

1983

* * *

По Босэ брожу я босиком,
Как бродил когда-то на Оке,
Далеко от Бога, далеко,
От тебя, любимой, вдалеке.

Жизнь и впрямь в Провансе хороша:
Горы, море, пальмы в двух шагах.
Отчего ж чуть теплится душа,
И молюсь ночами, как монах?

Ну, давай, Володя, прохрипи
Что-нибудь такое про волков.
Ах, разбереди, разбереди
Музыкой погони и рожков.

Тишина, немыслимый покой.
Растворяю настежь я окно.
Тошно, брат, от речи неродной
Мне бы хоть советское кино.

1985

* * *

Дождь – не дождь, он как будто плетется с небес
Поезд наш неохотно, как дождик , плетется.
Утомленность, угарность, усталость окрест
А за темными тучами – мертвое солнце.

Полуспит, полубдит, полудумает люд,
Молодые строители старой Европы.
Им узнать бы про наши российские тропы,
Несмышленышам этим, про наши окопы...
Сколько раз уж пытался – никак не поймут.

Обездоленность душ, и сердец, и ума –
Лишь бы выжить теперь, и пожить, и плодиться.
Пусть для русских сума, пусть для русских тюрьма...
Но и к ним наша красная прелесть стучится.

Затыкаются уши! Душевный комфорт
Сохранить бы и только. А все, что не надо,
С европейской улыбкой бросают за борт
Эти милосемейные умокастраты.

А наш поезд, как будто бы пьяный мужик
Все плетется неспешно, качаясь и маясь.
Мне б давно прикусить бы свой русский язык.
Виноват, Франсуа, за несдержанность каюсь.

1985

наталья горбаневская

бывшая москвичка

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ (родилась в 1936 году). В СССР практически не печаталась. Основатель "Хроники текущих событий", участница знаменитой демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года. С 1975 года живет в Париже. Заместитель главного редактора журнала "Континент". На Западе вышли ее поэтические сборники "Стихотворения" (1970), "Побережье" (1973), "Перелетая снежную границу" (1979), "Ангел деревянный" (1982), "Чужие камни" (1983), "Переменная облачность" (1985) и "Где и когда" (1985).

* * *

Господи, Господи, ночь и туман
на них опустились.
Господи, что даровал ты нам,
кроме бессилья?
Кроме свободы голос срывать:
"Вольна Польска!"
и сквозь кордоны атаковать
двери посольства.

Крик мой, хрип мой жалок и тих:
"Сестры и братья!"
Видно, Господь чересчур возлюбил
эту равнину.
Видно, у Господа Бога для них
– то же, что Сыну, –
нету иных проявлений любви,
кроме распятья.

КЛАССИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА

И одно молчанье сказало другому:
– Давай помолчим.
И долгим-долгим был путь их до дому
под небом чужим.

И серые улицы на полурассвете
замолкли тож.
И адрес их на измятом конверте
попал под дождь.

И расплывались чернила молча
там, под мостом.
И вдруг другое взвыло по-волчьи:
– А где же он, дом?!

И одно молчанье сказало другому:
– Ничего, помолчи.
Пускай все длиннее наш путь до дому
и пропали ключи.

Пускай огоньком болотным, мороча,
отплывает этаж,
мы его догоним, но только молча,
и дом этот – наш.

И другое молчанье по-волчьи молчало,
как из-под куста.
А путь перепутал концы и начала,
и сбился, и стал,

и долго по сторонам озирался,
пытаясь найтись,
но все в то-же распутье глаз упирался,
все в ту же слизь

болотную, смесь воды и метана
– и огоньков.
И другое подумало: – Я устало, –
но без слов.

И стала река, подернута пленкой
внезапного льда,
словно стол, покрытый клеенкой,
а не вода.

И одно молчанье ничего не сказало,
а другое: – Ах!
Но – уста ему тут же связала
любовь, не страх.

Потресканные губы стянуло
тоненьким льдом.
И тут же очко светофора мигнуло,
и рядом был дом.

* * *

Ну что, хлопотливая ласточка,
куда ты летишь хлопотать?
Домой, бесцензурная весточка,
привет от меня передать.

Скажи, что на пядь под землею
и с глоткой, набитой землей,
жива и дышу, замерзаю,
но все же не до смерти злой.

Скажи, что, глаза растворивши,
песку и подзолу набрав,
я вижу, я все еще вижу,
беспамятство смерти поправ.

Скажи, что уже не надеюсь
на встречу, но, сколько жива,
не сдамся и не охладею,
и это не просто слова.

* * *

На стыке вагона с инерцией ветра,
на стыке воздушных путей и стальных
одна одинокая мерзлая ветка,
свисая с небес, ударяет под дых.

На стыке природы в лице непогоды
и мира в обличье катящихся рельс
она ударяет, как в прежние годы
ударил бы целый завиденный лес.

И, вдвое согнувшись под этим ударом,
до птичьего свиста давленье поддав,
душа машиниста, и дымом, и паром
клубясь, поднимает на воздух состав.

* * *

...где реки льются чище серебра,
не загрязненные мазутом и маслами,
где Бог нас не оставил и светла
адмиралтейская игла, где на соломе
лежит Младенец и глаголет бык
мудрее мудрого, наевшись чистотела,
где русский от побед давно отвык
и от войны, держась родимого предела,
где под покровом звездного плаща
к нам не крадутся государственные тати,
где, слоги долго в горле полоща,
но не раздумывая, кстати ли, некстати,
как сказку, пересказывая быль,
былую быль, былую боль, любовь былую,
ты в пыльный обращаешься ковыль,
а я по ветру одуванчиком белею.

* * *

Там, где Кривокардинальский переулок
вытекает к петербургским фонарям,
подошел к нам полунищий параноик
со светящимся под глазом фонарем.

Он читал стихи – спасибо, не романы –
и потребовал за них хотя бы франк.
Друг мой долго выворачивал карманы
и сказал: "Закрыто – все ушли на фронт".

И тогда бродяга сел и долго плакал
о себе и об ушедших воевать,
о спартанцах, абиссинцах и поляках,
меж рыданий поминая твою мать.

Свет неверный расплывался над листвою
безымянного древесного ствола.

"да не плачь, – взмолился друг мой, – Бог с тобою",
– я глаза от них обоих отвела.

Я глядела на соседнее аббатство,
я глядела, только чтобы не глядеть
на убожеское братское сиротство,
за подкладкою нащупывая медь.

Я ушла, просыпав мелкие сантимы,
не отерши ни своей, ничьей слезы,
носовым платком обмахивая стены,
заметая переулками следы.

* * *

Эта глиняная птичка –
это я и есть.
Есть у ангелов привычка –
песенку завесть.

В ритме дождика и снега
песню затянуть,
а потом меня с разбега
об стену швырнуть.

Но цветастые осколки
– мусор, хлам и чад –
не смолкают, и не смолкли,
и не замолчат.

Есть у ангелов привычка –
петь и перестать.
Но, непрочный, точно иней,
дышит дух в холодной глине,
свищет – не устать.

* * *

В движеньи мельник жизнь живет,
в движеньи.
Навек затверженный завет,
священней

которого – да ничего!
Путь Крестный
и тот движенья торжество:
опасный

момент Распятия, на миг
распутья,
преодолеть и напрямик
рвануться,

как жернов, камень отвалить
по смерти
и дверь в бессмертье отворить
сквозь тверди.

Я ввысь не мечу, но не мне
ужели
тарелка пела на стене:
"В движеньи,

в движеньи счастие мое..."
Хоть мельник,
хоть Шуберт – счастья моего
подельник.

* * *

Я в самый распоследний раз
заглядываю в окошко,
где – помнишь? – в те поры для нас
наяривала гармошка,

где еле-еле в феврале
мы скидывались на пиво,
где наши тени на стекле
так выглядели счастливо,

как в самый предпоследний день
Божественного Творенья
Господня выглядела тень
над человеческой тенью.

* * *

Пчела, пчела, зачем и почему
не для меня яд обращаешь в мед,
черна, черна – что к дому моему
тропинка ядовитая ведет,

травинка губы колет, и распух
чего-чего наговоривший рот,
и бедный дух глагольствует за двух,
но что ни молвит – все наоборот.

О чем очей неутолимый жар?
Над чем ночей горячечная мгла?
О, пощади, пчела! Пчела, не жаль!
Ужель тебе не жаль меня, пчела?

* * *

А. В.

Видно, пора
до того добираться предела,
где воск на флейте
и ноты в конверте.
На флипперa,
в которые я сыграть не успела,

слезы пролейте
по моей смерти.

Но, расстеля
ту же скатерку, садитесь за ужин
– я всем прощаю,
всем завещаю
звон хрусталя
расколовшихся льдинок на луже,
стол со свечами,
выклик "С вещами",

краешек кромки
пруда в Тимирязевском парке,
крохотку неба
над озером Нево,
гипса обломки
от Дионисьевской арки,
корочку хлеба
щепотку гнева,

каплю росы
на трилистнике четверолистом,
каплю веселья,
каплю везенья,
пенье осы
над сосною на севере мглистом...
И до свиданья,
до воскресенья.

* * *

Эта правда, она же ложь,
эта проза, уложенная в ритм,
это масло, принимающее нож,
как исполненье молитв.

Этот жар, переходящий в озноб,
но вгоняющий градусник в гроб,

эта лучшая из прохлад,
ледяной сквознячок через ад.

Это правда – все, что я твержу,
но не верьте, не верьте, но не –
не проверьте, полоснув по ножу
слабым горлышком, припертым к стене.

* * *

Шел год недобрых предсказаний.
Гадалки, опасаясь мести,
ушли в подполье. Под Казанью
родились сросшиеся вместе
телята. Где-то за Уралом
болота поглотили вышку
нефтедобычи. Небывалым
огнем, забывши передышку,
зашлись камчатские вулканы
одновременно все. На Пресне
распространились тараканы
величиной со сливу. Вести
чудовищные умножались,
едва скрываемые прессой.
Ужас усиливался. Жалость
друг к другу становилась пресной,
почти формальною. На Охте
мать бросила дитя в трамвае
с запиской. Чаще рвали когти
без ничего, без слов. В сарае
в одном нашли самоубийцу
девятилетнего. Загадку
никто не разгадал. не бился
разгадывать. Призыв к порядку
порою свыше издавался,
печатался, передавался
по радио. Но в каждом ухе
звенели только слухи, слухи.

вадим делоне

ВАДИМ ДЕЛОНЕ (1944 – 1983). В СССР не печатался. Участник знаменитой демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года. С 1974 года жил в Париже. На Западе публиковался в журналах "Континент", "Эхо" и других изданиях. Автор воспоминаний "Портреты в колючей раме", за которые посмертно удостоен парижской премии им. В. Даля. В 1985 году в Париже вышел сборник его стихов.

* * *

Воробьи и грабители,
посетители кладбища,
Где могильные плиты —
черно-белые клавиши,
По которым ударят
пальцы Господа Бога
В час, когда засверкает
Страшный Суд у порога.
Воробьи и любители
похоронной процессии,
Ни в стенах Новодевичьих,
ни в московском предместии
Меж крестов покалеченных,
словно птицы в капкане,
Не найти вам отмеченный
моим именем камень.
В стекла порта воздушного,
перестав разговаривать,
Я уткнусь равнодушно,
словно рыба в аквариум.
И в ответ не рванется
мне навстречу земля,
Лишь на горле сойдется
горизонта петля.

Москва, 1975 г.

БАЛЛАДА О СУДЬБЕ

М. Шемякину

Горький привкус весеннего неба,
Стаи статуй в саду Люксембург
На утеху тебе и потребу,
Чтобы вновь не настиг Петербург.

Вербный привкус весеннего неба...
Не в серебряном веке живем...
Не спешите, не нужен молебен,
Мы и сами его подберем.

Мы таскаем судьбу на загривке,
Как кровавую тушу мясник.
Наши души пойдут на обивку
Ваших комнат под супером книг.

Как застыла в молчанье Психея –
Жест с надломом и горькой тоской!
В час, когда мы прощались с Рассеей,
Нам вот так же махали рукой.

Нас гонят так, как в день не гонят Судный,
Расплата эта нам не по стихам...
Здесь тоже по ночам приходят музы –
Химеры из собора Нотр-Дам.

Париж, 1978

В. Максимову

Я взгляды буржуазные бичую,
Смотрю канкан и пью за тех, кто там...
Мир оказался вовсе не причудлив,
А прост, как мышь, попавшая в капкан.

Как прапорщик, сорвавший эполеты,
Я непригоден больше ни к чему,
Но если Бог не требует ответа,
Не следует с ответом лезть к Нему.

В бараке муза... помнишь ли, в оборках,
Тайком склонясь над бритой головой...
Да только запах грязи и махорки
Еще стоит, как ладан, надо мной.

По холсту расползаются краски,
Словно кровь от искусанных губ...
Нам бы в легкой старинной коляске
Пролететь по тебе, Петербург!

Солнце сгорбится, крыши обшарив.
Тоже ищет, наверно , приют...
По "Крестам" нас сгноить обещали –
Пусть теперь нашу тень стерегут.

Горький привкус весеннего неба,
Беглый месяц мигнет из-за туч...
Где ты, церковь Бориса и Глеба?
Где на ордере штамп и сургуч?

Париж, 1979 г.

* * *

Эх, приверженцы новых владык,
Кто от жизни оставил мне толику.
Мне живой бы напиться воды
Из колодца московского дворика.

Я один, словно сорванный с круч
При падении треснувший колокол.
Ветер тащит скопления туч
Сквозь колючую проволоку волоком.

Эх, трясина штрафных лагерей!
Сколько дней и ночей, сколько месяцев
Ты урвала из жизни моей
И смешала в безликое месиво.

Но какие же, судьи мои,
Вы на душу запреты наложите?
Отлучивши меня от земли,
От небес отлучить вы не сможете!

Что ж, охранники новых владык,
Пусть поют вам осанну историки.
Мне живой бы вот только воды
Из колодца московского дворика.

БАЛЛАДА ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Порвалась дней связующая нить

Гамлет

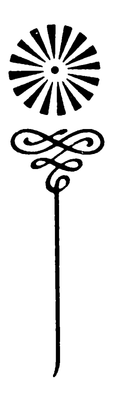
Огни, парижские огни,
молись по святцам!
Но дни, потерянные дни,
они мне снятся.
По европейским городам
мечусь под хмелем,
Но я живу не здесь, а там,
я в это верю.
Метель сибирская метет,
хрипит недели,
Какой там с Родиной расчет –
мы дышим еле.
Кругом могилы без крестов –
одна поземка,
Как скрип, срывающий засов,
как дни в потемках,

Лишь ели стынут на ветру,
да лижут лапы,
И никому не повернуть
назад этапы.
Под ветром этаким крутись,
как сможешь,
Но позабудь и оглянись –
душа под кожей.
А сунут финку под ребро –
конец страданьям.
Давно в бега ушел Рембо –
избрал скитанья.
Он чем-то с кем-то торговал
в стране верблюдов,
И много дней там промотал,
поверив в чудо.
Он замолчал, он оборвал,
забросил песни,
И я его не повстречал
на Красной Пресне.

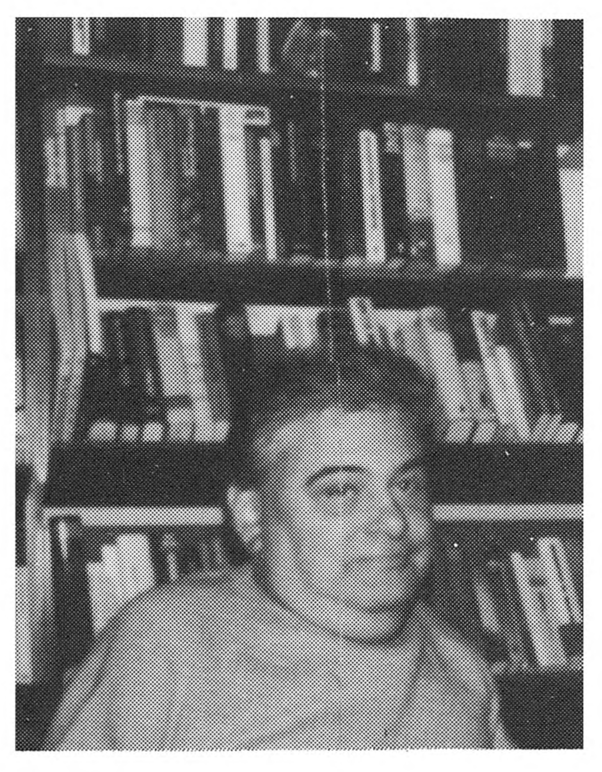
А жаль, мне правда очень жаль...
любитель шуток
Он разогнать бы смог печаль
на пару суток,
Нас время как-то не свело
в аккордах лестниц,
Пойдет душа моя на слом,
как дом в предместье.
Я уложусь в свою строку,
как в доски гроба,
И пусть венков не соберу,
я не был снобом.
Я по парижским кабакам
в огнях угарных,
Но нет Рембо, а значит там –
бездарность.
Я в прошлом путаюсь своем
все сны – погоня,

И для чего мы здесь живем
я смутно помню.
Не смею словом покривить —
такая малость,
И дней связующая нить
поистрепалась.
Бредет душа по мутным снам
с неловкой ленью,
Играют Баха в Нотр-Дам
по воскресеньям,
Орган разносит гул токкат
за грань столетий,
Наотмашь бьет шальной закат
по крышам плетью,
А листья гаснут на ветру
в дожде осеннем,
И я ловлю их на лету —
ищу спасенья.
Пусть дни пропали — в снах своих
я к ним прикован,
И нет Высоцкого в живых —
Он зарифмован.

30 июля 1980 г.



лев друскин *бывший ленинградец*



ЛЕВ ДРУСКИН (родился в 1921 году). В Москве и Ленинграде опубликовал семь сборников стихов. В 1980 году был исключен из Союза писателей, эмигрировал, живет в Западной Германии. Публиковался в журналах ”Континент”, ”Грани”, ”Стрелец”, газете ”Русская мысль”. В 1984 году в Лондоне вышли в свет его мемуары ”Спасенная книга”, а в 1985 году – сборник стихов ”У неба на виду”.

* * *

Никогда не видать тебе, вьюга,
Этих красок цветущего юга.
Из-за правого, что ли, холма
Вырывается к небу дорога...
И доводит до самого Бога,
Если только не сводит с ума.
И в душе моей, как говорится,
На рассвете такое творится,
Будто вправду я в Божьем огне,
Будто впрямь у престола Господня,
Будто что-то случится сегодня –
То, что с детства обещано мне.

* * *

Вот дама с насморком,
                    вся в черном и шуршащем –
Вдова художника,
                    который в настоящем
Был знаменит,
                    а в будущем умрет,
И вновь воскреснет лет через пятьсот,
И выставит
          уже бесповоротно
Свои полуистлевшие полотна.

Мы жили рядом –
помню как сейчас.
Он у меня чаевничал не раз.
Нам для труда
погоды было жалко, –
Мы уезжали часто
на рыбалку.
Его жена
была со мной на "ты".
И вот теперь
из страшной темноты
Гляжу
в благоговении великом
На эту даму
с треугольным ликом.

* * *

В пяти телегах ехали цыгане,
Катился чудный гомон над страной,
И тот старик,
что сердце песней ранил,
Все говорил
с цыганочкой одной.
Как будто снова я сидел,
о табор,
У ног твоих –
беспечно, как вчера, –
И шорох трав примешивался слабо
К густому дыму доброго костра.
А память забывала,
забывала
И падала,
запутавшись меж лент,
И всю-то ночь гитара колдовала –
Заслуженный бесовский инструмент.
Скрипя,
вползают в марево телеги.

Прижмись ко мне.
                    Не думай.
                              Помолчим.
В протяжном небе,
                    в небе, полном неги,
След самолета
               еле различим.

* * *

И сказал мне парикмахер слова:
"Очень трудная у вас голова.
Хоть способная у вас голова,
Неудобная у вас голова.
Вы вот пишете, а я вот стригу.
Вы вот дышите, а я не могу.
Так же пену я взбиваю, как вы, –
Почему же ни трубы, ни молвы?
Гляньте в зеркало – ведь мы мастера.
Разве бритва не острее пера?
Разве меньше я тружусь для семьи?
Где же трубы, где же трубы мои?"
Я подстриженный домой ухожу,
Я пристыженный в постели лежу,
И всю ночь во мне звучит до зари:
"Где же трубы, где же трубы мои?"

* * *

А как вещи мои выносили,
Все-то вещи по мне голосили:
Расстаемся, не спас, не помог!
Шкаф дрожал и в дверях упирался,
Столик в угол забиться старался
И без люстры грустил потолок.
А любимые книги кричали:
"Не дожить бы до этой печали!
Что ж ты нас продаешь за гроши?

Не глядишь, будто слезы скрываешь,
И на лестницу дверь открываешь –
Отрываешь живьем от души."
Книги, книги, меня не кляните,
В равнодушных руках помяните,
Не казните последней виной...
Скоро я эти стены покину
И, как вы, побреду на чужбину.
И скажите – что будет со мной?

* * *

Судите и да будете судимы!
Пути Господни неисповедимы.
Но если Бог послал тебе правеж
И смертная наглажена рубаха,
Не надо душу растлевать от страха,
А лучше сразу кинуться под нож.
Я не борец – прости меня, о Боже!
Я не герой – вы не герои тоже.
Я не искал судьбы с таким концом,
Чужая мука больше мне не впору...
Опять звучат шаги по коридору,
Но лучше рот залить себе свинцом.
И я несу свой крест по Иудее,
И ни о чем на свете не жалею,
И пот слепит, и горло жажда ест,
И жгут мне спину оводы и плети...
Но мученики двух тысячелетий
Плечами подпирают этот крест.

* * *

По отверстию в черепе ученые установили,
что епископ был убит из арбалета.

(Из газет)

Епископ был убит из арбалета,
Мы все давно предчувствовали это.
Когда он шел, молитвенник держа,

Седой и стройный, в огненной сутане,
Мы ясно понимали, прихожане,
Что он идет по лезвию ножа.
Мы ни на миг о том не забывали,
Когда ему мы руки целовали,
Ловили край одежды, а потом
Судачили, в крутой затылок глядя:
"Он с королем норвежским не поладил –
Теперь ему конец..."
                                Но дело в том,
Что мы его любили, так любили!
Вчера я плакал на его могиле,
Была долина скорбная тиха,
И шмель гудел, как будто плакал тоже,
И в слезах твердил: "Великий Боже!
Он снял с меня проклятый груз греха,
Благословил распутного и злого,
Вернул мне мир прикосновеньем слова,
Он дал мне радость на остаток лет."
Я шел и повторял: "Великий Боже!"
Открыл чулан и бросился на ложе...
....
И на стене качнулся арбалет.

* * *

Здесь жили так же, как во всех больницах:
Слонялись коридором, флиртовали
С медсестрами, стараясь заглянуть
В историю болезни, дулись в карты,
Ругали суп, храбрились на обходах,
Встречали жен, шуршали передачей –
Ведь это были люди, те же люди,
Пока еще живые.

И каждый знал, что у соседа рак,
И вон у тех, да и у всей палаты,
У всей палаты, но не у него.

Меня и ужасало, и смешило
Их бедное, бесстрашное неверье,
Святая их наивность... Я об этом
Часами думал на больничной койке,
Сочувствуя и недоумевая.

Ведь я-то знал, что у соседа рак,
И вон у тех, да и у всей палаты,
У всей палаты, но не у меня.

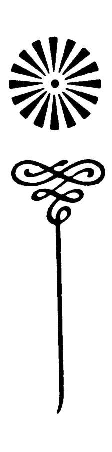
ЦИРЦЕЯ

О, я тебя боготворю,
Я говорю тебе: "Хрю-хрю!"
Я обожаю всей щетиной,
Молю о взгляде, о пинке,
Смотрю на грудь твою в тоске —
И я когда-то был мужчиной!
И в час, когда свиное стадо
Спешит за легким каблучком,
Я умираю от досады
И рою землю пятачком.
В моей аорте острый стук —
Не молкнет сердце человечье.
Как он хорош, твой новый друг!
Как он берет тебя за плечи!
Красавец наглый с жадным ртом...
Ну что ж, он из того же теста:
Мы с ним похрюкаем потом —
Еще в хлеву довольно места.

* * *

Отчего я так дивно устроен,
Что и зла, и добра удостоен,
Что велик бесконечно и мал?
Кто меня так искусно придумал —
Подержал и с руки своей сдунул,
А потом наступил и сломал?

Но бежит животворный источник
И срастается мой позвоночник, –
И хоть был я полжизни во мгле,
И хоть мне еще трудно на свете,
Мне завидуют море и ветер,
И скала, и сосна на скале.



виолетта иверни

бывшая ленинградка

ВИОЛЕТТА ИВЕРНИ (родилась в 1937 году). Закончила театроведческий факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. В СССР публиковались ее статьи о театре. С 1973 года живет в Париже, является ответственным секретарем журнала ”Континент”. Ее стихи публиковались на страницах журналов ”Грани”, ”Континент”, ”Стрелец”, в газетах ”Русская мысль” и ”Новое русское слово”. В 1977 году в парижском издательстве ”Ритм” вышла книга избранных стихотворений В. Иверни.

* * *

А. Шагиняну

...А в наши дни и воздух пахнет смертью:
Открыть окно – что жилы отворить.

Б. Пастернак

Отпетым песням
И отпетым плутам
Мы оставляем
Сумрачную сцену,
Уверенные,
Что на эту сцену
Вернемся утром.

Устать – не стыдно.
Исправлять – не трудно.
Самим себе мы назначаем цену,
Уверенные,
Что за эту цену
Вернемся утром.

И лишь в минуту
Без брони и пудры,
Лицо открыв,
Как открывают вену,
Поймешь,
Что только отворивши вену –
Вернешься утром...

* * *

Э. Дубровиной

Утопаю в снегах,
Утопаю в снегах,
Утопаю!..
Убегают столбы,
Фонари на столбах,
Деревушка нагая,
Великаньи снега
В великаньих стогах:
Ни вершины, ни края!
Утопаю в снегах,
Утопаю в снегах,
Утопаю...

Ель, как запертый терем,
Темна и грозна,
Замахнулась тенями.
Тени длятся и медлят
На срезе окна,
Очертанья меняют,
Под колеса бросаются,
Бьются в ногах,
Скрежеща и стеная...
Утопаю в снегах,
Утопаю в снегах,
Утопаю!..

Из промерзлого неба
Сквозь прорубь луны
В мир сочатся кристаллы,
Неприметно зернисты,
Как медь зелены,
Мелкой солью блистая –
Был соленым на вкус
Этот свет...
Он ли стер

Все земные наросты?
И слезились глаза,
И тянуло от гор
Жесткой свежестью простынь.

Распластала земля
Под соленой луной
Белокожее тело,
В староверской гордыне
Дыша тишиной,
Быть иной не хотела –
В староверской гордыне
Бесплодно строга:
Быть иной не могла бы!
Только ели упрямо
Прибрали снега
Под кержацкие лапы.

Высоты и оврага
Раскольничий спор
Ветви гасят угрюмо.
И огромен вокруг
Обнаженный простор,
Словно бунт Аввакума...
Притаилась,
Рассеяв сияющий прах,
Круговерть вековая...
Утопаю в снегах,
Утопаю в снегах,
Утопаю...

* * *

Ночью не сомкнуть глаза.
Лес по ком-то тяжко воет,
Вознеся над головою
Облачные образа.
По-медвежьи пьян и прям,

Собирает на поминки
Все развилки и разминки,
Оползни страстей и ям,
Поджидающих паденья,
Жадных жалоб, кутерьмы –
В предвкушении зимы
И полонного терпенья.

Взвешено. Обречено.
Разлиновано на сроки.
Коли выбрать не дано,
Лучше сгинуть без мороки:
И планирующий лист,
Как фланирующий денди –
Так высокомерно бледен,
Так изысканно землист –
Слишком горд, чтобы спастись
В редкой и кричащей меди.

Но вокруг – седой травы
Отрешенье, отреченье,
И метельной тетивы
Нарывающее пенье,
И молочная слеза
Месяца во тьме белесой,
И над волчьим воем леса –
Облачные образа.

СТОЛИЦА ХИМЕР

В последний раз – опомнись, старый мир!

А. Блок

1.

Ты мед изгнанникам.
Под твой фонарь

Приходит странником
Вчерашний царь –
Гадать, сумерничать
И ждать вестей.
А вести верчены,
И жжет постель,
И куром в ощипе
Луну трясет,
И Гревской площадью
Пропах восход.

2.

О непрочный Париж,
Туалетная, летняя склянка!
Стрекозиный матчиш
И турнюры Прекрасной эпохи
Еще снятся тебе.
Но последняя в мире шарманка
Уж давно испустила
Последние медные вздохи.

О лукавящий идол –
Увечный, беспечный, извечный!
В этом капище душном,
От тесных надежд запотевшем,
Люди с будущим – прошлого требуют:
Клади заплечной;
Люди с прошлым – сбывают добро:
Что грустней – подешевше.

О бездонный Париж, ...
Соловьиное, винное зелье!
Стрекотанья афиш –
Не умней телефонного флирта –
Как тебе не простишь
За тот ласковый привкус безделья,
Что дороже восточных чудес
И сокровища Флинта, –
Воли привкус и плеск...

...Мы стоим у дверей
В лихорадочный блеск
Елисейских полей,
В воспаленную темень Монмартра...
О столица химер!
С того края земли,
Где безмерие мер
Молодит ковыли
На могилах, –
мы слово тебе принесли,
Но оно – не козырная карта.

РЕЙНСКОЕ ВИНО

Ночной подвал и светлое вино.
Свод тяжко взрезан, словно плеть-двухвостка, –
Сизифов камень, стиснутый известкой:
Паденье, остановленное жестко,
В него угрозой вечной вплетено...
Ночной подвал и светлое вино.

Час смерти, винограда и греха.
Холм узкогрудых, женственных бутылок
Тусклей, чем иммортели на могилах,
И ветхой паутиной сжат затылок,
И в паутине звездная труха
В час смерти, винограда и греха.

И тонкий вкус порока на губах.
След сырости, свинца, любви и фронды,
Потрескавшейся тайны Джиоконды,
Рук, погруженных в теплый мех ротонды,
Надменных слов в готических гербах...
...И тонкий вкус порока на губах.

Глазами цвета рейнского вина
Глядит Игра – вся в рыжих искрах злости.
Бессмертных Пряток временные гости,

Мы тянем одураченные горсти –
И ловим камень. Нет конца и дна
Обманам цвета рейнского вина.

* * *

Повяжу тебя стихом, как грехом,
В черностročье кочевать поведу,
Не героем воевать Иерихон:
Прицыганенным конем в поводу.

И прощенья у тебя не прошу,
Что не мир тебе в подарок, а миф,
Что тащу тебя вдыхать анашу
Ненасытных и беспамятных рифм.

Ты премудрости моей не учен –
По земле ступать – что дым корчевать,
Не устанешь у меня за плечом?
В никуда тебя веду кочевать...

А чтоб не был без вины виноват –
Чуть тревога закричит петухом,
Я часы остановлю наугад,
Я грехом тебя свяжу, как стихом...

* * *

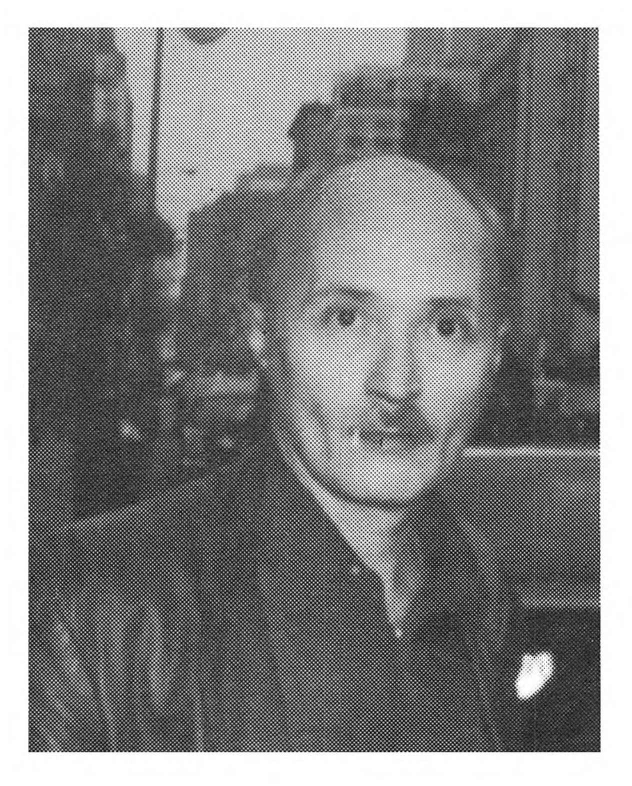
Незрячим пальцем по стеклу,
Незрячим пальцем –
Рисунок яростный в углу,
Зародыш слова...
Так ведьма, износив метлу,
Глаза скитальцам
Сном завораживает.
Так
я жду Другого.

Аптечный воздух за окном
Пахуч и вкрадчив,
Пьянит виною и вином
Судьба-полова...
Кто за диковинным руном
Спешит, как мальчик,
Кто ждет пощечины;
А я –
        я жду Другого.

Изменой полыхает лес
(Не сбейся, Мастер!)
Закат – пощечиной за спесь
Червя земного.
Овчинное руно небес –
Порфира власти –
Сквозь иероглиф на стекле:
Я жду Другого.

Того, кто вставши на порог,
Не рвет завесы,
Кто не потребует в залог
Души и крова,
Кто исчезает, как пролог,
В начале пьесы,
Поняв: здесь ждут.
Здесь ждут всегда.
Всегда – другого.

юрий кашкаров ***бывший москвич***



ЮРИЙ КАШКАРОВ (родился в 1940 году). Жил в Ташкенте и Москве. Закончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Работал редактором в издательстве "Искусство". Эмигрировал в 1976 году. Живет в Нью-Йорке. Редактирует "Новый журнал", публикуется в русской зарубежной периодике.

* * *

Мне нравится
                    сиротство,
Ничем не омытое
                    никакою слезою.
Глумливый русский смех,
                    смех кикиморы под веником,
смех пахнущей тиной русалки,
                    возвращающейся
                                        с танцплощадки, –
они мне
          не нравятся...
Как рассказать
                    об этой
тревожной дьяволиаде
                    теплых вечеров;
Кто-то
          болен –
                    неизлечимо. Быть может,
этот, выходящий из инсулинового шока?
Он брызжет обидной слюной,
а его слабую,
фантазирующую руку
держат санитары
                    подрабатывающие в мертвецкой...
Фисташковые подштанники
                    в Глинищевском переулке (его уже нет)
                    рядом
с неоклассической синагогой,
Голлербах и
                    рыбки в аквариуме,

собачий гон в припорошенных
полях —
отменены.
Давно немытые ноги
пахнут рокфором.
В эту оттепель
бутылка водки,
зеленого цвета стекло — последнего
сорта сивуха...
Может быть, эти больны,
бельмастые, с культями,
редкие кликуши, икотники, голубоглазые старики,
бросающие крошки голубям
у странствующей могилы
несчастных самодержцев
и
инокини Ольги,
чей датский жених,
принц,
давно уже сгнил
без бедного Йорика
где-то в Угличе
под желтым пухом
отцветающих верб
на скудельнице,
и только одни лягушки,
живущие здесь издавна,
через сотни поколений и
несмотря
на все свои анабиозы,
еще помнят об этой могиле...
Кто-то болен. Может быть,
этот,
сидящий орлом
в больничном сортире,
чтобы удобнее было
съесть
свою булку.
Может быть, он?

А я вас видел,
добрые люди древней Руси...

Карлик Миша
с котомочкой за плечами,
казанская сирота,
совершенствующая свой дух,
которого покойная
графиня безуспешно учила
французскому языку,
Миша, седой и плешивый,
приложился лбом к
холодному полу
моей старинной церкви
между двух новых подсвечников
у свежего гроба
болярыни Наталии из Ленинграда
с пергаментными руками.
На улице шел
январский снег,
Крупный и ненатуральный. Все
уцелевшие переулки вокруг
таяли,
и батюшка, изысканный,
как мэтр с Монмартра,
где я никогда не был,
читал по бумажке
на водосвятии
о здравии
непрочного умом Димитрия,
хотящего путешествовать Владимира,
воина Георгия и
убиенного Константина.
А вокруг
гроба старой Наталии
стояли люди
с очень интеллигентными лицами,
какие можно, наверное,
встретить

в русской часовне Сен-Женевьев де Буа,
где я никогда
не был.
Я же горько заплакал
у гроба новопреставленной Наталии
над новопреставленной
Любовью из "Цирка"
и приснопамятной Агриппиной
и еще
надо мне незнакомой прабабкой,
в бозе почившей Анной,
за сто лет перед тем
венчавшейся
в этой церкви, а потом —
погребенной
в Ново-Девичьем, на месте,
экспроприированном впоследствии
покойной тещей
бывшего члена ЦК,
нигде не отпетой.

И ласковые милиционеры,
оппозиционно настроенные
по отношению
к советским техническим достижениям,
утешали меня
в предпоследней электричке,
предлагая прочесть
журнал "Советский Экран", где
была напечатана
очень смелая статья моего
однокашника-таксидермиста,
повесившегося на острове Эзель, а перед тем
женившегося на цыганке из Воркуты, чтобы
поселиться в кооперативной квартире, купленной
на деньги его матери, вырученные
от приблизительного издания
Тацита
или Иосифа Флавия.

Падал
крупный январский снег,
у меня не было авто-
мобиля и
желания дочитать современный либеральный
американский роман о порочной
и безвыходной жизни
средних слоев буржуазного общества.

А под небом стоял
этот
старинный, сиротский воздух,
и мерз белый снег,
нестерпимо пах гной на рубищах
юродивых с Варварского крестца.
И мне показалось,
что я слышу
чуткие вздохи
всех российских времен,
задыхающихся в азоте
нужников.

* * *

А в поэтической тетради
Замысловатых перемен
Повыцветали лица, пряди,
Идеи чисел и измен.

Был дождь, и листья опадали,
Не успевая увядать,
Мы все изжили, все сыграли,
Не забывая отстрадать.

И в рукотворной суматохе,
Не помышляя о конце,
Мы замирали в полувздохе
При романтическом лице.

Банки из-под будвейзера
Плавали в жирной луже.
Официантка из тосканских ведьм
Читала "Zoo" товарища господина Шкловского.

Незначительная осень вокруг
Сеяла мелким дождем,
Одаряла вдохновением,
Подведомственным мелочному суду
Уцененных развалов Бук Стрэнда.

* * *

Фаустина,
                    Приблизительно точная
В колдовстве и любовных напитках;
Раздраженные вечера,
                              Проигранные Вечности

В болезнях и поисках слов и тел;
Оглушительный предел
Собственной лени и трусости;
Сложение Бесконечности
Под звон гитар на Plaza Mayor,
Чьи камни — как в иллюстрации
К старому изданию Путешествий
                              Гулливера в Страну Лилипутов
                                                  и на Лапуту;
Неприязнь к менструации
И рыбьим запахам старого Мадрида,
— O Libertad, divina Libertad!

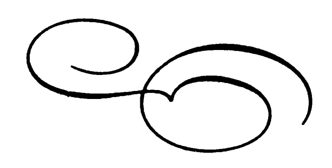
Где та дискотека для Дон Кихота?
И Луна, глядящая на лисиц,
Прячущихся в оливковых рощах
                              Гвадаррамы?
— O Libertad, divina Libertad.

Веселый кабачок в Толедо.
Санчо пансы бьют в такт в ладоши,
Закусывают грибками, пьют сангрию,
— O Libertad, divina Libertad

Прямая спина синьориты
На Московском вокзале,
Сбиваемая мешочниками из Поваровки,
– Дон Хуан! О, Дон Хуан! –
                    – Австрийский,
Умерший на фламандской голубятне,
Танцевавший гальярду в дыму Лепанто,
Привезенный в трех кожаных мешках,
                    отдельно
Под мраморные своды Эскориала –
Потешить мою угрюмость,
— O Libertad, divina Libertad

Как сладко быть европейцем,
Убегая от Европы
К соседке Кармен,
                    Сломавшей бедро
На углу заплеванной панками Авеню Эй,
Поскользнувшись на чуингаме.

Проиграйте, пожалуйста, поппури
Из православных ораторий
И масонских опер –
— O Libertad, divina Libertad!



бахыт кенжеев *бывший москвич*

БАХЫТ КЕНЖЕЕВ (родился в 1950 году). Один из основателей группы "Московское время" и самиздатского альманаха под тем же названием. Кенжееву удалось опубликовать некоторые свои стихи и в СССР. В 1980 году поэт эмигрировал, живет в Канаде. На Западе печатался в альманахах "Бронзовый век" (Австрия), "Глагол" (США), журналах "Континент", "Стрелец" "Третья волна". В издательстве "Ардис" (США) в 1985 году вышла книга его стихов "Избранная лирика".

***

До горизонта поля полыни
до горизонта поля полыни
а за полынью поля сирени
а за сиренью поля беглеца
до самой смерти попытка жизни
до самой смерти возможность жизни
до самой жизни возможность смерти
и так без конца, без конца

Я сам не знаю, чего мы ищем
паря меж городом и кладбищем
чего мы ищем о чем мы помним
когда глядим в небосвод ночной
в полях пшеницы, в полях сирени
убегают в прошлое наши тени
ускользают в прошлое наши тени
надеждой мучаясь и виной

До горизонта вместе с грозою
синие ночи долгие зори
вплоть до подземного дома грома
до расставанья а дальше врозь
дальше на выбор – свист соловьиный,
оклик совиный, явка с повинной,
в полях несжатых дорога к дому,
покуда сердце не сорвалось.

А с двух сторон, с двух сторон пригорка
снежная наземь легла скатерка,

где шелестели поля полыни,
полынья протяжная глубока.
Заснежено сердце, а в небе ночами
не замерзает речка печали –
не замерзает эта река

1977

***

в россии грустная погода
под вечер дождь наутро лед
потом предчувствие распада
и страха медленный полет
струится музыка некстати
стареют парки детвора
играет в прошлое в квадрате
полузабытого двора.

а рядом взрослые большие
они стоят навеселе
они давно уже решили
истлеть в коричневой земле
несутся листья издалека
им тоже страшно одиноко
кружить в сухую пустоту
неслышно тлея на лету

беги из пасмурного плена
светолюбивая сестра
беги не гибни постепенно
в дыму осеннего костра
давно ли было полнолуние
давно ль с ума сходили мы
в россии грустной накануне
прощальной тягостной зимы

она любила нас когда-то
не размыкая снежных век
но если в чем и виновата
то не признается вовек
лишь наяву и в смертном поле
и бездны мрачной на краю
она играет поневоле
пустую песенку свою

1979

БАЛЛАДА ПРОЩАНИЯ

Опять под лампою допоздна
желтеет бесплодный круг.
Одной печалью уязвлена,
давно моя жизнь от рук
отбилась... а память стоит за мной,
и щеки ее горят,
когда ревет самолет ночной
два года тому назад.

Одна разлука – а сколько слез.
Над городом ледяным
вставало солнце, в ветвях берез
сгущался зеленый дым,
рождались дети, скворец, как встарь,
будил меня поутру,
а все казалось – стоит февраль,
и мы – вдвоем на ветру.

Шептала вьюга: "Утихомирь
пустые надежды, друг."
Блистала тьма, раздавалась вширь,
звенела, пела вокруг,
и понял я, что мои следы,
и сумрачный дар, и честь
ушли в метель... У любой звезды
заветная флейта есть,

но если время двинется вспять –
я в двери твои стучу –
воскреснув, заново умирать
мне будет не по плечу.
Я брошусь за борт, когда ладья
отчалит, веслом скрипя,
но это буду уже не я,
и мне не узнать тебя.

Все двадцать писем твоих в пыли,
на пленке голос плывет,
Вдвоем на разных концах земли
мы смотрим на ледоход.
Вольноотпущенница, давай
помиримся без стыда –
весной любая живая тварь
ищет себе гнезда.

Крошатся льдины, в тумане порт,
над городом облака,
но профиль кесаря так же тверд,
а монетка так же легка.
Отдай ему все, что попросит он –
оставит он, не возьмет
василеостровский Орион
и баржи, вмерзшие в лед.

Прощай! Раскаявшийся – стократ
блажен, потому хитер.
Ему – смеяться у райских врат,
и не для него костер.
А ночь свистит над моим виском,
не встретиться нам нигде,
лежит колечко на дне морском,
в соленой морской воде.

Когда-нибудь я еще верну
и радость, и прах в горсти.
Возьми на память еще одну

десятую часть пути.
И то, что было давным-давно,
и то, что поет звезда –
возьми на счастье еще одно
прощание навсегда.

1977-1981

***

В Переделкине лес облетел,
над церквушкою туча нависла,
да и речка теперь не у дел –
знай, журчит без особого смысла.

Разъезжаются дачники, но
вечерами по-прежнему в клубе
развеселое крутят кино.
И писатель, талант свой голубя,

разгоняет осенний дурман
стопкой водки. И новый роман
(то-то будет отчизне подарок!)
замышляет из жизни свинарок.

На перроне частушки поют
про ворону, гнездо и могилу.
Ликвидирован дачный уют –
двух поездок с избытком хватило.

Жаль, что мне собираться в Москву,
что припаздывают электрички,
жаль, что бедно и глупо живу,
подымая глаза по привычке

к объявленьям – одни коротки,
а другие, напротив, пространны,

Снимем дом. Продаются щенки.
Предлагаю уроки баяна.

Дурачье. Я и сам бы не прочь
поселиться в ноябрьском поселке,
чтобы вьюга шуршала всю ночь,
и бутылка стояла на полке.

Отхлебнешь – и ни капли тоски.
Соблазнительны, правда, щенки
(родословные в полном порядке)
да котенку придется несладко.

Снова будем с тобой зимовать
в тесном городе, друг мой Лаура,
и уроки гармонии брать
у бульваров, зияющих хмуро,

у дождей затяжных, у любви,
у дворов, где в безумии светлом
современники бродят мои,
словно листья, гонимые ветром.

1981

***

Всю жизнь торопиться, томиться, и вот –
добраться до края земли,
где медленный снег о разлуке поет,
и музыка меркнет вдали.

Не плакать. Бесшумно стоять у окна,
глазеть на зверей и людей,
и что-то мурлыкать, похожее на
"ямщик, не гони лошадей".

Цыганские жалобы, тютчевский пыл,
алябьевское рококо...

Ты любишь романсы? Я тоже любил.
Светло это было, легко.

Ну что же, гитара безумная, грянь!
Попробуем разворошить
нелепое прошлое, коли и впрямь
мне некуда больше спешить.

А ясная ночь глубока и нежна,
могильная мерзнет трава,
и можно часами шептать у окна
нехитрые эти слова...

1982

***

Поэты часто замечали,
Что их стихи и буриме,
Совсем невинные вначале,
Ведут к могиле и тюрьме.

Я тоже знаю вывод этот,
И заклинаю вас, друзья:
Литература — только невод
В угрюмых водах бытия.

Но этот невод рыб не ловит,
Ни кашалота, ни треску.
Лишь обладателю готовит
Обиду, горечь и тоску.

Литература! Ты мерзавка!
Тебя я с Берией сравню!
Твое коварство, как удавка,
Поэтов душит на корню!

Из-за тебя и слезы в горле,
И обстоятельства бледней,
Из-за тебя меня поперли
С любимой родины моей!

1985

* * *

Жизнь людская всего лишь одна.
Я давно это понял, друзья,
И открытия делаю я,
Наблюдая за ней из окна.
Там прохожий под ветром дрожит,
И собака большая бежит,
После вьюги полночной с утра
Белым снегом сияет гора.

Даже в самом начале весны
Человеки бывают грустны,
И в отчаянье приходят они,
Если время проводят одни.
Я совсем не мелю языком –
Этот опыт мне очень знаком,
Чтобы весело жить, не болеть,
Очень важно его одолеть.

И конечно, поэт Владислав
Ходасевич безумно неправ –
Только мусор, и ужас, и ад
Уловил за окном его взгляд.
И добавлю, что Хармс Даниил
Тоже скептик неправильный был –
Злые дети играли с говном
За его ленинградским окном.

Не горюй, если сердце болит!
Вон в коляске слепой инвалид –

Если б был он без рук и без ног,
Далеко бы уехать не смог.
Но имея коляску и пса,
Не снимает руки с колеса,
И хорошие разные сны
Наблюдает заместо весны.

Умирает один и другой,
Человек без ноги и с ногой,
Но подумаю это едва –
Распухает моя голова.
И опять за огромным окном
Жизнь куда-то бежит с фонарем,
Жизнь куда-то спешит налегке
С фонарем и тюльпаном в руке...

* * *

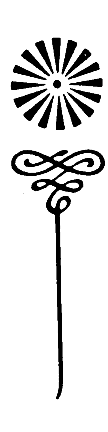
Зима надвигается. Снова
Какой-нибудь угол глухой
Под слезы ребенка больного
Покроется снежной трухой.
И после всех выплат и выдач
В итоге останется хер.
Простите, Борис Леонидыч,
Невежливый этот пример.

Застрянут в грязи, недоехав,
Недопив, рыдая в туман,
Осенние сумерки чехов
И прочих восточных славян.
Потомок на вашу могилу
Сирень принесет в стакане,
И тоже, дыша через силу,
Напишет стихи о войне.

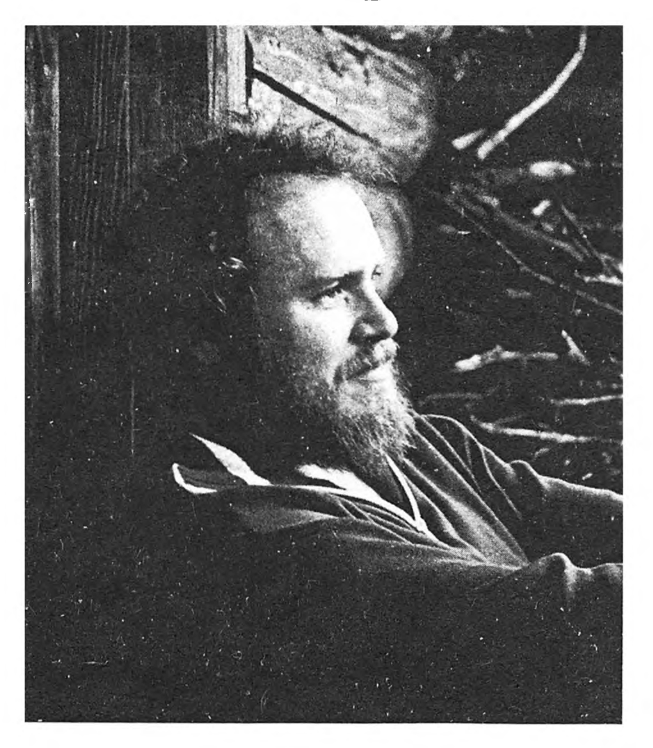
Кладбищенской тропки изгибы
Вложить попытается в стих,
И скажет земное спасибо

За то, что остался в живых,
За ветер, за позднюю славу,
За рощу в конце сентября,
За выстрел – не ради забавы,
А чтобы не мучился зря.

Над городом тучи нависли,
На дачах шинкуют и спят.
Не будем считаться, Борис Ле-
онидыч, я сам виноват.
Уж лучше, сквозь мир наизнанку,
Где кровью шумит водосток,
Откушать снотворного банку,
Да тихо заплакать в платок...



юрий колкер *бывший ленинградец*



ЮРИЙ КОЛКЕР (родился в 1947 году). С 1984 года живет в Израиле. Стихи поэта еще в то время, когда он находился в России, публиковались на Западе, в частности, в журнале "Континент" и в газете "Русская мысль". Эмигрировав, Колкер продолжает печататься в периодике русского Зарубежья. Автор книги стихов "Послесловие" (1985).

* * *

Три воды обегают вокруг островка,
Друг от дружки родясь чередой,
И Лебяжья канавка, мелка и узка,
Протянулась четвертой водой.

Три строки набегают, четвертой строкой
Замыкаясь в единстве своем,
Три беды возникают, с протокой-тоской
Образуя один водоем.

Три беды вытекают одна из другой,
И торопится внучка-река
Нас волною настичь, обогнуть и петлей
Захлестнуть, чтоб умолкла строка.

1974

* * *

Твой приятель садится за письменный стол
И в окно угловое глядит.
Там котельной трубы возвышается ствол,
И большая ворона сидит.

Птица тоже как будто косит на него,
Но не взглядом, сводящим с ума:
Нет, не ворон Эдгара, всего-ничего,
Городская ворона, кума.

Он бросает на прошлое мысленный взор –
Заурядное, в целом, житье:
Неудачи, удачи... Он смотрит в упор
На беду – и не видит ее.

То и страшно, что в фокусе вечно не то,
Что бедою не стыдно назвать...
Отвлекаясь, подводные съемки Кусто
Начинает герой вспоминать,

Тот неверный, невнятный, расплывшийся мир,
Где поверхность уже не видна,
Слух слабеет, теряется ориентир,
Да и жизни другая цена.

И пока его мысль подбирает слова,
Сквозь хандру пробиваясь с трудом,
Цепенеют деревья, спадает листва,
И вода покрывается льдом.

1974

* * *

В саду, на узком островке,
Со свитком знания в руке
И лавра веткою нездешней,
Сибилла Либика стоит
И тяжко за море глядит
Глазами муки безутешной.

Сибилла Либика, скажи,
Зачем деревья хороши
В своем спокойствии осеннем,
Зачем не слышно ветерка,
Зачем не движется река,
Волна не хлещет по ступеням?

Сибилла Либика, спроси,
С какими силами в связи

Душа осеннего покоя –
Того, что стынет над рекой:
Спроси Того, кто сам – покой,
Кто племя пестует людское...

Вода недвижная лежит,
Слеза небесная бежит
С ее ланит, вопросу вторя.
Залив, ведущий в океан,
Едва синеет сквозь туман,
Не видя слез, не зная горя.

1974

* * *

Когда зимой грустнеют птицы,
И Летний сад в снегу, –
С тобой одним, певец Фелицы,
Я в мире жить могу.

Все, чем эпохи наши схожи,
Я вижу, гнет терпя.
Мне скучно с теми, кто моложе
И опытней тебя.

И нам легко сойтись о главном,
Найдя ответ в добре, –
В саду с окоченевшим фавном
В дощатой конуре.

1977

* * *

Воробей – терпеливая птица.
Мне, быть может, когда я умру,
Суждено в воробья превратиться
На сквозном ленинградском ветру.

Как само естество обезличен,
Равнозначен себе самому,
Воробей оттого симпатичен,
Что живет , не вредя никому.

Потому ли, товарищ мой нищий,
Осторожный жилец чердака,
Ты мне дорог, что голос твой чище
И надежней, чем эта строка?

Ничего мне от жизни не надо –
Дайте только пропеть воробью,
Пробубнить в полутьме виновато
Безголосую песню свою.

1978

АНГИНА

Только немощь и может вернуть
Позабытые контуры, звуки.
Заболеть – как в себя заглянуть,
Суеты отрешиться и скуки.

Там, в гербарии счастий и бед,
Вдруг живые отыщутся почки:
Твой младенческий велосипед
Или две хореических строчки.

Сколько лет ты их тщетно искал,
Как шутила с тобой Мнемозина!
Сколько важных ты слов пропускал,
Среди них ключевое: ангина.

Мимолетная гостья, твоя
Правда! Время тебя не заботит.
Не хотел выздоравливать я,
Но пришлось. Мой будильник заводят.

Ничего я не помню. Забыл
Красоту, для которой трудился.
Пробил час – оболочку пробил
И в молочную вечность скатился.

1979

* * *

Зима наступает, Вивальди спешит
В притихшие наши сады.
Лист ветхий, как марля, уже не шуршит,
Осунулись неба черты.

Не этим ли утром петунья цвела,
Лобелия и ноготки,
В головку цветка проникала пчела,
И чайки паслись у реки?

Должно быть, мы долго бродили с тобой:
Свинцовою сделалась синь,
Приблизились скрипки, померкнул гобой,
И ясно звучит клавесин.

1980

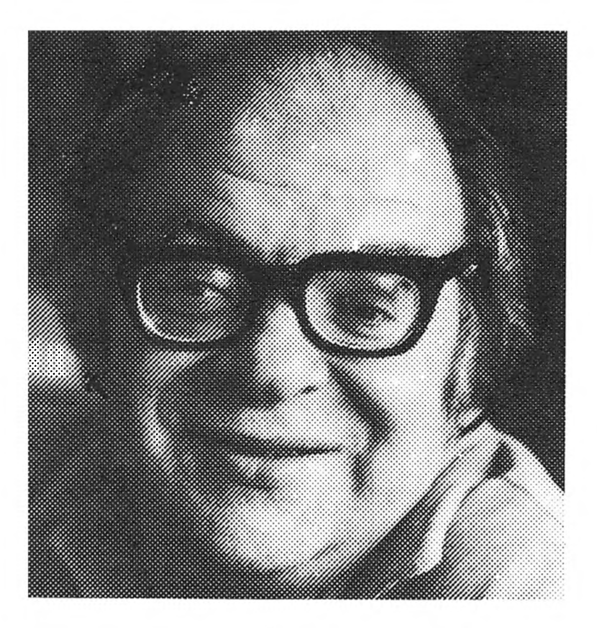
* * *

Еще ты полон этим днем холодным –
Но счет закрыт: твой труд, твоя печаль,
Все то, чем был ты пред лицом Господним,
Занесено на вечную скрижаль.

Нет корректуры для последней правки,
Обмолвки не отменишь кровью всей,
Приходит ночь, и Ангел очной ставки
Является над совестью твоей.

1982

н. коржавин *бывший москвич*



НАУМ КОРЖАВИН (родился в 1925 году) Учился в Московском литературном институте им. Горького. В 1947 году был арестован и сослан в Сибирь. Институт ему удалось закончить только в 1959 году. Коржавин – участник нашумевшего сборника "Тарусские страницы". В 1963 году в издательстве "Советский писатель" вышла его первая книга стихов "Годы". В 1967 году в московском театре им. Станиславского была поставлена его пьеса "Однажды в двадцатом". Однако большая часть творчества Коржавина в СССР опубликована быть не могла. Его же участие в демократическом движении привело к тому, что, в конце концов, поэт был вынужден эмигрировать. Живет в США. На Западе опубликовал две книги стихов: "Времена" (1977) и "Сплетения" (1981). Широко публикуется в периодике русского Зарубежья.

СТИХИ О ДЕТСТВЕ И РОМАНТИКЕ

Гуляли, целовались, жили-были...
А между тем, гнусавя и рыча,
Шли в ночь закрытые автомобили
И дворников будили по ночам.
Давил на кнопку, не стесняясь, палец,
И вдруг по нервам прыгала волна...
Звонок урчал... И дети просыпались ,
И вскрикивали женщины со сна.
А город спал. И наплевать влюбленным
На яркий свет автомобильных фар,
Пока цветут акации и клены,
Роняя аромат на тротуар.
Я о себе рассказывать не стану –
У всех поэтов ведь судьба одна...
Меня везде считали хулиганом,
Хоть я за жизнь не выбил и окна...
А южный ветер навевает смелость.
Я шел, бродил и не писал дневник,
А в голове крутилось и вертелось
От множества революционных книг.
И я готов был встать за это грудью,
И я поверить не умел никак,
Когда насквозь неискренние люди
Нам говорили речи о врагах...
Романтика, растоптанная ими,
Знамена запыленные – кругом...
И я бродил в акациях, как в дыме.
И мне тогда хотелось быть врагом.

1944

ЗАВИСТЬ

Можем строчки нанизывать
Посложнее, попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь.

И какие бы взгляды вы
Ни старались выплескивать,
Генерал Милорадович
Не узнает Каховского.

Пусть по мелочи биты вы
Чаще самого частого,
Но не будут выпытывать
Имена соучастников.

Мы не будем увенчаны...
И в кибитках,
                    снегами,
Настоящие женщины
Не поедут за нами.

1944

* * *

Мне без тебя так трудно жить,
А ты – ты дразнишь и тревожишь.
Ты мне не можешь заменить
Весь мир...
               А кажется, что можешь.
Есть в мире у меня свое:
Дела, успехи и напасти.
Мне лишь тебя недостает
Для полного людского счастья.
Мне без тебя так трудно жить:
Все – неуютно, все – тревожит...

Ты мир не можешь заменить.
Но ведь и он тебя — не может.

1952

* * *

Я не был никогда аскетом
И не мечтал сгореть в огне.
Я просто русским был поэтом
В года, доставшиеся мне.
Я не был сроду слишком смелым.
Или орудьем высших сил.
Я просто знал, что делать, делал,
А было трудно — выносил.
И если путь был слишком труден,
Суть в том, что я в той службе служб
Был подотчетен прямо людям,
Их душам и судьбе их душ.
И если в этом — главный кто-то
Откроет ересь —
что ж, друзья,
Ведь это все — была работа.
А без работы — жить нельзя.

1954

ВАРИАЦИИ ИЗ НЕКРАСОВА

...Столетье промчалось. И снова,
Как в тот незапамятный год —
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони все скачут и скачут,
А избы — горят и горят.

1960

* * *

Наверно, я не так на свете жил,
Не то хотел и не туда спешил.
А надо было просто жить и жить
И никуда особо не спешить.
Ведь от любой несбывшейся мечты
Зияет в сердце полость пустоты.

Я так любил. Я так тебя берег.
И так ничем тебе помочь не мог.
Затем, что просто не хватало сил.
Затем, что я не так на свете жил.
Я жил не так. А так бы я живи, —
Ты б ничего не знала о любви.

1960

ЛЕНИНГРАД

Он был рожден имперской стать столицей.
В нем этим смыслом все озарено.
И он с иною ролью примириться
Не может.
И не сможет все равно.

Он отдал дань надеждам и страданьям.
Но прежний смысл в нем все же не ослаб.
Имперской власти не хватает зданьям,
Имперской властью грезит Главный Штаб.

Им целый век в иной эпохе прожит.
А он грустит, хоть эта грусть — смешна.
Но камень изменить лица не может, —
Какие б ни настали времена.

В нем смысл один, — неистребимый, главный,
Как в нас всегда одна и та же кровь.

И Ленинграду снится скиптр державный, –
Как женщине покинутой –
любовь.

1960

* * *

Иль впрямь я разлюбил свою страну? –
Смерть без нее и с ней мне жизни нету.
Сбежать? Нелепо. Не поможет это
Тому, кто разлюбил свою страну.

Зачем тогда бежать?
Свою вину
Замаливать? –
И так, и этак тошно.
Что ж, куст зачах бы, отвратясь от почвы,
И чахну я. Но лямку я тяну.

Куда мне разлюбить свою страну!
Тут дело хуже: я в нее не верю.
Волною мутной накрывает берег.
А почва – дно. А я прирос ко дну.

И это дно уходит в глубину.
Закрыто небо мутною водою.
Стараться выплыть? Но куда? Не стоит.
И я тону. В небытии тону.

1972

* * *

Могу в Париж и Вену.
Но брежу я Москвой,
Где бьетесь вы о стену,
О плиты головой.

Надеясь и сгорая,
Ища судьбы иной.
И кажется вам раем
Все то, что за стеной. –

Где все сместив оценки –
Такие времена –
Я так же бьюсь о стенку,
Хоть стенка из г---а.

ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА

Баллада об историческом недосыпе

(Жестокий романс по одноименному произведению В. И. Ленина)

Речь идет не о реальном Герцене, к которому автор относится с благоговением и любовью, а только об его сегодняшней официальной репутации.

Любовь к Добру разбередила сердце им.
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда все пошло.

И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать, –
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не дал всласть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,
Идти в народ и не страшиться дыб.

Так началась в России конспирация:
Большое дело – долгий недосып.

Был царь убит, но мир не зажил заново.
Желябов пал, уснув несладким сном.
Но перед этим побудил Плеханова,
Чтоб тот пошел совсем другим путем.

Все обойтись могло с теченьем времени.
В порядок мог втянуться русский быт...
Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребенок спит?

На тот вопрос ответа нету точного.
Который год мы ищем зря его...
Три составные части – три источника
Не проясняют здесь нам ничего.

Да он и сам не знал, пожалуй, этого,
Хоть мести в нем запас не иссякал.
Хоть тот вопрос научно он исследовал, –
Лет пятьдесят виновато искал.

То в "Бунде", то в кадетах... Не найдутся ли
Хоть там следы. И в неудаче зол,
Он сразу всем устроил революцию,
Чтоб ни один от кары не ушел.

И с песней шли к Голгофам под знаменами
Отцы за ним, – как в сладкое житье...
Пусть нам простятся морды полусонные,
Мы дети тех, кто недоспал свое.

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить.

ПОДРАЖАНИЕ Г-НУ БЕРАНЖЕРУ

Шум в Лувене, в Сорбонне восстанье.
Кто шумит? Интеллекты одни!
Как любовник минуты свиданья,
Революции жаждут они.

А у нас эта в прошлом потеха.
Время каяться, драпать и клясть.
Только я не хотел бы уехать.
Пусть к ним едет Советская власть.

К ним пусть едет — навстречу их страсти,
Чтоб мечты воплотив наяву,
Дать им все, что им нужно для счастья...
Без нее — я и так проживу.

Вы смеетесь, а мне не до смеха.
И хоть вижу разверстую пасть,
Не хочу из России к ним ехать,
Пусть к ним едет Советская власть.

Лишь свобода особого рода
Им нужна... Пусть!.. А мне бы вполне
И банальной хватило свободы:
Остальное — при мне и во мне.

Только нет ее — вот в чем помеха.
И не будет — такая напасть!
Все равно не хочу я к ним ехать —
Пусть к ним едет Советская власть.

К ним пусть едет — к поборникам Цели.
Пусть ликуют у края беды
И товарищу Дэвис Анджеле
Доверяют правленья бразды.

А она уж добьется успеха
И заставит их в ноги упасть.

Нет, не зря не хочу я к ним ехать,
Пусть к ним едет Советская власть.

Пусть к ним едет – сам черт им не страшен,
Коль свобода совсем не мила.
Очень жаль, – но таскать им параши
Взад-вперед за такие дела.

Не смеюсь – тут совсем не до смеха:
Разве радость, что миру пропасть.
Нет, друзья! – не хочу я к ним ехать.
Пусть к ним едет Советская власть.

Пусть ведет к ним голодные годы,
Пусть их ложь разъедает, как дым.
Пусть!.. Под сенью банальной свободы
Буду честно сочувствовать им.

Сам прошел я сквозь эти успехи,
Сам страдал и намучился всласть...
Нет, не вижу я смысла к ним ехать.
Пусть к ним едет Советская власть.

Я тогда о судьбе их поплачу,
Правоте своей горькой не рад,
И по почте пошлю передачу
Даже Сартру – какой он ни гад.

И поймет он — хоть будет не к спеху, –
Что с ним сделала пошлая страсть.
А пока – не хочу я к ним ехать.
Пусть к ним едет Советская власть.

Отольются им все их затеи,
Будет кара – не радуюсь ей.
Только знайте – не их я жалею,
Посторонних мне жалко людей.

Им ведь будет совсем не до смеха –
В переделку такую попасть:
Там ведь некуда будет уехать:
Всюду будет Советская власть.

марина косталевская

бывшая москвичка

МАРИНА КОСТАЛЕВСКАЯ (родилась в 1947 году). С 1979 года живет в США. Публиковалась в журналах "Время и мы", "Стрелец".

* * *

Есть покорность наитьям, открытьям
под крылами распластанных строк.
Отступают судьба и событья,
если жизнь – обучения срок.
Остается принять, не пеняя,
этих звуков ласкающих власть.
На смиренье гордыню меняя,
поклониться, склониться, упасть.
Чтоб явило свое назначенье
то, что мнилось, как тягостный плен.
Чтобы начался путь посвященья
немотой преклоненных колен.

* * *

Для нас уже не ново –
что помнить, что забыть.
И нам о слишком многом
не страшно говорить.
Знакомо и привычно
рукой за коробком
поставлены кавычки
и кажется легко
словами утешений
согреться у плеча.
Но сладко искушенье
о многом промолчать.
И словно между прочим

довериться тому,
что даже эти строчки
не ясны никому.

СКАЗКА

Тихим вечер будет.
Белой – простыня.
Соберутся люди
хоронить меня.
Принесут в подарок
домик-теремок,
беленький огарок –
тонкий стебелек.
Посидят немного,
помолчат. Потом
соберут в дорогу
и закроют дом.
Отнесут к могиле
на закате дня.
Станут жить, как жили,
только без меня.

* * *

Мы научились убивать –
в себе любовь, в других терпенье.
Мы научились красть и лгать,
пока с оглядкой на прощенье.
Мы были рядом, возле, между.
Хранили мысли, жизнь, добро
и вороватую надежду
на милосердие Его.
Нам оставалось так немного –
обычный страх. Какой пустяк!
Вперед! И мы забыли Бога,
как в старом пиджаке пятак.

И продолжали жить, как жили.
Не осознав, что в этот час,
в тот миг не мы Его забыли,
а просто Он оставил нас.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Какая разница? Переселенье душ
или бездушное – перемещенье лиц.
Все это в сущности – один недуг
несоблюдения своих границ,
когда загадочностью перемен
неумолимо набухают дни,
и неизбежно разрушенье стен,
и загораются вдали огни.
Тогда приводит память про запас
того, кто не боится похорон,
кому знаком пирамидальный час
за фараоном следующих жен.
И видя. Друга? Ангела? Конвой?
Уже не труд – перешагнуть порог,
пока не знаешь ты – конец перед тобой
или начало бесконечности дорог.

* * *

О детский обиженный всхлип!
Открытые тайны под спудом.
Глашатаи весть донесли:
Виновен! Надейся на чудо.
Надейся! Спасенье придет.
Покайся! Виновность забудут.
Словам наступает черед –
Простите! Я больше не буду.
И слов этих грозный конвой,
покрыв твои козыри крапом,
идет неизбежно с тобой
по дням, по часам, по этапам.

Ты их повторяешь опять,
привычкой стирая значенье.

И люди привычкой прощать
стирают твое искупленье.
Но детская, старая весть
разрушит проказы, причуды.
Прощали за то, что ты есть.
Простите! Я больше не буду.

* * *

Можно все забыть.
Перемелется.
Поделиться бы –
да не делится.
Можно все отдать
отражению.

И скорей познать
умножение.
А на деле-то.
В то, что прожито,
все поделено,
все умножено.

вадим крейд ***бывший москвич***

ВАДИМ КРЕЙД (родился в 1936 году). С 1981 года живет в США. Его стихи, литературоведческие статьи и эссе широко публикуются в периодике русского Зарубежья. Автор поэтического сборника "Восьмигранник" (1986).

* * *

Бывало — про чудо напомнит
Какой-нибудь древний поэт,
Идешь из трущобности комнат
Златою надеждой согрет.

И наши земные ненастья
Покажутся мельче и злей,
И видишь, что соткан из счастья
Мир праведных сердцем людей.

* * *

Чистота святого страха —
Наследить на белизне:
Снега белая рубаха
Точно счастие во сне.

Здесь отведал в изумленьи,
Снова мальчик-лоботряс,
Бескорыстного служенья
Этих белотканных ряс.

* * *

...И сбегаются две синевы —
Свет полдневный и воды Невы,
И от этих привычных двух
Вознесет и захватит дух.

И впадаешь как новый приток,
Незаметен, но так широк,
В синеву и в янтарь дерев
Как бессмертный глухой напев.

* * *

Быть может, комнат тишина
И в кадке толстокожий фикус.
Иль с револьвером старшина
Твоей судьбы последним иксом.

А может, не России ночь,
А мирной жизни кроткий вечер,
Когда уходят просто прочь,
Без проволочек – прямо в вечность.

* * *

Блещет серп новолунный
Акварелям зари,
Вдоль Невы тонкорунной
Цепью вдаль фонари.

Строй имперских строений,
Зодчей славы парад.
Время предано тленью
У тебя, Ленинград.

* * *

Не внемлет слух, сомкнуты вежды

Ал. Толстой

О, как далеко здесь до Бога,
Душа – слеза, глаза сухи.
От устья жизни до истока
Полынь-трава да пустяки.

Лишь бедной радугой ажурной
Парит любовь во мгле ума.
Да медной фразою дежурной
Глушит твою надежду тьма.

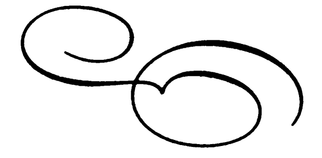
* * *

Реешь над дальним пределом
Ты без меча, без луча

Ф. Сологуб

Ты диктуй, я стану верить,
Ибо знаю, что в пространстве
Нету меры, нечем мерить,
Кроме бреда этих трансов.

Кроме звуков онемелых,
Кроме лепетов беззвучных.
Ты диктуй, я буду верить,
Что мы были неразлучны.



михаил крепс *бывший ленинградец*

МИХАИЛ КРЕПС (родился в 1940 году). Ленинградец. В СССР не печатался. С 1974 года живет в США. Публиковался в журналах "Континент", "Время и мы", "Современник", "Новый журнал", "Стрелец", в поэтическом сборнике "Встречи", в Антологии современной русской поэзии "Голубая лагуна". Автор литературоведческих книг: "О поэзии Бродского" (1984), "Булгаков и Пастернак как романисты" (1984), "Техника комического у Зощенко" (1986).

ЛЮБОВЬ НЕ УХОДИТ

Любовь не уходит.
Она уезжает на велосипеде.
Уже не видно ни сияющих глаз,
Ни розовых коленок,
Но еще можно разглядеть
Быстро удаляющийся силуэт,
Размытую линию колеса
И отраженное солнце,
Изредка вспыхивающее
На кончиках спиц.

ЖИВОТНЫЕ НЕ СМЕЮТСЯ

Животные не смеются.
Никогда не хохочут.
Даже не улыбаются.
Ни приветливо.
Ни снисходительно.
Ни иронически.
Вероятно, они знают
Что-то такое,
Чего не знает человек.
И им не до смеха.

СЧАСТЛИВЫЕ ФАРФОРОВЫЕ ДНИ

Белые фарфоровые слоники,
Один меньше другого,
По полированной пустыне комода

Медленно один за другим
Бредут,
Словно дни
В счастливых мещанских семьях,
Где ничто не происходит,
Где ничто не нарушает
Раз и навсегда установленный
Распорядок дня и ночи
На радость домовитой хозяйке,
Которая каждое утро
Тщательно с них стирает
Мягкой фланелевой тряпочкой
Пыль.

БУКЕТ РАСХОЖИХ ИСТИН

Пролог занятнее эпилога.
Пророк всегда представимей Бога.
Порок притягательней, чем подруга.

В бою погибают первыми пешки.
Орел не приемлет сторону решки.
Не все, что желто и кругло – орешки.

Козлик игривей, чем рожки да ножки.
Ножки разборчивей, чем босоножки.
Поллитрушка сговорчивей Белоснежки.

Джин обычно не в нашей бутылке.
Легче, чем в лица, плевать в затылки.
Чаще в тюрьму сажают за толки.

Нетто в искусстве важней, чем брутто.
Юлий – причина известности Брута.
Обормот понятнее обериута.

Казбич добродетельнее Азамата.
Кабинет удобнее каземата.
Казанова опаснее Квазимодо.

Давидов в жизни бьют голиафы.
Бесстрашных тиранов пугают строфы.
Пуристов бесят анаколуфы.

Алкорана проще марихуана.
Дон Кихот счастливее Дон Жуана.
Дульцинеи доступнее Донна Анна.

Столбовые пути зачастую путы.
Гулливеров высмеивают лилипуты.
За поэтов принимаются логопеды.

Слухи не терпят нужды в конверте.
Гениев признают после смерти.

P.S. Если не верите, то проверьте.

ПЕРВАЯ МЫСЛЬ

Замечательный и первозданный
Я по райскому саду брожу,
Незнакомый с тоской чемоданной
Я на голую Еву гляжу.

В голове ни страстям, ни мыслишкам
Места нет еще. Тишь, пустота.
Слишком мало здесь жителей. Слишком
Много яблок в саду. Неспроста.

ЧУЖИЕ ЛИЦА

Среди рыночного хлама
В пыльных рваных коробках
Лица дореволюционных фотографий
Одинакового коричневого цвета
На добротном глянцевитом картоне

С именным клеймом фотографа в нижнем углу
В торжественные моменты жизни.

Старомодные праздничные наряды,
Причудливые шляпы и шляпки,
Чьи-то кокетливые мамаши,
Гордые женихи и невесты,
Чопорные бабушки-колдуньи,
Самодовольные отцы семейства,
Миловидные гимназисты и гимназистки,
Резвые пухлощекие детки –
Чужие родственники.

У всех умные выразительные лица.
Они смотрят с надеждой на будущее.
А их будущее уже прошло.

Этот, верно, погиб на войне.
Этого унесла болезнь.
Этот застрелился из-за долгов.
Эта утопилась из-за несчастной любви.
Этого расстреляли за политику.
Эта умерла от голода.

Где их дети, внуки, потомки,
Которые бы их хранили
В бархатных тисненых альбомчиках
С золотыми застежками?

Чужие, безродные лица.
Их давно уже нет на свете.
А они смеются.

СТИХОТВОРЕНИЕ О ЛЮБВИ (РУКОВОДСТВО)

Очень легко написать стихотворение о любви,
Сравнив глаза любимой с чем-нибудь ярким,
Губы – с чем-нибудь красным,

Стан – с чем-нибудь стройным и т. д.
(Не забыть рифмы!)

Или, если любимая красотой не блещет,
Похвалить ее ум, доброту, характер.

Или, если любимая ничем не блещет,
Описать силу своей любви к ней
(навсегда, без ума, горячо, неземная).

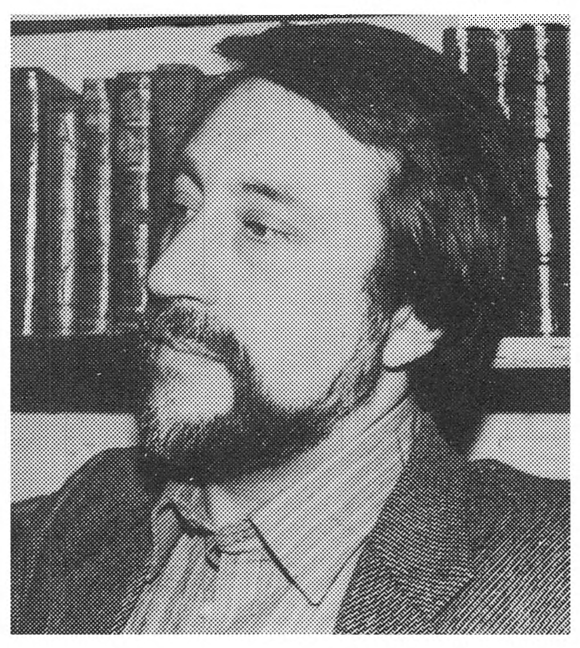
Или, если о своей любви особенно сказать нечего,
Описать в красках вечер первой встречи
(море, звезды, тюльпан в волосах, бокалы).

Или, если первой встречи не было,
Описать в красках вторую встречу или третью.

Или, если вообще не было ни встреч, ни любимой,
Создать их силой своего поэтического воображения.

Или, если нет ни встреч, ни любимой, ни поэтического воображения,
Написать стихотворение о том,
Как легко написать стихотворение о любви,
Сравнив глаза любимой с чем-нибудь ярким,
Губы – с чем-нибудь красным и т. д.
(При этом не забыть рифмы!)

юрий кублановский *бывший ленинградец*



ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ (родился в 1947 году). Участник альманаха ”Метрополь”. В СССР не печатался. Автор книги стихов ”Избранное”, составленной И. Бродским и вышедшей в издательстве ”Ардис”, когда Кублановский еще находился в России. С 1983 года поэт живет на Западе. В том же году в Париже была опубликована его как бы итоговая книга стихотворений ”С последним солнцем”. В 1985 году в издательстве ИМКА-ПРЕСС вышел его новый сборник стихов ”Оттиск”.

ПОТЕМКИН, ЗУБОВ И ОРЛОВ...

С кем мы пойдем войной на Гиену?

Державин

1.

Потемкин, Зубов и Орлов –
Екатерининских орлов
блестящая плеяда –
намека ждут и взгляда.

Кого в сегодняшнюю ночь
она прижать была б не прочь
сквозь потайную дверцу
к жиреющему сердцу?

За шаткой ширмой будет он
шуршать шелками панталон.
И матушка царица
завоет, как волчица.

А где-то комнат через пять
старик Вольтер ложится спать,
не помолившись Богу...
Все гаснет понемногу.

2.

Князь Потемкин, прыгнув из кровати,
у окошка ахнул:
– Глянь-ка, Катя,
как наряден славный Питер твой!
Золотится ветер над Невой,
Петропавловка в тумане розовеет,
на приколе яхта индевеет
и пунцов усатый часовой.

Ждет твоей молитвы Небожитель,
ждет гостинца льстивый просветитель.
Не велишь ли, матушка, вставать?
Засветло грешно озоровать.

– Ах, послушай, Гриша, помолчи.

Лужа воска около свечи.
Без тяжелых буклей побеленных
лысоваты головы влюбленных.

3.

Орлов, красавец и нахал.
Его в Неаполе видали.
Он Тараканову украл.
Они друг другом обладали.

Пока гримасничал норд-ост
в иллюминаторе уныло,
в глубокой качке в полный рост
она к нему прижалась было.

...Когда ж огонь сторожевой
проплыл отметиной Кронштадта,
кондовый проводил конвой
мадмуазель до каземата.

Теперь княжна обречена,
хотя от млека ломит груди.
Вот так в былые времена
шутили пламенные люди!

4.

Гвардейская акула,
кососаженный хват
приказом с караула
в опочивальню взят

на царственную мушку.
Всходя на бастион,
державную старушку
потешь, понежь, Платон.

Пока душок шалфея
ты ловишь цепким ртом,
вся матушка Расея
у вас под каблуком.

Уж лучше это свинство,
да водка, да балык,
чем кровь и якобинство
парижских прощелыг!

1969

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ

Давай сумерничать с графином,
хоть ни-ни-ни.
И все-таки "бокал поднимем"
– как Фет писал седым графиням
в "Вечерние Огни".

Вкус алкоголя сладко-горький
печет и вяжет рот.
Зернистой апельсинной корки
мясист испод.

О комната моя, каморка!
Закатный лист фольги.
В печи углей багряных горка.
угара мотыльки...

И стол мой с письмами, делами,
готовыми в золу,
чем объяснима наша с вами
любовь к теплу,

и за окном – где снега вспышки,
откинутая ниц
ларца девического крышка –
кормушка для синиц.

1976

* * *

Купина небес неопалима.
Колосятся иней, снег.
Ночь светла от голубого дыма.
Темен мой ночлег.
И хрустят дорожки в дольнем мире,
днем горевшем золотым огнем,
чтобы было и тесней и шире
мне в Отечестве своем.

...Рабьим страхом душу не унижу:
этот снег и эту жесть,
черный сад и голубую крышу
я беру как есть
– в жадном тигеле расплавить снова

— Господи, благослови —
косность речи и с в о б о д у с л о в а,
дар Твоей любви.

1978

ЭЛЛЕГИЯ

Е. Шварц

...Где милая рука, от родинок рябая,
берет стакан с винцом,
где пудель давится от ласкового лая
и сигаретный дым кольцом
(Я в э т о й комнате и не хочу в другую.
В два ночи голубей восток.
Я вижу левую от родинок рябую,
такую ж правую, и хриплый шепоток
со мною делится молчанием и словом
о страшном и простом.
Я, верно, не найду ни сна под этим кровом
ни рук, встречающих при том)

— до этих мест семьсот
верст — и почти все лесом.
И мне, как школьнику неправильный ответ,
то снится поездов горячее железо,
то все счастливое, чего в помине нет.

12.6.79

* * *

В ДЕРЕВЬЯХ ЛАПЧАТО

В деревьях лапчато запутались грачи.
Ручьи перекрутились с речью.
И склоны темные, что куличи,
плывут торжественно навстречу.

Сжигает солнышко меня ленивца и
страну тряпично-красной плоти,
где все под мухою. И только муравьи
честны в египетской работе.

ЗА СВИСТКИМ ПОЕЗДОМ

За свистким поездом летит зеленый шлейф
к гранитным пирсам Петрограда,
где император ловит кейф,
давя чешуйчатого гада
своим копытом. И Нептун
в еще последней снежной пене
глядит не на оснастку шхун
— а вслед петропольской Елене.

И ВЕЕТ БАЛТИКОЙ

Крупица Божия боится грубых рук.
Она нежна, хоть голос низок.
И веет Балтикой, когда беру
конверты от ее волнующих записок.
Комочек бытия, завернутый в наждак
пространства, названного Русью,
ему противится. А мы не можем так.
Нас тащит к собственному устью.

И ВСЕ МЕРЕЩИТСЯ

И все мерещится то яма, то барак
с плюгавым уркой одесную.
И каждый раз трудней бывает сделать шаг
в словесность чистую простую...
Не башню стройную за клетью клеть
я смело возвожу к руинам —
все громче хочется анафему пропеть
и показать кулак рубинам.

КОГДА Б НЕ ВЕДАЛИ

...Когда б не ведали, ч т о впереди
у старого грача и драгоценной птахи,
я б ожил у твоей боязненной груди,
где гений, и мечты, и страхи.
И выдубив сердца у финских берегов,
мы ехали б в Москву на царство,
где мстя любовникам за сорок сороков,
все диссидентское боярство

В НАПРАВЛЕНИИ ПОЛЬШИ

там прахом наших тел салютовало бы,
примерно, в направленьи Польши,
чтобы преемники просили у судьбы
чего попроще и подольше.
Но не своим горбом, а из твоих стихов
о темных метинах на чутком теле
известно мне, – подобии следов
по бесам пущенной шрапнели.

ЕЩЕ И ОСЕНЬЮ

Весной пахучею, как ладан и ваниль,
зимой, сжимающей запястье,
в страду июльскую, глотая соль и пыль,
или в прозрачное ненастье
– еще и осенью я буду вспоминать,
жалея клен и облепиху,
вдыхавшую хмелек в латинскую тетрадь,
ту – с низким голосом – подругу соловьиху.

1 – 3.4.1979

* * *

В кренящейся башне ночные раденья,
кадреж Коломбины с порога
для нас вожделеннее лжевдохновенья
голодного позднего Блока.
Да только одним они мазаны миром,
одна в них мерцает монада.
С полуночным бледно-зеленым эфиром
они породнились...
                                        Не надо,
не надо ни пышной италии в храме,
ни голого мрамора в чаще,
ни неба такого, как в "Пиковой даме" –
все это мертво и щемяще.

Мы долго гуляли с тобою у стрелки
и оба не шли на уступки.
И пялились жадно советские клерки
на рубчик вельветовой юбки.

И спорили с Лазарем пятнами тлена
кумиры в садах и на крыше...
И алчно взмывала балтийская пена
все выше,
            и выше,
                        и выше.

1979

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Н.

От кленовой разлапины,
далеко перетлевшей во мгле,

уцелевшие крапины
на чужой полулевой земле,
утопающей в зелени
и слепящей в щелях жалюзи,
то к античной расщелине
притулимся в замшелой грязи,
то лекалом бездонного
нас канала погонит под мост,
где на клюве у лебедя сонного
костяной громоздится нарост.

2.

В дни апреля, на сломе их
я припомню, уснув вдалеке,
как мы в шляпах соломенных
в полдень с пляжа плелись в Судаке
вкруг тропою подгорною
к глинобитной хибарке Бруни.
Словно музыку черную,
все последние дни
я в ветвях перекошенных
слышу хрипы про милый предел...
Словно русские гнезда заброшены
в них терновые комья омел.

3.

Звезды южные в инее
узнаваемом, но
их не знаю по имени,
ибо каждое странно, чудно.
Лишь одно утешительно,
что не сеять, не жать,
а под ними решительно
в черной яме лежать

победителем-неучем,
забывающим честно словарь,
понимая, что н е о ч е м
говорить — сквозь трухлеющий ларь.

1983

* * *

И. Бродскому

Систола — сжатие полунапрасное
гонит из красного красное в красное.
...Словно шинель на шелку,
льнет, простужая, имперское — к женскому
около Спаса, что к Преображенскому
так и приписан полку.

Мы ль предадим наши ночи болотные,
склепы гранитные, гульбища ротные,
плацы, где сякнут ветра,
понову копоть вдыхая угарную,
мы ль не помянем сухую столярную
стружку владыки Петра?

Мы ль... Но забудь эту присказку мыльную.
Ты ль позабудешь про сторону тыльную
дерева, где воронье?
Нам умирать на Васильевской линии!
— отогревая тряпицами в инее
певчее зево свое.

Ведь не тобою ли прямо обещаны
были асфальта сетчатые трещины,
переведенные с карт?

Но воевавший за слово сипатое
вновь подниму я лицо бородатое
на посрамленный штандарт.

Белое – это полоски под кольцами,
это когда пацаны добровольцами,
это когда никого
нет пред открытым Богу божницами,
ибо все белые с белыми лицами
за спину стали Его.

Синее – это когда пригнетаются
беженцы к берегу, бредят и маются
у византийских камней,
годных еще на могильник в Галлиполи,
синее – наше, а птицы мы, рыбы ли
это не важно, ей-ей.

Друг, я спрошу тебя самое главное:
ежели прежнее все – неисправное,
что же нас ждет впереди?
Скажешь, мол, дело известное, ясное.
Красное – это из красного в красное
в стынущей честно груди.

1986

константин кузьминский

бывший ленинградец

КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ (родился в 1940 году). В СССР не печатался, но стихи его распространялись в Самиздате. В 1975 году эмигрировал, живет в Нью-Йорке. Публиковался на страницах журналов ”Континент”, ”Третья волна”, ”Стрелец”, ”Мулета” и других. Составитель и издатель Антологии современной русской поэзии ”Голубая лагуна”.

ТУМАН

И. Х.

Очень серый
в городе туман.
Одинок и холоден
туман.
Облепляет голову
туман,
серый,
в сером городе
туман.
Обними ее крепче,
туман.
Загляни ей в глаза,
туман.
Упади ей на плечи,
туман,
обними,
как меня обнимал.
Не забыть ее плеч,
туман.
Не забыть ее плач –
обман.
Замерзают в тумане
дома,
то обманет,
то манит
туман.

Тишина.
                И белесая тьма.
Ни тебя,
          ни меня...
Туман...

13 октября 1959 г.

ЭПИСТОЛА МОНАШЕСТВУЮЩЕМУ ПИИТУ ТИТУ ОДИНЦОВУ В ДЕНЬ СРАКОЛЕТИЯ СКОРБНОБЛАЖЕННАГО АВТОРА

Како, Тит, живешь в Анн Харборе суща?
Како океан заливает сушу,
Тако я тебя лобзаю и обнимаю,
Зане душу твою табашну понимаю.
Како всяко брашно и прочие еды
С другом поделивши, отчего и обиды,
Тако в городе французов Париже
Приедешь – и спускай порты пониже,
Зане окружат тебя беспутные девки,
Творя над тобой бесчисленны издевки,
Грош последний из кошеля вымая
И гишпанским воротничком, сиречь герпес, награждая.
Я же по-прежнему схимно проживаю в Техасе,
Мечтая о хлебе, такожды и о квасе,
С неодобрением зрю непотребных техасских девок,
Не имея на оных насущных денег.
Како взявши в руци свою иглу портняжну,
Дробной стопой тащишься в массажну,
Тамо тщишься на водяной постели,
Зане желания твои поспели.
Срак миллионов местных дщерей царя Никиты –
Оле! – не похотью, но говном набиты,
За пользование оной щелью взимают мзду велку
И при этом строят похабно целку.
Отчего живу подобно монасю,
Поэзии, деве пречистой – ей молюся,
Тщуся сотворить антологию веку,

Зане труд и пост приличествуют человеку.
Отчего пощуся духовно и всяко,
Таинство творю перстового знака,
В сторону твою, друг мой, Тит, на озерах Велких живущий,
Втуне пребывающий, но тако и сущий.
Прими же лобзания пиита-брата
В день сраколетия онаго и обратно,
Како солнце не заходит над Голубой лагуной сияя,
Тако братской любовью заканчивается эпистола сия.

Аврелия 16-аго,
году 1980-аго от Р. Х.,
в Техасе.

СТУДЕНТКА ПО ОБМЕНУ

В будуаре – две девицы
А у Венди – види, вицы

профессухе, профессице
той что с врубелем живет
полагаются две вицы
и профессорский жилет

когда-то русское искусство
ее предпочитало чувство
но появился аспирант
неся с собой деодорант
а также антиперспирант

а писала она монографию
и любила она моногамию
предлагал он ей порнографию
и смотрела она не мигая

на роскошного трансвеститика
у которого хуй и титька
а любила она аналитика

паралитика
сифилитика

потому что в среде профессорской
а равно и в среде писательской
приходилась она довеском
относясь ко всему касательно

потому завалила греческий
а французский на троечку устный
все пыталась сдать героически
полагая что потс он постный

о посте великом кручинилась
от его молок задыхаючись
почитала она кручоныха
за великую за диковинку

но и стала она профессоршей
ты не шей мне напрасно матушка
на макушке на лысой нету вшей
а во рту ни росинки маковой

потому на белье постельное
покатилась роса небесная
в ресторане она ела тельное
как для тела ее полезное

и раздалося тело вчетверо
и седалище и влагалище
и влюбилась она в чейрмэна
за албанца его полагающа

ибо мира крепила узы
с метрополией и исраэлем
без стыда принимала уды
искривленные и исправленные
удлиненные и овальные
треугольные цилиндрические

эти игры ее анальные
эти пляски ее вакхические

и салазки новозеландские
загибал ей потс необрезанный
и по новой ее желания
исполнялись в среде профессорской

2.

написав диплом
получив дегри
и уста дуплом
раздирать до крика

подкатившись шариком
подкатившись бобиком
догги-стайл жарил он
заманивши в кьюбикл

а улыбка рдела
на щеках розанны
дева знала дело
двигала руками

опершись о полки
пах ее распахнут
на полу опилки
смочены и пахнут

а на двери брежнев
в орденах и фраке
глядел неодобрительно
на голые их сраки

3.

принимала она антипозы
вертикально струилось вымя

и ласкали ее антиподы
параподиями своими

между двух мохнатых зажата
в тихом омуте ее логова
чемодана лоханки ушата
отдавала она богово

но не кесарю или косарю
не поэту и не художнику
а клиенту полковника носарева
диссиденту а не сапожнику

он ей пел о правах человека
заправляя поганый в анус
и покорно моргала веком
словно телка быку отдаваясь

но и бык пахал
абы по хую
а она: нахал
только охала

ох да ох
да и потс неплох
необрубленный
как у врубеля

4.

уехавши у южному полюсу
упорно глядела на север
страдая по этому пенису
какой он большой и красивый

и в новой и старой зеландии
подобно цветам тамаринда
ее расцветают желания
по потсам страны тамерлана

и тянутся ниточкой гуси
крича ее лживое имя
и жирная потная гузка
и щуплое девичье вымя

она же как в прошлом студентка
и блеют молочные овцы
она же сжимает стыдливо
похожий на оное овощ

вотще: не придут антиподы
на пастбище в край твой целинный
и робко она антипозы
приемлет и тешет былинкой

пугливую щель половую
куда не скрывается мышка

и смотрит на даль голубую
вздыхает и чешет подмышки.

27 марта 1981

К НОЖНАМ

"Да Нуссберг засадил..."

(Г. Г.)

*"15-й век. Кинжал в ножнах.
Кинжал утерян. Ножны не от
того кинжала."*

(Эрмитаж. Тарасюк?)

О, эти ножны, эти ножки,
О эти выпушки на них!
Черкес точил булатный ножик.
И звал он бабушку: ' – Нанэж!

Пс'т'эк'ва, псых'уа, ч'эт'ч'онч'э!
Зачем твоя пх'ач'ич звучит?
Зачем твой нежный голос звонче,
Чем с гор текущие ключи?

Зачем? Зачем? – Черкес взывает.
А Терек прыгает, рыча.
Зачем Тамара раздевает,
А после кличет палача?

Так думал Пушкин, озираясь,
О камень свой кинжал точа.
Коня б да удаль азиата!
И ножны снятся по ночам.

Куда ты свой кинжал вдеваешь,
Скажи, смуглянка, дева гор.
Зачем над головой вздеваешь
Свой неотточенный топор?

О эти выпушки на ножнах,
О эти пушки по ночам!
Заложник пробовал наложниц
Сперва погладить по плечам,

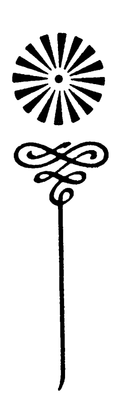
Потом по персям, лядвей трепет
Ему, насильнику, не в новь –
Когда казачка ласки терпит,
Он жадно пьет ее любовь,

Ее остылыя ланиты,
Ея подвижные персты...
И щерстью перси перевиты,
И кошельки у них пусты.

Зачем, зачем? Заложник молвил
И об колено свой кинжал —
Который все еще дрожал —
Рукою преломил безмолвно.

А этих ножен легкий пух,
Черкешенки тяжелый дух —
Он переплавил в вольность оду,
С кинжалом выйдя на свободу?!

24 янв. 1981



рина левинзон *бывшая свердловчанка*

РИНА ЛЕВИНЗОН (родилась в 1940 году). Много лет жила в Свердловске, где и начала печататься – в журнале "Урал". Печаталась также в "Юности", "Неве", в сборниках молодых поэтов. С 1976 года живет в Иерусалиме. Здесь изданы две книги ее стихов. Публиковалась в журналах "Континент", "Время и мы", "Стрелец", "Третья волна" и газетах русского Зарубежья.

ИМЕНА

Ветры дули, и зимы пугали,
Не сложился разорванный круг.
Люся-Люсенька, Галочка-Галя,
Имена моих русских подруг.

Все там было печальней и глуше,
Но твержу, как молитву и здесь:
Майя-Майечка, Валя-Валюша,
Отзовитесь, пошлите мне весть.

Лебединые ветры уплыли,
Дружбы вновь заводить недосуг.
Люба-Любушка, Лиличка-Лиля,
Имена моих русских подруг...

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ПАМЯТИ ДАВИДА ДАРА

1.

Какое сиротство! Душа,
Опомнись, придумай замену,
Зажми эту вскрытую вену,
Очнись и начни с падежа,
С молчанья, с начального хода,
С какого-то райского кода,
Что все возвратит до гроша,
До этой последней потери,
До той неизбывной беды...
И встанет со смертной постели
Мой друг. И сойдет со звезды.

2.

Как безысходна тоска по ушедшему другу,
Свечку поставлю, молитву какую прочту,
Все возвращается. Солнце восходит по кругу,
И только Вы навсегда за туманы, за грань,
за черту.
Я и не знала, что будет так больно, так сухо
В горле. Что след занесет, что окатит до слез
пустотой.
Господи Боже, еще одна свечка потухла,
Господи Боже, как горек порядок земной....

* * *

В ущерб всему я праздную любовь
Что наших чувств короче и капризней?
Любая страсть короче жизни.
Но нежность умирает, чтобы вновь,
Явиться к нам опять из ниоткуда!
И все легко, пока есть это чудо.

* * *

Любое лыко в строку,
За все держу ответ.
От слез не будет проку,
Да вот и слез уж нет.

Но вдруг, но в одночасье,
Откуда ни возьмись,
Как ливень, хлынет счастье
И оправдает жизнь!

* * *

Как протяжно и светло
Поет над нами птица,
Когда прекрасно только то,
Что сроду не случится.

Мне эта доля хороша,
Когда на чудном взлете
Моя мятежная душа
Вдруг подчинится плоти.

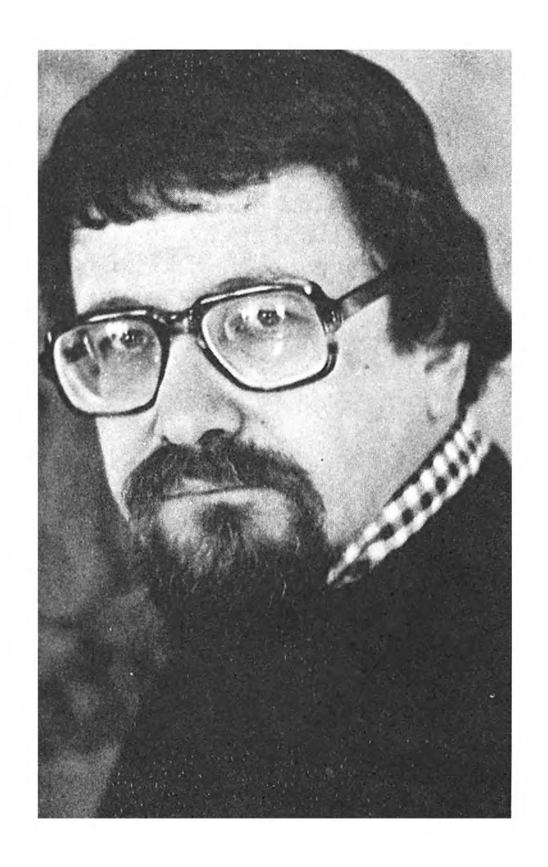
УЕХАВ ИЗ РИМА

Еще я долго буду там,
Останусь там, когда уеду,
Вернусь по брошенному следу,
По улицам и по следам

Что будет там меня держать,
Какая ворожба живая,
И Рим меня, как лист, срывая,
Мной будет землю ублажать.

Я буду там – живая плоть,
Иль только дух, иль тень – не знаю,
Я здесь живу, и там плутаю,
Так быть – не приведи Господь.

лев лосев *бывший ленинградец*



ЛЕВ ЛОСЕВ (родился в 1937 году). С 1976 года живет в США. Его стихи печатались на страницах журналов "Континент", "Эхо", "Третья волна", в газетах русского Зарубежья. Автор книги "Чудесный десант" (1985).

* * *

Под стрехою на самом верху
непонятно написано ХУ.
Тот, кто этот девиз написал,
тот дерзнул угрожать небесам.
Сокрушил, словно крепость врагов,
ветхий храм наших дряхлых богов.
У небес для забытых людей
он исхитил, второй Прометей,
не огонь, голубой огонек —
телевизоры в избах зажег.
Он презрел и опасность, и боль.
Его печень клюет алкоголь,
принимающий облик орла,
но упрямо он пьет из горла,
к дому лестницу тащит опять,
чтобы надпись свою дописать.
Нашей грамоты крепкий знаток,
Он поставит лихой завиток
над союзною буквою И,
завершая усилья свои.
Не берет его русский мороз,
не берет ни склероз, ни цирроз,
ни тоска, ни инфаркт, ни инсульт,
он продолжит фаллический культ,
воплотится в татарском словце
с поросячьим хвостом на конце.

1974

МЕСТОИМЕНИЯ

Предательство, которое в крови,
Предать себя, предать свой глаз и палец,
предательство распутников и пьяниц,
но от иного, Боже, сохрани.

Вот мы лежим. Нам плохо. Мы больной.
Душа живет под форточкой отдельно.
Под нами не обычная постель, но
тюфяк-тухляк, больничный перегной.

Чем я, больной, так неприятен мне,
так это тем, что он такой неряха:
на морде пятна супа, пятна страха
и пятна черт чего на простыне.

Еще толчками что-то в нас течет,
когда лежим с озябшими ногами,
и все, что мы за жизнь свою налгали,
теперь нам предъявляет длинный счет.

Но странно и свободно ты живешь
под форточкой, где ветка, снег и птица,
следя, как умирает эта ложь,
как больно ей и как она боится.

1976

* * *

"Понимаю – ярмо, голодуха,
тыщу лет демократии нет,
но худого российского духа
не терплю", – говорил мне поэт.
"Эти дождички, эти березы,
эти охи по части могил", –

и поэт с выраженьем угрозы
свои тонкие губы кривил.
И еще он сказал, распаляясь:
"Не люблю этих пьяных ночей,
покаянную искренность пьяниц,
достоевский надрыв стукачей,
эту водочку, эти грибочки,
этих девочек, эти грешки
и под утро заместо примочки
водянистые Блока стишки;
наших бардов картонные копья
и актерскую их хрипоту,
наших ямбов пустых плоскостопье
и хореев худых хромоту;
оскорбительны наши святыни,
все рассчитаны на дурака,
и живительной чистой латыни
мимо нас протекала река.
Вот уж правда – страна негодяев:
и клозета приличного нет", –
сумасшедший, почти как Чаадаев,
так внезапно закончил поэт.
Но гибчайшею русскою речью
что-то главное он огибал
и глядел словно прямо в заречье,
где архангел с трубой погибал.

1977

* * *

"Все пряжи рассучились,
опять кудель в руке,
и люди разучились
играть на тростнике.

Мы в наши полимеры
вплетаем клок шерсти,

но эти полумеры
не могут нас спасти...”

Так я, сосуд скудельный,
неправильный овал,
на станции Удельной
сидел и тосковал.

Мне было спрятать негде
души моей дела,
и радуга из нефти
передо мной цвела.

И столько понапортив
и понаделав дел,
я за забор напротив
бессмысленно глядел.

Дышала психбольница,
светились корпуса,
а там мелькали лица,
гуляли голоса,

там пели, что придется,
переходя на крик,
и финского болотца
им отвечал тростник.

1978

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ

Ах, в старом фильме (в старой фильме)
в окопе бреется солдат,
вокруг другие простофили
свое беззвучное галдят,
ногами шустро ковыляют,
руками быстро ковыряют
и храбро в объектив глядят.

Там, на неведомых дорожках
следы гаубичных батарей,
мечтающий о курьих ножках
на дрожках беженец еврей,
там день идет таким манером
под флагом черно-бело-серым,
что с каждой серией – серей.

Там русский царь в вагоне чахнет,
играет в секу и в буру.
Там лишь порой беззвучно ахнет
шестидюймовка на юру.
Там за Ольштынской котловиной
Самсонов с деловитой миной
расстегивает кобуру.

В том мире сереньком и тихом
лежит Иван – шинель, ружье.
За ним Франсуа, страдая тиком,
в беззвучном катится пежо.
....
Еще раздастся рев ужасный,
еще мы кровь увидим красной,
еще насмотримся ужо.

1979

* * *

Он говорил: "А это базилик".
И с грядки на английскую тарелку –
румяную редиску, лука стрелку,
и пес вихлялся, вывалив язык.
Он по-простому звал меня – Алеха.
"Давай еще, по-русски, под пейзаж".

Нам стало хорошо. Нам стало плохо.
Залив был Финский. Это значит наш.

О, родина с великой буквы Р,
Вернее, С, вернее Ъ несносный,
бессменный воздух наш орденоносный
и почва – инвалид и кавалер.
Простые имена – Упырь, Редедя,
союз Чека, быка и мужика,
лес имени товарища Медведя,
луг имени товарища Жука.

В Сибири ястреб уронил слезу.
В Москве взошла на кафедру былинка.
Ругнулись сверху. Пукнули внизу.
Задребезжал фарфор и вышел Глинка.
Конь-Пушкин, закусивший удила,
сей китоврас, восславивший свободу.
Давали воблу – тысяча народу.
Давали "Сильву". Дуська не дала.

И родина пошла в тартарары.
Теперь там холод, грязь и комары.
Пес умер, да и друг уже не тот.
В дом кто-то новый въехал торопливо.
И ничего, конечно, не растет
на грядке возле бывшего залива.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНС

Юзу Алешковскому

Не слышно шума городского,
Над невской башней тишина... и т. д.

Над невской башней тишина.
Она опять позолотела.

Вот едет женщина одна.
Она опять подзалетела.

Все отражает лунный лик,
воспетый сонмищем поэтов, –
не только часового штык,
но много колющих предметов.

Блеснет Адмиралтейства шприц,
и местная анестезия
вмиг проморозит до границ
то место, где была Россия.

Окоченение к лицу
не только в чреве недоноску
но и его недоотцу,
с утра упившемуся в доску.

Подходит недорождество,
мертво от недостатка елок.
В стране пустых небес и полок
уж не родится ничего.

Мелькает мертвый Летний сад.
Вот едет женщина назад.
Ее искусаны уста.
И башня невская пуста.

ПО ЛЕНИНУ

Шаг вперед. Два назад. Шаг вперед.
Пел цыган. Абрамович пиликал.
И, тоскуя под них, горемыкал,
заливал ретивое народ
(переживший монгольское иго,
пятилетки, падение ера,
сербской грамоты чуждый навал;
где-то польская зрела интрига,
и под звуки па-де-патинера

Меттерних против нас танцевал;
под асфальтом все те же ухабы;
Пушкин даром пропал, из-за бабы;
Достоевский бормочет: бобок;
Сталин был нехороший, он в ссылке
не делил с корешами посылки
и один персонально убег).
Что пропало, того не вернуть.
Сашка, пой! Надрывайся, Абрашка!
У кого тут осталась рубашка –
не пропить, так хоть ворот рвануть.

ПБГ*

Далеко, в Стране Негодяев

и неясных, но страстных жестов,
жили-были Булгаков, Бердяев,
Розанов, Гершензон и Шестов.
        Бородою в античных сплетнях,
        верещал о вещах последних

Вячеслав. Голосок доносился
до мохнатых ушей Гершензона:
"Маловато дионисийства,
буйства, эроса, пляски. озона..
        Пыль Палермо в нашем закате".
        (Пьяный Блок отдыхал на Кате,

и, достав медальон украдкой,
воздыхал Кузмин, привереда,
над беспомощной русой прядкой
с мускулистой груди правоведа,
        а Бурлюк гулял по столице.
        как утюг, и с брюквой в петлице.)

---

* Петербург, т. е. зашифрованный герой "Поэмы без героя" Ахматовой.

* * *

Да, в закате над градом Петровым
рыжеватая примесь Мессины,
и под этим багровым покровом
собираются красные силы,
И во всем недостача, нехватка:
с мостовых исчезает брусчатка,
чаю спросишь в трактире — несладко,
в "Речи" что ни строка — опечатка,
и вина не купить без осадка,
и трамвай не ходит, двадцатка,

и трава выползает из трещин
силлурийского тротуара.
Но еще это сонмище женщин
и мужчин пило, флиртовало,
а за столиком, рядом с эсером
Мандельштам волхвовал над
эклером.

А эсер глядел деловито,
как босая танцорка скакала,
и витал запашок динамита
над прелестной чашкой какао.

ПУШКИНСКИЕ МЕСТА

День, вечер, одеванье, раздеванье —
все на виду.
Где назначались таиные свиданья —
в лесу? в саду?
Под кустиком в виду мышиной норки?
a la gitane?
В коляске, натянув на окна шторки?
но как же там?
Как многолюден этот край пустынный!
Укрылся — глядь,

в саду мужик гуляет с хворостиной,
на речке бабы заняты холстиной,
голубка дряхлая с утра торчит в гостиной,
не дремлет, ах!
О где найти пределы потаенны
на день? на ночь?
Где шпильки вынуть? скинуть панталоны?
где – юбку прочь?
Где не спугнет размеренного счастья
внезапный стук
и хамская ухмылка соучастья
на рожах слуг?
Деревня, говоришь, уединенье?
Нет, брат, шалишь.
Не оттого ли чудное мгновенье
мгновенье лишь?

* * *

...В "Костре" работал. В этом тусклом месте,
вдали от гонки и передовиц,
я встретил сто, а, может быть, и двести
прозрачных юношей, невзрачнейших девиц.
Простуженно протискиваясь в дверь,
они, не без нахального кокетства,
мне говорили: "Вот вам пара текстов".
Я в их глазах редактор был и зверь.
Прикрытые немыслимым рваньем,
они о тексте, как учил их Лотман,
судили, как о чем-то очень плотном,
как о бетоне с арматурой в нем.
Все это были рыбки на меху
бессмыслицы, помноженной на вялость,
но мне порою эту чепуху
и вправду напечатать удавалось.

Стоял мороз. В Таврическом саду
закат был желт и снег под ним был розов.

О чем они болтали на ходу,
подслушивал недремлющий Морозов,
тот самый Павлик, сотворивший зло.
С фанерного портрета пионера
от холода оттрескалась фанера,
но было им тепло.

И время шло.
И подходило первое число.
И секретарь выписывал червонец.
И время шло, ни с кем не церемонясь,
и всех оно по кочкам разнесло.
Те в лагерном бараке чифирят,
те в Бронксе с тараканами воюют,
те в психбольнице кычат и кукуют,
и с обшлага сгоняют чертенят.

НА РОЖДЕСТВО

Я лягу, взгляд расфокусирую,
звезду в окошке раздвою
и вдруг увижу местность сирую,
сырую родину свою.

Во власти оптика-любителя
не только что раздвой — и сдвой,
а сдвой Сатурна и Юпитера
чреват Рождественской звездой.

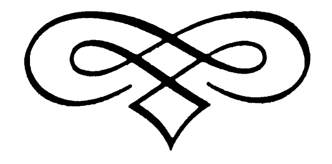
Вслед за этой, быстро вытекшей
и высохшей, еще скорей
всходи над Волховом и Вытегрой
звезда волхвов, звезда царей.

....

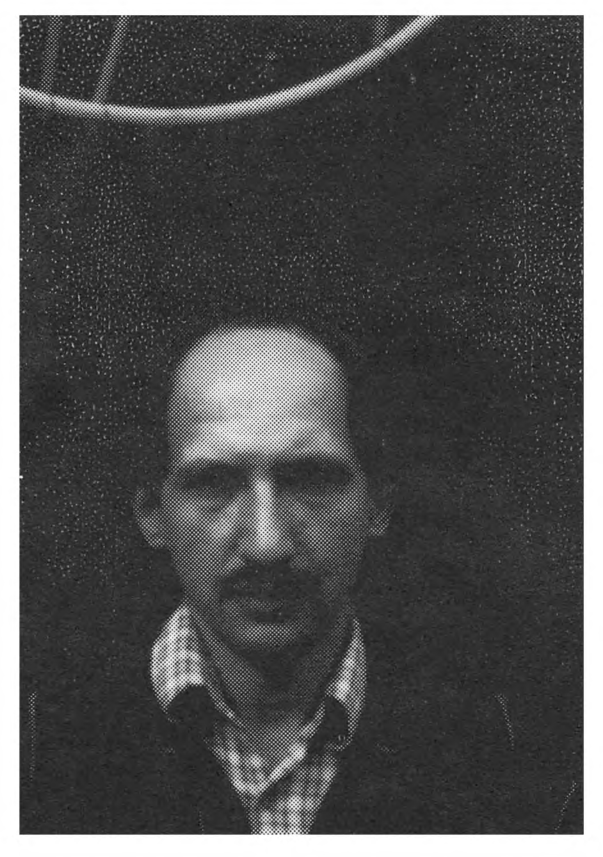
Звезда взойдет над зданьем станции,
и радио в окне сельпо

программу по заявкам с танцами
прервет растерянно и, по-
медлив малость, как замолится
о пастухах, волхвах, царях,
о коммунистах с комсомольцами,
о сброде пьяниц и нерях.

Слепцы, пророки говорливые,
отцы, привыкшие к кресту,
как эти строки торопливые,
идут по белому листу,
закатом наскоро промокнуты,
бредут далекой стороной
и открывают двери в комнаты,
давно покинутые мной.



владимир меломедов ***бывший москвич***



ВЛАДИМИР МЕЛАМЕДОВ (родился в 1954 году). В 1985 году две подборки его стихов опубликовала газета "Московский комсомолец". В том же году он эмигрировал. Живет в Нью-Йорке.

* * *

Вечер черной каплей лег на улицы.
День затих –
В мечтах
И опасениях...
По строкам асфальтовым –
прогулочным
Ветер набросал стихи осенние.
Зарево студеное –
фонарное
Грянет светом
На дорожку узкую...
Уведи меня,
Тропа случайная,
В эту ночь,
рождающую музыку!
Там в круженье
серебряновальсовом
Сыплется листва –
листвой погублена;
Мелкий дождь пробрызжет
Между пальцами,
А потом ударят капли крупные
И совсем стемнеет, и расступится

Целый мир
В простоволосых зарослях!
Уведи меня,
Тропа-распутница,
В злую ночь,

Не помнящую старости!
Там еще скамейки
не насижены;
Там еще слова
не договорены;
Там и немота родится сызнова –
И нахлынет
на четыре стороны;
Листья,
Обессилев от молчания,
Кинут ветвь
в стремлении
к шершавости...
Уведи меня,
Тропа случайная,
В ночь,
Освобожденную от жалости!
Там,
Внезапно содранною кожею,
Жертвенная,
Тайная,
Напрасная –
Прямо под ногами у прохожего
Пятерня
кленовая
распластана!
Толпы лип и кленов
не шелохнутся,
Лишь рябина
Одиноко вскрикнула,
Но не внемлют
улицы
оглохшие! –
Там сквозит презрение открытое.
Там шоссе.
С расчетами,
С подсчетами:
Обойти,
Не встретить света красного.

И – летят
Кленовые пощечины!
И – не ждать
Общественного транспорта!..
Там теперь...
аллей
вуали
пестрые
Вдоль дороги
Холмиками собраны...

Брызнуло такси.
Зеленым фосфором.
И ушло
совсем в другую
сторону...

1982

* * *

Вдоль берега, по обе стороны,
У самой линии волны
Рядами длинными, нестройными
Расположились топчаны:

С детьми, с любовниками, с женами,
С невестами и без невест;
Повсюду речь непринужденная
Дымком табачным – под навес.

Тела смуглы, движенья медленны;
Пляж дышит ровно, как живот,
А над водой, едва колеблемой –
Велосипед морской плывет:

Пять лопастей прилежно смазаны,
Педалей слажен унисон
И две судьбы каркасом связаны
Над хлопающим колесом.

На небе дремлет солнце жаркое.
А между солнцем и песком,
Как будто каблучком пришаркивая,
Бежит в и д е н ь е — босячком.

И грудки сомкнуты материей,
И бедра в черной прячут жар,
И веет древними поверьями
Ее нейлоновый загар;

И ветерок в игривой вольности
Коснулся до ее спины —
И так легко качнулись волосы,
Что накренились топчаны!

Пески горячие, неровные
Невольно волочились вслед,
Глядело солнце зачарованно,
Бросало ультрафиолет,

Волна нахлынула, зеркальная —
Неутолима и быстра —
И дрогнул черный штрих купальника!
И скрылась линия бедра!

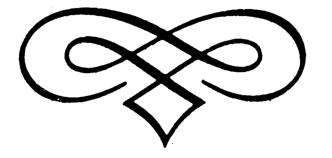
А над асфальтовой дорожкою
Горят глаза и шашлыки.
Там скряги выскребают грошики,
Уже раскрыты кошельки,

Но мясо на глазах кончается!

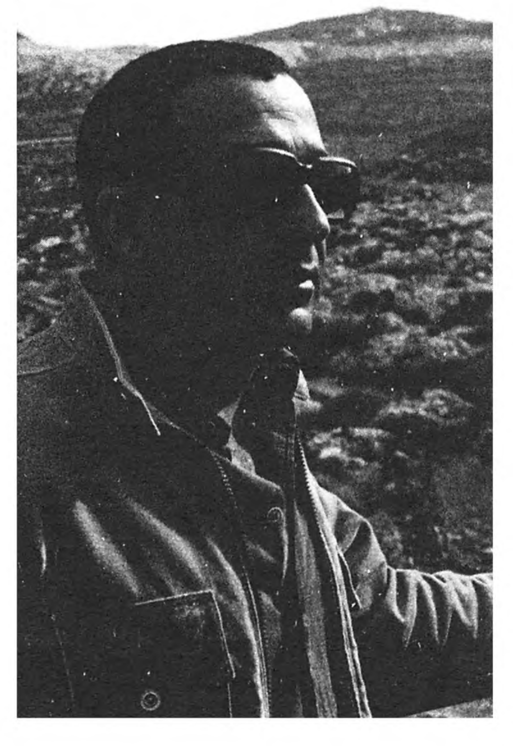
И только злость. И только пот.
У пирса катерок – качается;
У моря – штиль... А в душу прет

Обрывок объявленья пляжного,
Попавший вдруг в размер и слог:
"Велосипед доступен каждому.
И выдается под залог."

1984



юрий милославский *бывший харьковчанин*



ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ (родился в 1944 году). В СССР практически не печатался. С 1973 года живет в Иерусалиме. Публиковался на страницах журналов "Континент" и "22", в газете "Русская мысль". В Иерусалиме в 1983 году вышел сборник его стихов, а в США в издательстве "Ардис" в 1984 году вышла книга рассказов Милославского "От шума всадников и стрелков".

СТИХОТВОРЕНИЯ И СЦЕНЫ

У "ГАСТРОНОМА"

Осенний гуд гоняет нас;
ментов минуя, протащиться –
блудить с лукавой продавщицей,
по-над прилавком накренясь.

Кто пить умеет из горла,
чтобы обратно не поперло?
Кровавя белые крыла,
душа моя буровит горло,

постанывая и дрожа,
у самых губ моих пылает,
сырочек плавенный кроша,
закусывает и базлает...

1964

* * *

Желаю быть шутом и трусом,
раскачиваться и балдеть,
покуда локти не протрутся,
на жесткой тырсе шарудеть.

Дешевкою, комедиантом, –
и за трусливые труды,
в актерской корчась на диване,
рвануть рубаху на груди.

Приклею трубки под ресницы,
на шлык дурацкий – мотылька,
И плакать буду и дразниться,
не доходя до матерка,

и петь под скрипочку больную,
умело обходя закон,
протяжную, полублатную,
стреляя сладким языком.

1964

ПАССАЖИРСКИЙ "ХАРЬКОВ – ГОМЕЛЬ"

Ах, ни слова, ни полслова, ни трудов, –
перепадное хлестание городов...

Отпускник на нижней – надломан погон.
до пяти подковами клацал вагон.

И по всем по вагонам патрули
алкашонка за ноги волокли.

1965

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ

Крести нас, Иоанн.
Крести, крести, Предтеча.
Взошла вода на плечи –
крести нас, Иоанн.

Мытарь, снимай трусы.
Вопит гусак в осоке

и хлюпают о щеки
гнилые огурцы.

Неназванный узри
на ряске пузыри.
Качанье кумачей
с башками Ильичей.

1967

БОРИСУ ЧИЧИБАБИНУ

Перетроганный всеми руками,
всяким кладенный на зубок,
зажурчал по траве боками
Вами брошенный колобок.

А над ним воспарил плечами
краснопалый упырь...
...Эта выдумка – от печали –
золотую пускает пыль.

Ваша правда – не Ваша сила.
Потому-то и слаще нет,
как над матушкой, над Россией
комаром соленым звенеть.

Вот и все. Стою, балаганю:
– Не хотели, а влипли в ад!
Между Вашими берегами
мне кружиться и выплывать.

1967

* * *

Не жалею Начальника Штаба,
Маршал Блюхер, – ахти! – наплевать.
Я жалею, сержант, Мандельштама,
Мандельштама зачем убивать?

Мандельштама оставим, ей-Богу.
Для чего он тебе, Мандельштам?
Я бы вашего мрака не трогал,
я бы ваших бумаг не читал.

Генерала давайте угробим –
Мандельштам – да пребудет живым...
Мертвяка обложили укропом:
экий сытный да жертвенный дым!

Орденок на оранжевой ленте,
золотое тряпье на трубе.
Пожалейте меня, пожалейте –
Мандельштама оставьте себе.

1967

* * *

Сгину, сдохну, околею,
мутным крылышком звеня.

Облепили Бакалею
ледяные зеленя.

Неохота потакать
токарю и пекарю.
Неохота подыхать –
потому и бегаю.

1968

НА СМЕРТЬ АНАТОЛИЯ ЯКОБСОНА

Нам бы дома, Ерема, с тобою сидеть
и точить по ночам веретена,
и дожить бы смешно, и грешно– помереть
на оставленной, травленной, необретенной

Где на цепке собачьей кимарит фонарь
сарацинскою ярью-медянкой початый.
там паси меня, Пастырь и посохом жарь –
се, узришь, как полезу к Тебе за пощадой:

на своих четырех – да с остатней гульбы,
под фонарь сарацинский. Мерцают узоры по меди.
Дабы жилу нашли неученые губы судьбы,
ты багровой обручкою горло пометил.

Ты неси меня, Пастырь, больнее мостырь –
облепили печенки Твой дрын двоерогий –
дабы злобные глазыньки я опустил
на могильный настил у напрасной дороги.

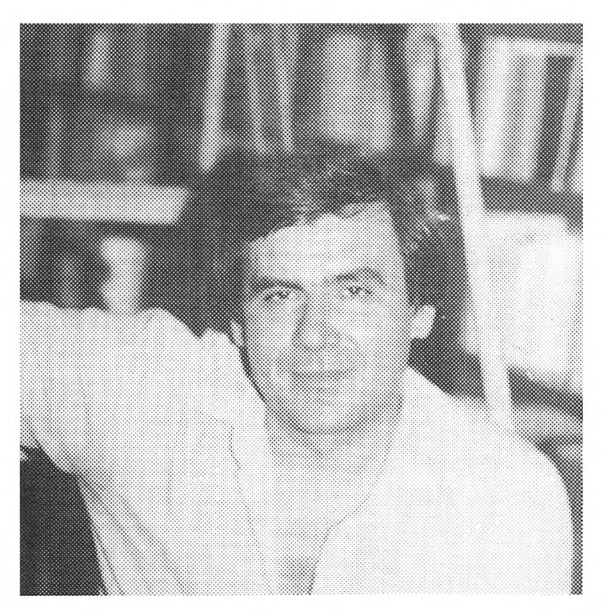
Я за брата готов на любовь и на стыд,
на чужую жену и дурную траву из Ливана.

....

Пред незапертой дверью валяюсь и плачу навзрыд
по оставленной, травленной, обетованной.

1979

сергей петрунис *бывший москвич*



СЕРГЕЙ ПЕТРУНИС (родился в 1944 году). В СССР не печатался. С 1978 года живет в США. В издательстве "Руссика" в 1982 году вышла книга его стихов "Иероглифы". Публиковался на страницах журналов "Континент", "Эхо", "Третья волна", "Стрелец", в литературном сборнике "Руссика-81", в газетах русского Зарубежья.

* * *

Марии Слоним

Я приглашаю: приходи
На чайную беседу,
Пусть в комнате свеча горит
И каждому – по пледу.

В тепле коснемся тем простых
И тихо помолчим.
Смотри: из чашек голубых
Идет прозрачный дым.

Не так ли и моя душа
Вернется в небеса,
И вскоре в образе дождя
Прольется на тебя,

Не так ли создан этот мир –
Размен, замен, измен, –
И торжествующий сатир
Поднимется с колен,

И вот уже – копыто в грудь,
А если мал – в лицо,
Но слава Богу, ангел мой
Восходит на крыльцо.

1971

* * *

На грани запаха
Твое прикосновенье,
В полете бабочки
Избыток вдохновенья,
Дорога через лес
Как будто беспредельна,
Природа, как душа,
И вместе, и отдельно.

1975

БОЛЕЗНЬ

сердцебиенье невесомо,
взгляд прикован к струенью песка,
боль хлопочет с ловкостью гнома –
душу выносит подальше от дома;
стоит на столе бутылочка рома,
лежит на тарелке рыба-треска;
озабоченный входит доктор
с букетом вульгарной латыни,
сует цветочки в бутылочку,
складывая пальцы в дырочку;
глаза его сказочно сини,
словно пасхальные яйца в корзине;
сестра равнодушно вонзает шприц,
кубики окрашивая кровью,
в турнирах со смертью
все партии – блиц,
тело когда расстается с болью;
сон переходит из черно-белого
в цветной,
пестрые занавески раздвигает
волосатая рука Одиссея,
в палату примчался

вспотевший нежностью конь
(по-моему, гнедой)
названный в честь Василия или Евсея;
ласковую морду на плечо положив,
зашептал он на гумилевский мотив
про огненных бабочек в снегах Килиманджаро,
конквистадора в серебряных латах,
зажавшего под мышкой чашу Сократа,
перескочив с экзотики
на предметы быта,
лошадь сказала,
что болезнью вся жизнь шита-крыта,
что после дождя прут грибы, особенно,
маслята,
что девочки созревают раньше, позднее —
ребята...
на сегодня, пожалуй, хватит...
конь воспарился, оставив меня в кровати;
врач удивленно констатировал
летальный исход,
как будто там, где кончается запад —
не начинается восток.

1976

* * *

Александру Сумеркину

в моей теплой пустынной комнате
живет кактус, на зверька похожий;
розовеет к вечеру,
пасмурным утром — бледнеет...
он о двух крохотных головах,
но таких молчаливых

1979

* * *

Е. Т.

хочу проснуться твоей комнатой,
чтоб ты внутри меня бродила
и вечерами распевала песни –
тогда, быть может,
вновь воскресну?

и, становясь твоей постелью,
книжной полкой,
столом для взлета твоих рук
и, наконец, глубоким креслом –
тогда, быть может,
вновь воскресну?

и, становясь твоей прогулкой,
сердцебиеньем,
платьем легким,
глотком воды и хлебом пресным –
тогда, быть может,
вновь воскресну?

но, бросив беглый взгляд на стены,
ты комнату привычно запираешь...
и ключ под ковриком у двери
возьмут чужие руки

1979

* * *

Памяти Александра Галича

Голубее смерти – нет голубизны,
Голуби летают – в свете кривизны.
Задираешь голову – забирает дух:
По-над облаком – голубой пастух.

Он записку дает сизарю,
Направление там есть, адресат,
А потом меняет ночь на зарю
Или муссон вдруг ковырнет в пассат.

И летит записка при голубе
На Неглинку, Ордынку, Арбат
И находят сестер наших в проруби,
А под потолками висит наш собрат.

Боги, заклинаю! Уберите пастуха:
От него великий выйдет вред,
Но боги дают такого петуха:
– Ложись, мол, Вася, уляжется твой бред.

Но не брежу я и не грежу,
Пастуха найду, все же врежу,
А кто выживет – тот и прав,
Вот каков у эпохи нрав!

1982

* * *

Поэт любвеобилен и пристрастен,
А без страсти поэт – вроде мыло,
Он невооруженными зенками виден,
Отчего многим людям обиден,
Оттого достают на поэта бритву, ружье да шило
Чтоб сердце б... "избранника" не шалило.

Поэт безнадежно жалок:
Его, видите ли, заводит речь,
Бормочет что-то про тухлых русалок,
Огонь ланит, да мерцание свеч.
Все норовит написать без помарок,
Когда надо бы хлеб печь.
Поэт бесстыдно наивен –

Жжет себе глаголом сердца дворне,
Человек, мол, если не выругаться, –
Звучит гордо.
Но смысл истории гасят на живодерне
(Морды, доложу вам, ка-кие морды!)
А пожары сердца остужают за дверью морга.

Поэты нужны, как зоопарки:
По вольерам – скачут поэты,
По аллеям – глазеет народ:
Слесаря, слобожане, товарки
Да начальники местных красот.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

БЕЛОЕ

Белый ветер ликует в парусах
Белой гвардии спасение дано
Белый голубь шепчет: "Отче наш"
Белым звездам прибавляя молоко.

Белый мастер ждет на небесах
Белой книги торжество
(на Земле он был седым,
с белым снегом – не сравним)

Белый вернулся домой –
На Новодевичьем тихо лежит.

1984

2.

ЧЕРНОЕ

Черный парус поднимали моряки
Черной мачте в масть.
Черным компасом владея хорошо
Черным морем утоляли страсть.

Черный человек Есенина пугал
Черным вороном оборотясь.

Черный* из Парижа сбегал на "Пожар!"
В Провансе на кладбище Лаванду застрял.

1984

3.

КРАСНОЕ

Красное по скатерти вино,
Красные на небе облака,
Красное бывает домино,
Красных шум-шумок телец
(если ты – не голубая кровь)

Красная бесовщина когда-то
Красной кровью вымыла Россию –
Красный кол до основанья вбит,

---

* В 1932 году Саша Черный переселился из Парижа на юг Франции. 5 августа, возвращаясь из гостей домой, он услышал крик "Пожар!" и бросился на помощь. Придя домой, поэт почувствовал себя плохо и от сильнейшего сердечного приступа в ту же ночь скончался.

Красный новый мир давно построен:
(каждый пятый – расстрелян,
каждый четвертый – сидит)

Красный смех Андреева пророчен,
Красной стала в лагерях параша,
Красная слюна у заключенных,
Красная слеза у привлеченных,
Красный век словами позолочен,
Красными досками заколочен...

Ты, Владимир Красно Солнышко, прости, –
Неизбывны Красные грехи.

1984

яков рабинер ***бывший киевлянин***

ЯКОВ РАБИНЕР (родился в 1943 году). В СССР почти не печатался. С 1979 года живет в Нью-Йорке. Публиковался в журналах "Время и мы" и "Стрелец".

ВСТУПЛЕНИЕ

Взор диких зорь. Набеги татарвы.
И ковыля прощальные поклоны.
И неизменный тот узор оконный
Венком вкруг чьей-то русой головы.

Все это Русь.
А может быть, не Русь.

Тяжелых баб увесистая ругань
И похоть – стон от чьих-то голых ног;
А надо всем, как власяница, грубый
Одним ударом выдолбленный Бог.

Все это Русь.
А может быть, не Русь.

И голубые реки, как напряженье чьих-то жил
И из варягов в греки
Лодчонок острые ножи.

Крик черный. Крик черный
Все выше и выше.
Плывут челны. Плывут челны.
А крик никто не слышит.

НАШЕСТВИЕ

Дни пиров и дни довольства.
Но качнулись ковыли...
Снова, снова – вражье войско
По степи ночной пылит.

Рыщут, ищут
Бранной встречи, злых набегов,
Смертной сечи.
По оврагам да яругам –
Смех чужой. Чужая ругань.

Натянулась тетива.
Люди – что тетерева.

Прозолоченные чащи.
Лес как будто кровоточит.
Трупы чаще, чаще, чаще,
Остекливщиеся очи.

Чо – спешить? Война – не сбитень.
С сундуков замки не сбиты.
Рожи сытые испиты.
Ванька с Марфою избиты.
(Грех не смертный – смерды.)

Колокольный звон над Русью
Панихидный.
Над Москвой первопрестольной
Лик
Ехидны.

НА СТАРОРУССКОМ КЛАДБИЩЕ

Некому крикнуть: "Господи!"
Некому взвыть: "Спаси!"
И над погостом, где кости
Реет блаженная синь.

Как руки Христа разбросаны
С запекшейся ржавью кресты
И тихо жужжащими осами
Срезаются наземь цветы.

А там, на обрыве высоком,
Лицом в эту древнюю ширь
Стоит как монах одинокий
Монастырь.

* * *

Старинным "азом", "букой", "веди"
Пришла рассыпалась зима.
Сугробов белые медведи
С порога ломятся в дома.

Закрыло снегом окаянным
Весь почитай крещенский мир:
Московский кремль, мост на Каяле,
Дорожный клязьменский трактир.

Вот говорят лишь басурмане
(отбились нехристи от рук)
Живут в неведенье, обмане,
Насчет зимы и снежных вьюг.

А зесь – все вьется с поднебесья.
Совсем с башкой занесены
Вот-вот и все града и веси
В снегах почиют до весны.

Но пусть зима и хватит лишку –
Апрель с кудлатой головой
Промоет Русь как золотишко
Веселой талою водой.

И Русь воспрянет из-под снега,
Заблещет ворогам на страх –
От финна и до печенега
Вся – в россиянных куполах.

ДАВНИЕ ВРЕМЕНА

Мороз на Руси чуть нежнее Малюты.
Клещами, антихрист, рвет уши и нос.
Ить напасть какая. Не ворог ли лютый
Москву в тайном умысле снегом занес?

Да только злодейство и стужа
хоть розно –
Все общая пытка для многих мужей.
Болтают: Малюте мирволит сам Грозный,
К боярской казне подбираясь уже.

Болтают о многом. Что будто над Спасской,
(Скуратов с царем пировали не раз)
Мол гром громыхнул
да по окнам как хряснул
И выветрил начисто Тайный приказ.

Теперь заседают и денно и нощно,
Гонцов по Руси разослали везде –
Без пыток, без казни, без крови
как можно
Держать неразумное стадо в узде?!

ЕРМАК

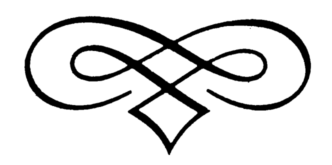
Еще я силы наберусь:
От губ, от рук, от жаркой крови.
Верстами, как крестами, Русь
Благословляет путь сыновний.

Благослови мой тяжкий путь!
Дай вывернуться. Будь порукой.

Над прорубью, у вражьих пут –
К руке протягивая руку.

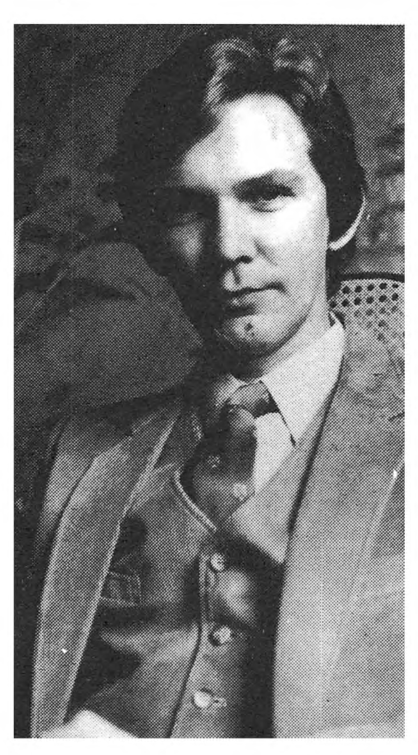
Все морок черный да туман.
В пол-силы сила, свет в пол-света
И в чем загадка? Где обман?
Кто пересилит? –
Нет ответа.

И я
Ответить не берусь.
Кружится ворон над становьем.
Верстами, как крестами, Русь
Благословляет путь сыновний.



александр радашкевич

бывший ленинградец



АЛЕКСАНДР РАДАШКЕВИЧ (родился в 1950 году). В СССР не печатался. В 1978 году эмигрировал. Жил в США. Ныне живет в Париже. Публиковался в журналах "Континент" и "Стрелец", в литературном сборнике "Руссика-81", в периодике русского Зарубежья.

* * *

Пусть бегущие добегут
и летящие не сорвутся,
путешествующие плававших
разыщут
и живые живое допьют.

Ну а мертвые пусть не пеняют
на недужное наше
житье
и с лопастых цветов
пусть снимают губами росу
у прозрачного дома,
где они непробудно
живут.

Из цикла "Круг разлучения"

1.

Как странно, теплый дан декабрь
тому, кто одинок. Как дерзко солнце
сегодня хлещет в лоб его — того,
кто одинок. Как взросло губы отдают
тому — не те. Как зло вино и полы звуки
бессонных лабиринтов, где зеркала
тому — из тупиков. И как равно
из дня порожнего вываливаться в день —
из гроба в гроб — тому, кто, знай,

ступает ломким льдом,
когда ладони выпрастает в заметь —
два лотоса — тому, кто одинок.

1977

2. Вещи

Разбирать наши вещи, словно шарить
в осколках, кровью срезы пятная; словно
нежить ребенка, лицом прижимаясь. Разбирать
наши вещи, как кататься по полю, цветы
подминая, как снимать страшный бинт
с незатянутой раны. Это — полки романов,
обломившийся мостик в доживающем парке,
это — в палые листья врыться, теряясь.
Залетая в бестенье, колыхнуть наши звезды.
Целовать наши вещи. Затекают колени.

1978

ДРУЗЬЯМ

И даже те, на чьих устах мое
простыло имя, вы
все со мною у стекла в сей
час — прозрачным лбом. Я
с вами столько лишних
лет не падал в тишину
стремглав, а снег ночной в моем
окне так мается о нас, как
будто вы еще верны
несказанным словам, как
будто даром я возмог
чему-то изменить, как
будто скудная зима простит
нам враз судьбу —

сумятицу – за схлесты глаз
в полночный снегопад.

1981

КОРДОВА
(Из "Испанских стихотворений")

В блаженных патио вода
одна не спала, когда сиеста
злая уложила коров суровых и
наивных по шеи в бархат
Гвадалквивира. Да
в пазухе пустого храма,
под призмою багряной робы
(юницами эпических родов, как встарь,
ревнительно расшитой),
корчилась
Наша Сеньора Сорбящая,
лия барочные кристаллы мимо
рта, как у розовой рыбы,
заснувшей
в редкой сети кордовских кружев.

1981

БУКОЛИКА

Крыша пыжится соломой. Что ни
говори, мы с тобой, старуха,
жили: ты ж латала мне портки,
я же резал курам горло. Мед,
горилка на столе, на краюшке –
шкварки. В три погибели согнуло
немочью к земле. Ныне ты
меня повыше, да сушей плетня.
Оба лыбимся беззубо – так оно
добрей. Вседержитель, не мигая,
смотрит со стены. В хлеве добрая

буренка, в сенях гуси. Сыновья,
глянь, какую гору накололи
дров. "Слезь с доски — порежешь
яйца!" — каркнешь внуку ты.
Он послушает не тотчас. Экий
шелапут. Коль
допрежь меня в домину
тесную ты ляжешь — низко
поклонюсь. Ты моя старуха. Что я
без тебя?.. Мне ли первому — не
плачься. Что не так — прости. Не
таскайся до погоста. Ешь по мне
кутью. А старшому такожде
накажи, чтоб нас, знаешь, там
над озером, пусть бы нас рядком.
Мы соседям сниться станем
к непогоде, хвори, так ли — нам
тогда видней... Нам тогда не все
одно ли, даже если, как сегодня,
льет и льет ливмя?

1983

ПРОШЛЫЙ АВГУСТ

От Севенн до эстуария
все ли там несет Луара
мимо замков дальнозорких, где умильно
заедает горклым сыром оглушительные
вина втуне галльского душа, — все ли
там блюдет Луара, под лепными облаками,
диковатую волну
между кряжистых устоев то ли радуг,
то ли к раю переброшенных мостов?
Все ли
так ревет ночами, помыкая сном платанов,
отдавая рыбным духом — студенистым,
как ундинины уста, —

мимо спеси голубятен (не забывших ни
разгульного Агриппу, ни пристрастного
де Гиза) и сомнительного праха
непоседы Леонардо –
все ли катится Луара там под сферой
домотканой, кем-то впрок пересиненной?

1983

КОРАМОРА

Корамора – большой, длинный, вялый комар; иногда залетает в комнату и торчит где-нибудь одиночкой на стене. К нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, в ответ на что он только топырится или корячится, как говорит народ.

Н. Гоголь

Сонно отбиваясь до
седьмого пота,
оттого корячится, что
кольнуть не может,
потому топырится, что –
нетопыренок.
Все не только больно и
не так уж гадко,
все не столько тошно,
сколько слишком страшно –
все непоправимо до
седьмого неба:
сколько ни корячься –
цепко держат ногу.

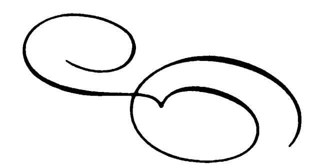
1983

ИДИЛЛИЯ

Когда бы взлетели на воздух три неподобных дома,
заставивших с Невы невиданное П Адмиралтейства,
когда бы вырубили напрочь косматый вздорный сад,
пожравший площадь у надвратной башни и
развернулось вновь, как некогда, полетное пространство для
огляда – от лестницы Манежа и до конца Дворцовой, –
клянусь, что у меня осталось бы одно бессонное желанье:
возвить барочную свечу задуманной Растрелли колокольни.

Но если бы легкоголосой ранью вдруг восстала
громадная волна Катальной горки и я слетел смеясь
на роликовом кресле – от купола, по-над горами елей,
но дальней той просвеченной березы – то я бы лег на
одуванчики и разучился сразу жить, не двинулся вовек,
не щурился на солнце и ночью никого не узнавал –
пусть даже в павловском шале, среди вселенной светлячковой,
затеют поиграть из Куперена, прихлебывая нежно молоко.

1983



дмитрий савицкий *бывший москвич*

ДМИТРИЙ САВИЦКИЙ (родился в 1944 году). В СССР практически не печатался. С 1978 года живет в Париже. Публиковал стихи в журналах "Континент", "Эхо", "Глагол", "Стрелец". Четыре книги его прозы опубликованы по-французски. Одна из них – роман "Ниоткуда с любовью" – вышла на английском и итальянском языках.

1.

Застенчивый нахал на глотку взявший мир
кумир ленивой крови генеральских
распухших дочек. вкрадчивый вампир
внимания извне. и маломальских
простудных сквознячков ума –
усвоив опыт гальский
Бретона – все же дважды два
затверженное в Питере однажды
спасает ли на 23-й стрит от жажды?

вода открытая для пения на кухне
течет пока мы в зеркале стареем
пока мы пьем и с перепою пухнем
и у сосцов волчицы млеем
вода поет свиваясь серебром
пока мы жирным дымом тлеем
пока мы переводим шепот в гром

но ты-то! ты! жить отказавшись в паутине
российских дрязг – в какой ты вязнешь тине
кому грозишь обломанным веслом?

Коктебель 1975

2.

по осени вода черна и знаешь сам
кусты скамейки весь садовый хлам
так сиротливы так заброшены судьбою

что ангелы промокшие толпою
летают между веток охраняя
расплывчатый и влажный оттиск рая

и листья мокрые с трудом спешат вослед
тебе и мне и кажется сто лет
той крепко настоявшейся печали
с которой мы когда-то начинали
учиться жизни и учиться жить
смеяться веселиться не тужить

Москва 1971

3.

ветер гонит сухую пыль
вдоль безликих белых домов
за последним растет полынь
подорожник чертополох

на веревках плещет белье
в луже плавает детский мяч
по скамейкам сидит жулье —
карты плечи да спотыкач

с окружной кричит товарняк
и идут облака стороной
ни шлагбаумов ни гуляк
вяло виснет выцветший флаг
баба дряхлой трясет головой

Москва 1969

4.

в чет и нечет сыграем судьба в чет и нечет
в темноте под деревьями пьяная девка хохочет
вот такая сивилла за медный пятак напророчит
за двугривенный жарко и стыдно залечит

напророчит пустую квартиру и день безымянный
оловянную тупость и облако в тихом окне
напророчит словами текучими словно во сне
полдень бледный и ветер обманный

что ж поди я и сам уж давно догадался
что пора перепутать квартиру столицу и век
что когда-нибудь скучный как смерть человек
тихим голосом скажет чтоб я собирался

до зевоты знакомая новость. гадай не гадай
все расписано в лицах. пророчь не пророчь — не прибавишь
в чет и нечет лукавством ребячим едва ли обманешь
и как Осип едва ли прошепчешь: п у с т и и о т д а й

Москва 1970

5.

не мы подводим времени черту
сама черта как уровень ненастья
нас гонит прочь от набережной. счастье
что сонный город жив с цветком во рту

бубни урок. переводи часы
в столетье времени осталось на затяжку
чем день длинней тем небо нараспашку
простреленное пулею осы —

лень продолжать. затылок и плечо
нагреты солнцем. черный рант ботинка
от городского рыжего суглинка
пожух. у баб там горячо

помилуй нас: растратить столько лет
чтобы на выходе так честно растеряться?
канал. колонны. сухонькая пьяцца
каракули о том что на обед

есть воля к жизни. воля к смерти есть
открытие заслуживает порки
два воробья вокруг размокшей корки
вопят и ссорятся и как ни глянь но несть

зацепки глазу. словно все ползет
от зыбкого промытого пейзажа
до слова "я". такая вышла лажа
почтарь плетется. шавка кость грызет

Венеция, 1984

6.

Париж устроен вроде западни.
Запнувшись, понимаешь слово з а п а д.
В жару не красятся девицы Сэн-Дени
Да и чиновник не способен рапорт

Закончить. За окном течет стекло
С увязшими прохожими. картина
Унылая, коль вам не натекло
На отпуск дней. Привычная рутина

Добычи денег разведеньем ног
Соседствует с таким же скучным делом
Продажи — времени. И черный сей чулок
Честнее нарукавника. Горелым

Потягивает с юга. Облака
Беспаспортные тащатся с востока,
И прячет в тень мясник окорока
Тримальхионова страшася ока.

В метро, дешевого накушавшись вина,
Боится эмигрант вместо Конкорда
Сойти на Соколе. Что б значило с ума —
Сойти. Расширившись, аорта

Пытается спасти судьбы удар.
Кошмар не очевиден очевидцам.
Подземный свет, как липовый отвар,
Течет по неприсутствующим лицам.

Виолончель и девочка при ней
Собрали в переходе горстку меди.
Струна поет все выше, все сильней
И, оглянувшись, узнаешь в соседе –

Бросающим свой франк и ее кепарь –
Известного столицам музыканта.
Он трогает край шляпы, точь, как встарь,
Прощаясь с представителем таланта.

На ум идут забытые слова:
Не родина, так просто – перелесок.
Но воздух липнет, как в жару халва,
Чадит Париж – слепой судьбы довесок.

1981

7.

память – тот же сарай и так же завалена хламом:
велосипедом садовым и тем на котором дамам
из разных эпох одинаково было жестко
между книжным развалом и ангелом желтого воска

и увы не дом на горе и не сад уцелеют в наследстве
а каминная лампа так ярко пылавшая в детстве
от которой остался лишь остов на мрачном комоде –
ссыльном сборище ящиков что оказались не в моде

пыльный луч гудит как шнур для просушки пленки
слышен плач снаружи идущей на смерть буренки
и в облезлом зеркале как на телеэкране
два фантома увязли в снежном буране

мысль щекочет мозг как язык девицы
как перо школяра или хвост куницы –
память – ссыльный мир. то что слиплось вместе
Мнемозина – дура увязшая в тесте

и двуногая тварь пожирая голодным взглядом
мир на коем ни словом и ни алмазом
не оставишь следа – обращает его в опилки
в своей тусклой но раздвижной копилке

штоф. Подсвечник что прослезился в начале века
венский стул что с тех пор калека
фортепьяно забывшее как звучит бемоль
и души расторопная серая – моль

1984

8.

Воскресное утро. В колокол бьет округа.
Крошит круасан, сидя в подушках, подруга.
Радио шпарит времен Гуталина буги.
Стекольщик кричит, предлагая свои услуги.

Солнца навалом в пустом отпускном Париже.
Всяк, кто мог, намылил подальше лыжи.
Что ни день в квартале свершается кража.
Звонить друзьям – явная в августе лажа.

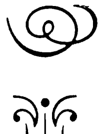
Живешь по памяти, припоминая с напрягом
Путь от Никитских с греком, а может варягом –
И до Петровских. С таким же можно успехом
Грецию вспоминать, грецким давясь орехом.

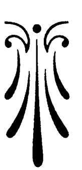
Память, что девка: может дать, но и может выдать.
Вспомнить так же легко, как впотьмах надыбать
В лаокоонах пленок единственный кадр:
Ломоть, локон и – скажем – ливанский кедр.

Топи воскресных заводей! Тонны безделья!
Нет географии для – неспешной науки похмелья.
Путаясь в трех языках, как в чужом халате,
Скобки закроешь и – сумму проставишь в мате.

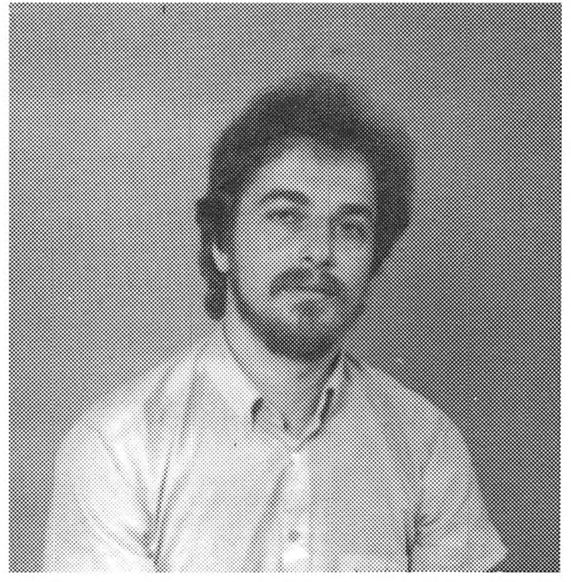
Нет! Я назад не гляжу на свет, что с Востока.
В том направленьи глазеть – засвечено око.
Кофе просит еще здешних кровей красотка
И через Стикс назад выгребает поспешно лодка.

1982





александр ступников *бывший минчанин*



АЛЕКСАНДР СТУПНИКОВ (родился в 1953 году). Минчанин. Закончил факультет журналистики Белорусского университета. В СССР печатался в республиканских газетах. Участник Третьего республиканского семинара молодых поэтов и прозаиков Белоруссии. Эмигрировал в 1985 году. Печатается в зарубежной русской периодике.

* * *

Я заблудился.
Лица... Лица...
Как зеркала,
В которых мне
Не отразиться,
Но вполне
И даже впору –
Исказиться.
Но если люди – зеркала,
Ужель во мне так много зла?..

* * *

Жить будущим – что былью поросло.
Не вместе быть,
А рядом – словно в стае.
Раскрашенными перьями блистая,
Друг с другом говорить через стекло.

И жилы от усилий надрывать
В забеге ипподромного азарта,
Когда не честь поставлена на карту,
А ставки – что другим дано сорвать.

Как часто, оглянуться недосуг,
Я шел вперед,
Описывая круг.

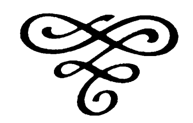
* * *

Кто может знать, что в мыслях у глупца.
И у кого мы сами на примете.
"Как все-таки прекрасно жить на свете", –
Подумал окунь,
Глядя на живца.

* * *

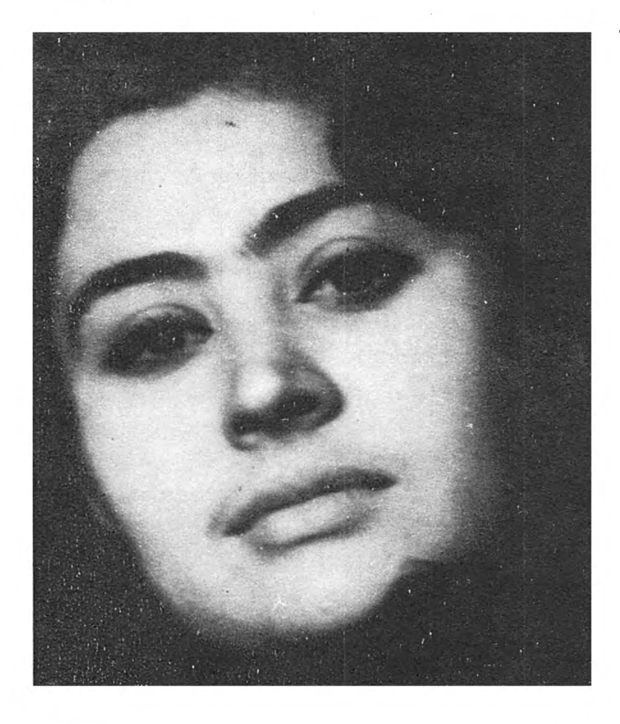
Опять мне с непогодой повезло.
Прошедшее – волною унесло.
Есть только то, что впереди
Маячит.
Поймаю ветер в парус.
Наудачу.

Удача – это тоже ремесло.
Особенно, когда в руках весло.



марина темкина

бывшая ленинградка



МАРИНА ТЕМКИНА (родилась в 1948 году). Окончила Ленинградский государственный университет. В СССР не печаталась. Эмигрировала в 1978 году. Живет в Нью-Йорке. Печатается в русских зарубежных изданиях. В 1985 году вышла книга ее стихотворений "Части часть".

СТРАСТИ ПО ЛЕНИНГРАДСКОМУ КЛИМАТУ

Дева печально стоит у воды,
Праздный хибарик держа.

По мотивам А.С. Пушкина

Выросли под дождь. Фасад замызган.
Западают клавиши карнизов.
Водосточных труб блатным куплетом
по старинке: нет-мол-счастья-нету.
Слух, латинской белены отведав,
зарится на финский слог соседов.
Дат, инициалов друг дотошный,
век долдонит, книжный червь, лотошник.
Островною речью захлебнулся,
вполз на берег: не нащупать пульса,
белокож мерзляк и узкокостен,
ну, куда тебе на север в гости?
А навстречу, растопырив руки,
весь позеленел от старой скуки,
пел собор, то сплющивал гармошку,
то вздувал меха колоннам тощим.
Солнце редко. Золотит отдельных рыжих,
чтоб источник света был поближе.
Рядом появленье Купидона,
хоть и нагишом, вполне законно.
Грудь – щупла, гортань-то худосочна,
что издаст, и сам еще не знает точно.
Тростничок – свисток, а валит сосны.
Корабельной роще ломит кости.

СТРАСТИ ПО СТОЛИЧНОЙ РЕЧИ

Свечка московская с усмешкой
чоботом по лесенке неспешно
с разворотом на площадке югенд –
– штиль, кто этой мудрости пригубил.
Стыд купеческий благополучен:
лепишь как попало жизнь, коль случай.
Кремль рекою чуть не подавился,
сызмальства ей к юбке притулился.
Снежный ком задворок подростковых,
тупиков, строений. С полуслова
ловленный заврался пустомеля,
калачами языки черствели.
Краснощекий топ, укус морозный,
нет таксомотора – все в извозе.
Враз на кузнецовском на фарфоре
проедали tempori и mori.
– Матушка. Любовь моя. Голубка.
Кто б молчал. Еще побыть бы тут-ко.
Только б не домой. Родным пенатам
дело до всего, придурковатым.
(Зимние каникулы. Кто гонит?
Девочка с проводником в вагоне.
Ожиданье в многолюдном зале.)
Так там говорили. Мы слыхали.

* * *

Жмется к выходу Осень.
Месяц, словно он болен,
вышел ночью и косит,
косит звездное поле.

Сам кривой, кособокий,
наизнанку рубашка,
бесконечные сроки
в поднебесной шарашке.

Прививает привычку
к ежедневным потерям,
месяц скосит и вычтет,
и остаток проверит.

У него не осталось
в нищем сердце желаний,
только самая малость:
передач и свиданий.

* * *

Любовь с Зимой не получилась.
Зима не появилась тут,
ее не снисходила милость,
на стороне ища подруг.
Весна в дверях, а я с весною
к любви теряю интерес;
но обнажение такое
во всем, и в том числе сердец,
ты только тронь – вспорхнул и нету
и только видели его:
кто зимовал в нем, тот на лето,
как птица – и тю-тю того...

ПОЗДНИЙ ЗВОНОК

То ли уже проснулся,
то ли еще не спишь:
сонную нитку пульса
путает сердца мышь.

Шмыг: в капкан телефонный.
– Спичку возьму, – замолк.
Чиркнул, на перепонке
оставляя ожог.

Ранка на теле ночи
от затяжки во тьме,
как зверек, кровоточит,
где отвечают мне.

ТРУДНОСТИ АПРЕЛЯ

Затяжная атака весны,
молодое упрямство, беспутство,
все силенки в кулак – дотяни,
дотерпи, чтоб в пути не загнуться.

Ткань воздушная вброд подалась:
бинт и вата – спасет, вездесуща,
и заминок предсмертная страсть
по весне растравляет все пуще.

Оживает. И краска к лицу
возвратится, исколет подранка
изнутри – по волокнам, мясцу
жизнь пробьется в досочке, в болванке.

Мимоходом, по-женски ловка,
оправляет невзрослая зелень
неразглаженной юбки бока
на уже распустившемся теле.

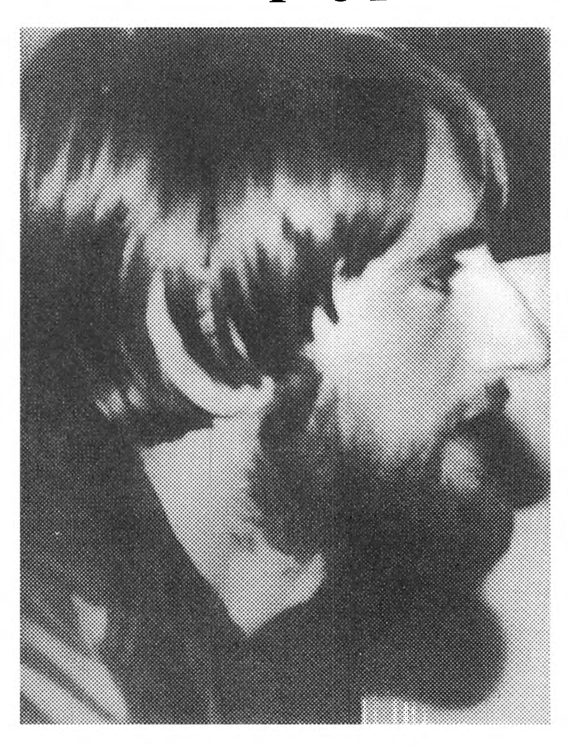
РЕЧИТАТИВОМ

День подходил к концу, и ожиданье
себя превосходило во сто крат.
Предназначенье, предзнаменованье:
других понятий. День был смертный враг.
Он потемнел, сошел с лица и стерся,
он досаждал нарочно: заменим
таким же днем; глумился над упорством,

с каким в уме соединила с ним
не то, чтобы надежду, нет, корыстна
надежда: что-то просит впереди;
не безнадежность также. Нету смысла
в противопоставленьи. (Уследи,
прошу тебя, за мыслию моею,
кто дочитал до этого куска.)
Словами не играют в эмпиреях,
куда затащит смертная тоска
по взгляду, по молчанью, по ладони
его... А пульс в запястьи?.. А скула
небритая?.. Но что за звуки в доме?..
Здесь кто-то плачет... неужели я?..

александр фрадис

бывший кишиневец



АЛЕКСАНДР ФРАДИС (родился в 1951 году). В СССР практически не публиковался. Эмигрировав семь лет назад, жил сначала в Калифорнии и Техасе, а затем обосновался в Мюнхене. Еще будучи в России, под псевдонимом Борис Календарев, печатался в журналах "Континент" и "Третья волна".

ГРИПП

Е. Хорвату

1.

есть на каждом листе календарном
дабы впредь мы не знали забот
четкий перечень в ритме ударном
красных дат и рабочих суббот

в промежутках меж грохотом стали
и воинственным лязгом газет
припадаем мы к зелью устами
по пути на парад иль в клозет

в этом веяньи явно влиянье
искривления времени
                                        но
воздаяние за возлиянья
род людской не пугает давно

по морозам и метаморфозам
утирая то водку
                                то пот
мы дотянем наш век под гипнозом
черных дат и кровавых суббот

2.

Преодолев полосу невезенья на брюхе,
в перьях и пухе, в бумажной трухе, будто в прахе,
драные джинсы сменив на парадные брюки,
вытянув руки,
бреду, натыкаясь на плахи...

Ложные страхи! Пора бы прийти в умиленье
от всенародного мления! Прочь умаленье
планов, идей и значенья великой эпохи!
Есть недостатки, конечно,
но плахи – не плохи!

Это такая попытка приятия мира –
выдавить желчь на бумагу японской пипеткой
и раствориться в колоннах, шагающих мимо
поступью гордой,
сверяя маршрут с пятилеткой, –
к новым высотам, зияющим над континентом, –
слесарь с дояркой и прапорщик с интеллигентом!

Вывернуть мир наизнанку с таким контингентом –
плевое дело.
Хана буржуазным агентам!

Кентом дымя, возведем города из брезента
в джунглях и в Арктике!.. (Голос жены: "Полотенце...")
– Брысь, отщепенцы! От вас не приемлю презента!..
(...нужно под краном смочить.
У него инфлюэнца.")

3.

Ноябрь. Эпидемия гриппа
ломотой корежит скелет.
Отправлена пышная грива
в корзину за выслугой лет.

То оттепель дразнит игриво,
то стужа заносит стилет.

Сограждане входят с опаской
в общественный транспорт, как в лес,
скрывая под марлевой маской
зрачков лихорадочный блеск.

На службе, у касс, в заведеньях,
без тени ухмылки – всерьез! –
вверяют свои сновиденья
начальству,
                    сморкаясь до слез.

Ночами читают Пикуля,
кидая бессоннице кость.
Жуют с отвращеньем пилюли
от кашля и нервных расстройств.

Потом обращаются к водке,
сочтя ее меньшим из зол,
поскольку в надсаженной глотке
мозоли натер этазол.

Проблемы все неразрешимей –
и, сунув термометр в рот,
мечтой о постельном режиме
блажит занемогший народ.

...Не пялься с надеждой на флюгер.
Чихая, на мир не ворчи.
Отсутствие снега на юге
причиной считают врачи!

Они в шутовском облаченьи
шныряют по темным углам,
сверяя влеченье к леченью
с параграфом плана,
                              а план –

загнать в карантин пилигрима,
колючкой опутать леса.
Намордник надежнее грима
сотрет выраженье с лица.

Ноябрь.
Эпидемия гриппа.
На пальцах – микробов пыльца.

4.

Заполонив садовую скамейку,
почтенный старец наставлял семейку:
– ...подъехала к ОВИРу "канарейка" –
и тут же объявили карантин...
Шуршали шины, задевая бровку.
Мишпуха снизу вверх внимала робко.
А Моисей – вчерашний полукровка –
в воображеньи чистил карабин.

Не убоясь повального крещенья,
но опасаясь кораблекрушенья,
с боями прорывает окруженье
бессмертный, но болезненный народ.
В отчаянье решаются на это
и те, на ком не стерлась Божья мета,
зане талант – не род иммунитета
от гриппа, а как раз наоборот.

Перед отлетом дергаясь в канкане,
как звери, побывавшие в капкане,
со скрипками, фигурными коньками,
с холстами и стихами в тайниках,
отвергнув социальные заказы,
бегут, спасая разум от заразы,
пииты, лицедеи, богомазы
в терновых – то есть лавровых – венках.

Нас не уберегут от эпидемий
светила медицинских академий,
а тошноту от взлетов и падений
наверняка не снимет аэрон.
Любой недуг предполагает кризис,
когда в глазах пылающие крысы,
вороньей стаей облепив карнизы,
на идише сулят Армагедон.

Глодает Чоп таможенные тромбы.
Трещат по швам контейнеры и торбы.
А сам создатель водородной бомбы –
лишь "экс-лауреат и клеветник".
Но в карантинно-вирусной державе
не продержаться на скандальной славе:
войдя в сношенья с прессой и послами,
рискуешь триппер подцепить от них.

Не роль, но Рок ведет царя Эдипа...
Ослепшие от насморка и хрипа,
мы покидаем пир по время гриппа
навстречу новым ливням и снегам.
Наш поезд проплывает вдоль платформы,
как столбик ртути, приближаясь к норме.

На санитара в офицерской форме
задумчиво взирает Вальсингам.

1980

* * *

Вдохновения нет и в помине
просто вошкается в кишке
аскарида тощая пимен
массовик в хоровом кружке

мне бы сторожем гастронома
мне б на крите пасти гусей

но взирают на гастролера
пол европы и ю-эс-эй

что ж потешу байкой про рашу
нацежу им соплей в сукно
как в бараке мол какал в парашу
в психбольнице писал в судно

с пионерских оргий в нирване
бегал в горы не стриг волос
только в городе ереване
показаться не довелось

но зато на неве и в коми
дуя в рифму как соловей
я оставил свой след
                                        а кроме –
кровный выводок сыновей

в очищенье дьявольской скверны
оглушал я сдавшихся в плен
бронебойной картечью спермы
по пельменям девственных плев

и топили меня – но куда там
я всплывал как говно со дня
потому как – меченый   атом
провозвестник судного дня

только б пальцам хватило духу
додрожать до конца строки
только б страшную эту пруху
не похерили б старики.

1985

* * *

Науму Каплану

потому что у других больше здравого смысла
(чтоб им было кисло – и тем и этим)
мы с тобой поедем крутить картину
юному кретину на телецентре
ты, мирон, девчонки и я приблудок

(из добротных будок косятся волкодавы
прочие соседи девки и дети
старики подавно – к щелям в заборе
лицами приникли)

на этом свете
жить тебе осталось не больше года
запорожец роет скиносы рылом
писаны акрилом прохожих рожи –
темные портреты юры брусовани
евреи молдаване разные туземцы
на границе мира города деревни –
рой народовластья

четыре года
мне осталось лаптем хлебать баланду
доставать по блату жратву и тряпки
на безрыбье в прятки играть с психушкой
на машинке книжки друзей печатать.
непочатый край стихопрозы, писем
совершенных писек красавиц летних
завершенных циклов, последних пьянок
с хорватом и панэ поездок в питер
обузданья прыти –

в такой окрошке
исхитрись остаться в пределах тела
(тривиальная тема – детали жутки)
в чемоданах шмутки луна в окошке

железобетонный поток сознанья —
образы как зданья микрорайонов
из пустых проемов сквозняк вселенной
в чешуе сирени в золе бумажной —
так ли это важно?

1985

МОИ ЧУЖИЕ СТИХИ

Посредственность — крапленая колода,
пейзаж без милых признаков жилья,
унылая тяжелая свобода,
овальная картинка, жизнь моя...

Все понято. Не жди моих стараний,
намеками души моей не рань;
лишь в полнолунье подхожу ко грани
и умиленно созерцаю грань:

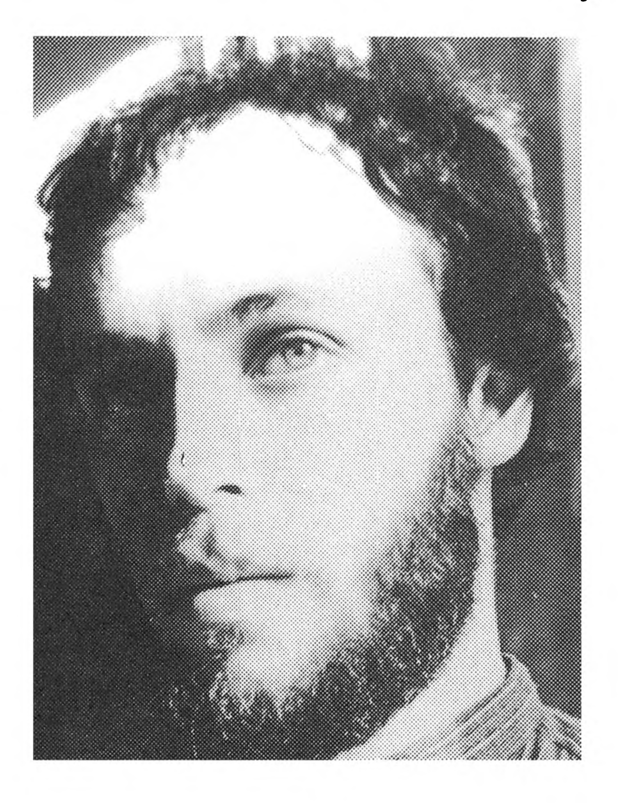
Счастливый
блеск надменного презренья,
ночной полет крылатого коня —
все празднично, все убегает тленья
и держится поодаль от меня.

А я, измерив путь и не робея,
уверенный
вполне, что обожгусь,
с упорством захмелевшего плебея
к позеленевшим клавишам тянусь.

Но если я дорвусь до них когда-то
то, скорую предчувствуя беду,
побрынькаю чуть-чуть, поставлю дату,
прощально осмотрюсь и прочь пойду.

евгений хорват

бывший кишиневец



ЕВГЕНИЙ ХОРВАТ (родился в 1961 году). В СССР не печатался. В 1981 году эмигрировал и живет в Западной Германии. Публиковался в журналах "Континент", "Стрелец" и в других периодических изданиях русского Зарубежья.

* * *

Когда на дочь Твою
глядит Твой сын ее семьей,
то воздух почвою,
то небо кажется землей.

вокруг души ее,
что здесь явилась во плоти, –
о не спеши ее
навеки вынуть из груди.

Здесь жизнь могилою
ее невольно облегла,
стоящей с силою,
покуда лежа не ушла.

Пока не падает,
поставленною на попа, –
и перед радует:
Ты впредь Себя пустил раба.

Какая хилая
ходьба и мощная стезя!
Спи с Богом, милая
(когда со мной уже нельзя).

декабрь 1984

ВТОРЫЕ ХОРЕИ

1. ПЕСНЯ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Чтоб горела голова,
есть Твои огни,
а живые существа –
только мы одни.

В птичье тайное лицо,
братие, вглядимся,
о летучем пришлеце
да не соблазнимся.

И тарелка велика –
паче глад велик.
Ум в явленье мотылька
верить не велит.

Только в то, что нет (в живых
поле зренья мнимых,
как во время яровых
не видать озимых).

То есть в то, что есть, не верь,
Ибо будет – срать.
То, что нет, собой измерь,
ставши умирать.

Да не чувствуй чувств шести,
где пяти хватает.
Пусть быстрей начнет цвести,
но скорей – растает.

Ради встречи всем прости,
кто тебя оставит.

2.

"Не пиши, еще дыша:
не поймаешь ни ерша.
Пой, что пей: вовнутрь нутро
через горло под ребро."

"От ребра же будет в пах.
То известный путь и страх.
Что же, пей, не зная, про.
Лей златое серебро."

3.

Так учил седой старик,
перешедший в некий крик, –
тщетно пробуя проснуться,
слух я требовал заткнуться.

...И поныне не нужна
молодому организму
нервность, нежная жена,
превзошедшая харизму.

4. ЧАСТНАЯ ЧАСТУШКА

Хотел вышить по ковру,
оказался – самолет!
– Ну и пусть себе живет,
ну и пусть себе живет.

да само пускай поет,
по поверхности плывет,
а ковер себе пускай
по отдельности летит.

Сам комар себя кусай.
Сам кошмар себя рифмуй.
Сам ТАШМАД себя счисляй,
Сам, Исайя, и ликуй!

Гог Магога сам бори.
Гоголь-моголь сам мешайся.
И летевший высоко
самолета сам лишайся.

5.

Дант помчался на Пегасе
подле моря под луной.
Глядь – пиита на Парнасе,
оказавшаяся мной.

Дант "Комедию" стирает,
улучить хотя момент:
сей скелет перебирает
неизвестный инструмент.

"Слишком слитно уж читаешь, –
поучать желает Дант. –
Знать, отцов не почитаешь,
не считаешь за талант."

А в ответ сия коллега:
"Не читаю, но реку.
В той реке Хореи Бега
не усопнут на боку.

В этом море нет ни члена,
разделить уже нельзя.
Мне тут павшая Селена
есть и перст и вся стезя.

Что ее родному зову
дно роднее, чем поверхность,
то музыка, знаю, слову,
чем зыбучая словесность."

октябрь-декабрь 1984

ОДИН В СНЕГУ

К.

Созданье мокрое морковное,
носитель носа своего, —
дитя невинное-греховное
тебя создаст из ничего!

Уж солнце делает полярное,
покинув лунную кровать,
усилье перпендикулярное
земное царство воевать.

Уже вот-вот звезда Полярная
нет-нет да и сойдет на нет,
но пыль ее молекулярная
самой собой устлала свет.

Сосна, руками вверх стоящая,
и рядом ель ногами вниз, —
подобье Божие двоящая,
в один образ соединись!

Дурак, от водки раздвоившийся;
но протрезвившийся — сведись,
в зерцало зря, и в нем смирившийся,
смиреньем паче не гордись!

О я бесстыдное всеядное —
и даже смертный самый яд,
желанье нелицеприятное
лежать под тем, на чем стоят.

О, сколь быстрее в вызревании
ячмень горчичного зерна, —
се из семян земного зрения
растет бельмо и белена.

И все же есть голубоватое,
что углубляется в очах,
оно же – и зимою ватою
во глушь услышавших ушах.

Смотри смотри как скрыто смотрится
в межножье темное осин –
соединяющимся, смертница,
скользящим взглядом проскользим.

Его двойной живой севрюгою,
той ставшей льдом водой,
согласно флюгеру – от Севера
и Юга льющей чередой.

Пускай меняется вращением
в доеретическом мозгу
светило с шара воплощением,
столь плоским в видимом кругу.

Все приближеннее, прибрежнее
ко всем, кто ждет на берегу,
и эгоцентру центробежнее
в своем стремительном бегу.

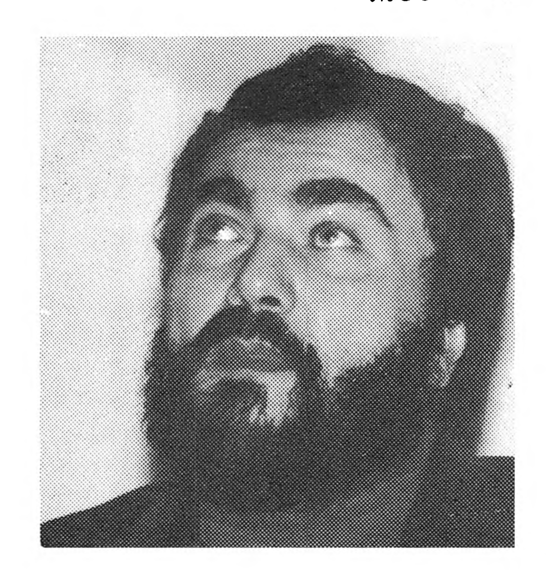
Все ближе, ближе и так далее,
ведя до самого – скорей,
чем сей лесной еще реалии, –
конца земной бумаги всей.

Где выпадает энно-оное
в составе данное воды,
и тает тайное, бездонное
во глубине огня руды.

27.11.84

алексей цветков

бывший москвич



АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ (родился в 1947 году). В СССР практически не публиковался. С 1975 года живет в США, где в издательстве "Ардис" у него вышли книги "Состояние сна", "Сборник пьес для жизни соло", "Эдем". Публиковался в журналах "Континент", "Время и мы", "Третья волна", "Стрелец", в альманахе "Глагол".

***

Когда скворцов опасливая стая
Раскинется над нами чередой,
Материя нездешнего состава
Заговорит в коробке черепной.
С подобным соглядатаем извольте
Крутить мозги малаховской изольде,
Анапестом тетрадку линовать
В ольшанике, где лето на излете
И вскоре снег, и льда не миновать.

Один недуг — бессонница, цынга ли —
Агония сентябрьского тепла,
Когда деревья, дачные цыгане,
Выпрастывают темные тела.
Окончен праздник птичий и медвежий,
Уходит лето с топких побережий,
Как из ладоней трепетная ртуть.
И человек, как табор переезжий,
Внутри себя прокладывает путь.
На даче снег, вороний скрип холодный —
Нырнуть в постель и отоспаться всласть.
Но человек на зимний лов подледный
Заботливо отлаживает снасть.
Он сам придумал зимнее уженье,
Он видит жизни тайное движенье,
Под коркой льда набухшее зерно.
Он смысл земли, ее изображенье,
Творения последнее звено.

***

На четверых нетронутое мыло,
Семейный день в разорванном кругу.
Нас не было. А если что и было –
Четыре грустных тени на снегу.
Там нож упал – и в землю не вонзится.
Там зеркало, в котором отразиться
Всем напряженьем кожи не могу.

Прильну зрачком к трубе тридцатикратной –
У зрения отторгнуты права.
Где близкие мои? Где дом, где брат мой
И город мой? Где ветер и трава?
Стропила дней подрублены отъездом.
Безумный плотник в воздухе отвесном
Огромные расправил рукава.

Кто в смертный путь мне выгладил сорочку
И проводил медлительным двором?
Нас не было. Мы жили в одиночку,
Не до любви нам было вчетвером.
Ах, зеркало под суриком свекольным,

***

Оскудевает времени руда.
Приходит смерть, не нанося вреда.
К машине сводят под руки подругу.
Покойник разодет, как атташе.
Знакомые съезжаются в округу
В надеждах выпить о его душе.

Покойник жил – и нет его уже,
Отгружен в музыкальном багаже.
И каждый пьет, имея убежденье,
Что за столом все возрасты равны,
Как будто смерть такое учрежденье,
Где очередь с обратной стороны.

Поет гармонь. На стол несут вино.
А между тем все умерли давно.
Сойдясь в застолье от семейных выгод
Под музыку знакомых развозить,
Поскольку жизнь всегда имеет выход,
И это смерть. А ей не возразить.

Возьми гармонь и пой издалека
О том, как жизнь тепла и велика,
О женщине, подаренной другому,
О пыльных мальвах по дороге к дому,
О том, как после стольких лет труда
Приходит смерть. И это не беда.

Безумный плотник с ножиком стекольным,
С рулеткой, с ватерпасом, с топором...

***

В тот год была неделя без среды
И уговор, что послезавтра съеду.
Из вторника вели твои следы
В никак не наступающую среду.
Я понимал, что это чепуха,
Похмельный крен в моем рассудке хмуром.
Но прилипающим к стеклу лемуром
Я говорил с тобой из четверга.
Висела в сердце взорванная мина,
Стояла ночь, как виноватый гость.
Тогда пришли. И малый атлас мира
Повесили на календарный гвоздь.

Я жил еще, дыша и наблюдая,
Мне зеркало шептало: "Не грусти!"
Но жизнь была, как рыба молодая,
Обглоданная ночью до кости –
В квартире, звездным оловом пропахшей,
Она дрожала хордовой струной.
И я листок твоей среды пропавшей

Подклеил в атлас мира отрывной.
Среда была на полдороге к Минску,
Где тень моя протягивала миску
Из четверга, сквозь полог слюдяной.

В тот год часы прозрачные редели
На западе, где небо зеленей –
Но это ложь. Среда в твоей неделе
Была всегда. И пятница за ней,
Когда сгорели календарь и карта.
И в пустоте квартиры неземной
Я в руки брал то Гуссерля, то Канта
И пел с листа. И ты была со мной.

* * *

Сколько лет я дышал взаймы,
На тургайской равнине мерз,
Где столетняя моль зимы
С человека снимает ворс,
Где буксует луна по насту,
А вода разучилась течь,
И в гортань, словно в тюбик пасту,
Загоняют обратно речь!
Заплатил я за все сторицей:
И землей моей, и столицей,
и погостом, где насмерть лечь.
Нынче тщательней время трачу,
Как мужик пожилую клячу.
Одного не возьму я в толк:
У кого занимал я в долг
Этот хлеб с опресневшей солью,
Женщин, траченных снежной молью,
Тишину моего труда,
Этой водки скупые граммы
И погост, на котором ямы
Мне не выроют никогда?

* * *

отверни гидрант и вода тверда
ни умыть лица ни набрать ведра
и насос перегрыз ремни
затупился лом не берет кирка
потому что как смерть вода крепка
хоть совсем ее отмени

все события в ней отразились врозь
хоть рояль на соседа с балкона брось
он как новенький невредим
и язык во рту нестерпимо бел
видно пили мы разведенный мел
а теперь его так едим

бесполезный звук из воды возник
не проходит воздух в глухой тростник
захлебнулась твоя свирель
прозвенит гранит по краям ведра
но в замерзшем времени нет вреда
для растений звезд и зверей

потому что слеп известковый мозг
потому что мир это горный воск
застывающий без труда
и в колодезном круге верней чем ты
навсегда отразила его черты
эта каменная вода

* * *

в итоге игоревой сечи
в моторе полетели свечи
кончак вылазит из авто
и видит сцену из ватто
плашмя лежат славяноросы
мужиковеды всей тайги

их морды пристальные босы
шеломы словно утюги
повсюду конская окрошка
евреев мелкая мордва
и ярославна из окошка
чуть не заплакала едва

кончак выходит из кареты
с сенатской свитой и семьей
там половецкие кадеты
уже построены свиньей
там богатырь несется в ступе
там кот невидимый один
и древний химик бородин
всех разместил в просторном супе

евреи редкие славяне
я вам племянник всей душой
зачем вы постланы слоями
на этой площади большой
зачем княгиня в кухне плачет
шарманщик музыки не прячет
плеща неловким рукавом
в прощальном супе роковом

* * *

уже и год и город под вопросом
в трех зонах от очаковских громад
где с участковым ухогорлоносом
шумел непродолжительный роман
осенний строй настурций неумелых
районный бор в равнинных филомелах
отечества технический простой
народный пруд в розетках стрелолиста
покорный стон врача-специалиста
по ходу операции простой

америка страна реминисценций
воспоминаний спутанный пегас
еще червонца профиль министерский
в распластанной ладони не погас
забвения взбесившийся везувий
где зависаешь звонок и безумен
как на ветру февральская сопля
ах молодость щемящий вкус кварели
и буквы что над городом горели
грозя войне и миру мир суля

торговый ряд с фарцовыми дарами
ночей пятидесятая звезда
на чью беду от кунцева до нары
еще бегут электропоезда
минует жизни талая водичка
под расписаньем девушка-медичка
внимательное зеркало на лбу
там детский мир прощается не глядя
и за гармонью подгулявший дядя
все лезет вверх по голому столбу

вперед гармонь дави на все бемоли
на празднике татарской кабалы
отбывших срок вывозят из неволи
на память оставляя кандалы
вперед колумбово слепое судно
в туман что обнимает обоюдно
похмелье понедельников и сред
очаковские черные субботы
стакан в парадной статую свободы
и женщину мой участковый свет

* * *

когда любовь слетается в орду
сплетая небо из ольховых веток
свет голоса слипается во рту
зазубренном и бой в запястьях редок

взойдут глаза и горлом хлынет ночь
очерчивая отчие кочевья
и ворона над хлябью вскинет ной
с тяжелого линейного ковчега

еще вода над адом высока
тресковый ключ китовый зуб и ворвань
но раковин и мокрого песка
на палубу срыгнет серьезный ворон

в подводном поле пепел и покой
там не горела вера и за это
татарским юртам не было завета
и радуги над ними никакой

* * *

декабрьское хмурится в тучах число
дворы воровато безглазы
дорогу домой до бровей занесло
закладывать тройку без мазы
откупорим сдуру бутылку вина
в печи пошуруем железкой
но с подлинным ночь с оборота верна
хоть зеркало к фене растрескай

такие на ум парадоксы придут
с мадеры в декабрьском бреду нам
что будто и дом наш и этот приют
тургеневым кем-то придуман
что даже в устройстве природы самой
знакомое видим перо мы
и нет под снегами дороги домой
в твердыню полярной плеромы

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 5

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

Песня о Сталине 8

Советская пасхальная 9

Семеечка 10

Лесбийская 13

Окурочек 14

Личное свидание 16

ПАВЕЛ БАБИЧ

Напутствие 19

«Шестнадцать строк — не шестнадцать ног» 20

Два города 21

Памяти Бориса Лазаревича Иоффе 22

Черное солнце Раскольникова 23

«Деревня Бабичи, а дальше Грязенять» 23

РОМАН БАР-ОР

«Как будто тихо все» 25

«Не блеклый театральный плащ» 25

«Связь распалась. Прощай, этот миг» 26

«Восточный юмор — висельный оскал» 26

«Не по нотам играет на дудочке век-шарлатан» . . . 27

«Канатоходец, вышедший во время» 27

«Еще глаза не проглядели взгляд» 28

ВАСИЛИЙ БЕТАКИ

Мы — из Китежа 30

«В окна мне глядят Юпитер и Париж» 32

«В безоблачности над гранитной крепостью» 33

«Я вижу музыку порой» 34

ИНА БЛИЗНЕЦОВА

Окончание ливня 37

«По памяти прикосновений» 38

Заклинание мертвых 39

«Настоим на водах полынь» 41
«Ночь — она и всегда-то была неспокойна» 42

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ
Из цикла «Траурные октавы»
Голос 45
Воспоминание 45
Портрет 45
Взгляд 46
Перемены 46
Все четверо 46
Встреча 47
Слова 47
Из глубины 47
Из цикла «Русские терцины»
«Да все — изгнанники, еще с Адама» 49
«Когда бы я по-прежнему жил там» 50
«Жилось, признаться, именно что жутко» 50
«Сколько худого хлебнул, а ни-ни» 51
«— России нет, — желчь изливал Иван» 52
«Увижу ли народ освобожденный?» 52
«Мольбу возносят «темные» бабуси» 53
Польше 53

ИГОРЬ БУРИХИН
С Воскресения Христова — на Вербное 1982-ое
«На католическую — в Великом Кельне» 56
«Японский Бог — какое вишенье в снегопаде» 57
«На Вербное — русский Веберн» 57
«Лоб-утроба — направо ходи» 58
«Зачехвостило Восстало белым-бело» 58
«Сорока — украшение березы» 59
«В Вербное-то разыгрываются» 60
«Раскрытая в холмах могила — бы выйти» 61
«Погоды хватит на любую Пасху и всю Страстную» . . 61

ЛИЯ ВЛАДИМИРОВА
«Могу ль я память излечить» 64
«И даты вспять бежали, как солдаты» 64

«А там, где не было надежды» 64
«Когда подступит вдруг удушье» 65
Соль-минорная симфония 65

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ
«Назло игре натуры» 72
Кельтская песня 72
Стих про меч 73
Елене о лемурах 73
Из Архилоха 75
Железная всегда 75
«Одета в утреннюю мглу» 76

АЛЕКСАНДР ГАЛИЧ
Памяти Живаго 78
Переселение душ 80
Ошибка 80
Облака 82
Все не вовремя 83
Памяти Б.Л.Пастернака 84
Песня исхода 86
Песня о диком Западе 88
Старая песня 89
Когда я вернусь 90

МИХАИЛ ГЕНДЕЛЕВ
«Свидетель полуночного блаженства» 93
Опыт изображения живой природы 93
Пастораль 94
Разрушения с птичьего полета 94
«Стой! Ты похож на сирийца» 95
«Черпай ненасытной пастью» 96
«Бык крыла вороные топыря» 96

АЛЕКСАНДР ГЛЕЗЕР
«А верным быть» 99
Подмосковье 99
«День был ясный и печальный» 100
Элегия, 1917 год 101

«Окруженный готической Веной» 101
Три стихотворения 102
«Гроза не состоялась...» 104
«По Босэ брожу я босиком» 104
«Дождь — не дождь, он как будто плетется с небес» . . 105

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ
«Господи, Господи, ночь и туман» 107
Классическая баллада 107
«Ну что, хлопотливая ласточка» 109
«На стыке вагона с инерцией ветра» 109
«...где реки льются чище серебра» 110
«Там, где Кривокардинальский переулок» 110
«Эта глиняная птичка» 111
«В движеньи мельник жизнь живет» 112
«Я в самый распоследний раз» 112
«Пчела, пчела, зачем и почему» 113
«Видно пора» 113
«Эта, правда, она же ложь» 114
«Шел год недобрых предсказаний» 115

ВАДИМ ДЕЛОНЕ
«Воробьи и грабители, посетители кладбища» 117
Баллада о судьбе 118
«Я взгляды буржуазные бичую» 118
«Эх, приверженцы новых владык» 119
Баллада памяти Владимира Высоцкого 120

ЛЕВ ДРУСКИН

«Никогда не видать тебе, вьюга» 124
«Вот дама с насморком, вся в черном и шуршащем» . . 124
«Мы жили рядом — помню как сейчас» 125
«В пяти телегах ехали цыгане» 125
«И сказал мне парикмахер слова» 126
«А как вещи мои выносили» 126
«Судите и да будете судимы!» 127
«Епископ был убит из арбалета» 127
«Здесь жили также, как во всех больницах» 128

Цирцея 129
«Отчего я так дивно устроен» 129

ВИОЛЕТТА ИВЕРНИ

«Отпетым песням» 132
«Утопая в снегах» 133
«Ночью не сомкнуть глаза» 134
Столица химер 135
Рейнское вино 137
«Повяжу тебя стихами, как грехом» 138
«Незрячим пальцем по стеклу» 138

ЮРИЙ КАШКАРОВ

«Мне нравится сиротство» 141
«А в этой поэтической тетради 145
«Фаустина» 146

БАХЫТ КЕНЖЕЕВ

«До горизонта поля полыни» 149
«в россии грустная погода» 150
Баллада прощания 151
«В переделкине лес облетел» 153
«всю жизнь торопиться, томиться, и вот» 154
«Поэты часто замечали» 155
«Жизнь людская всего лишь одна» 156
«Зима надвигается. Снова» 157

ЮРИЙ КОЛКЕР

«Три воды обегают вокруг островка» 160
«Твой приятель садится за письменный стол» 160
«В саду, на узком островке» 161
«Когда зимой грустнеют птицы» 162
«Воробей терпеливая птица» 162
Ангина 163
«Зима наступает, Вивальди спешит» 164
«Еще ты полон этим днем холодным» 164

Н. КОРЖАВИН
Стихи о детстве и романтике 166
Зависть 167
«Мне без тебя так трудно жить» 167
«Я не был никогда аскетом» 168
Вариации из Некрасова 168
«Наверно, я не так на свете жил» 169
Ленинград» 169
«Иль впрямь я разлюбил свою страну?» 170
«Могу в Париж и Вену» 170
Памяти Герцена 171
Подражание г-ну Беранже 173

МАРИНА КОСТАЛЕВСКАЯ
«Есть покорность наитьям, открытьям» 175
«Для нас уже не ново 176
Сказка 177
«Мы научились убивать» 177
«Переселенцы» 178
«О детский обиженный всхлип» 178
«Можно все забыть» 179

ВАДИМ КРЕЙД
«Бывало — про чудо напомнит» 181
«Чистота святого страха» 181
«И сбегаются две синевы» 181
«Быть может, комнат тишина» 182
«Блещет серп новолунный» 182
«О, как далеко здесь до Бога» 182
«Ты диктуй, я стану верить» 183

МИХАИЛ КРЕПС
Любовь не уходит 185
Животные не смеются 185
Счастливые фарфоровые дни 185
Букет расхожих истин 186
Первая мысль 187
Чужие лица 187
Стихотворение о любви (руководство) 188

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

Потемкин, Зубов и Орлов 191
Вечерние огни 193
«Купина небес неопалима» 194
Элегия 195
В деревьях лапчато 195
За свистским поездом 196
И веет Балтикой 196
И все мерещится 196
Когда б не ведали 197
В направлении Польши 197
Еще и осенью 197
«В кренящейся башне ночные раденья» 198
Три стихотворения 198
«Систола — сжатие полунапрасное» 200

КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ

Туман 203
Эпистола монашествующему пииту титу одинцову в день сраколетия скорбноблаженного автора 204
Студентка по обмену 205
К ножна́м 209

РИНА ЛЕВИНЗОН

Имена 213
Два стихотворения памяти Давида Дара 213
«В ущерб всему я праздную любовь» 214
«Любое лыко в строку» 214
«Как протяжно и светло» 215
Уехав из Рима 215

ЛЕВ ЛОСЕВ

«Под стрехою на самом верху» 217
Местоимения 218
«Понимаю — ярмо, голодуха» 218
«Все пряжи рассучились» 219
Документальное 220
«Он говорил» 221
Последний романс 222

По Ленигу 223
ПБГ* 224
«Да в закате над градом Петровым» 225
Пушкинские места 225
...«В «Костре» работал. В этом тусклом месте . . . 226
На рождество 227

ВЛАДИМИР МЕЛАМЕДОВ
«Вечер черной каплей лег на улицы» 230
«Вдоль берега, по обе стороны» 232

ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ
Стихотворения и сцены
У «Гастронома» 236
«Желаю быть шутом и трусом» 236
Пассажирский «Харьков — Гомель» 237
Седьмое ноября 237
Борису Чичибабину 238
«Сгину, сдохну, околею» 239
На смерть Анатолия Якобсона 239

СЕРГЕЙ ПЕТРУНИС
«Я приглашаю: приходи» 242
«На грани запаха» 243
Болезнь 243
«В моей теплой пустынной комнате» 244
«хочу проснуться твоей комнатой» 245
«Голубее смерти — нет голубизны» 245
«Поэт любвеобилен и пристрастен» 246
Три стихотворения
Белое 248
Черное 248
Красное 248

ЯКОВ РАБИНЕР
Вступление 251
Нашествие 252
На старорусском кладбище 252
«Старинным «азом», «букой», «веди» 253

Давние времена 254
Ермак 254

АЛЕКСАНДР РАДАШКЕВИЧ
«Пусть бегущие добегут» 257
Из цикла «Круг разлучения»
1. «Как странно, теплый дань дкабрь» 257
2. Вещи 258
Друзьям 258
Кордова 259
Буколика 259
Прошлый август 260
Корамора 261
Идиллия 262

ДМИТРИЙ САВИЦКИЙ
«Застенчивый нахал на глотку взявший мир» . . . 264
«по осени вода черна и знаешь сам» 264
«Ветер гонит сухую пыль» 265
«В чет и нечет сыграем судьба в чет и нечет» 265
«не мы подводим времени черту» 266
«Париж устроен вроде западни» 267
«память — тот же сарай и так же завалена хламом» 268
«Воскресное утро. В колокол бьют округа» 269

АЛЕКСАНДР СТУПНИКОВ
«Я заблудился» 272
«Жить будущим — что былью поросло» 272
«Кто может знать, что в мыслях у глупца» 273
«Опять мне с непогодой повезло» 273

МАРИНА ТЕМКИНА
Страсти по ленинградскому климату 275
Страсти по столичной речи 276
«Жмется к выходу Осень» 276
«Любовь с Зимой не получилась» 277
Поздний звонок 277
Трудности апреля 278
Речитативом 278

АЛЕКСАНДР ФРАДИС
Грипп 281
«Вдохновения нет и в помине» 285
«потому что у других больше здравого смысла» . . . 287
Мои чужие стихи 288

ЕВГЕНИЙ ХОРВАТ
«Когда на дочь Твою» 290
Вторые хореи 291
Одна в снегу 294

АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ
Когда скворцов опасливая стая» 297
«На четверых нетронутое мыло» 298
«Поет гармонь. На стол несут вино» 299
«В тот год была неделя без среды» 299
«Сколько лет я дышал взаймы» 300
«отверни гидрант и вода тверда» 301
«в итоге игоревой сечи» 301
«уже и год и город под вопросом» 302
«когда любовь сплетается в орду» 303
«декабрьское хмурится в тучах число» 304

Новые книги издательства «Третья волна»

Нью-Йорк — Париж, 1986 год

Александр Глезер. Русские художники на Западе.

В книге — аналитические статьи о неофициальном русском искусстве, эссе о творчестве тридцати девяти художников и скульпторов, живущих в Европе, США и Израиле. В приложении — статьи западных искусствоведов о русских живописцах. В книге свыше сорока иллюстраций.

278 стр. Цена — 126 фр.фр. или 18 амер. долларов.

В литературном зеркале. Сборник статей о творчестве Владимира Максимова. Сост. Александр Глезер. Предисловие профессора Михаила Геллера.

Книга материалов о творчестве одного из крупнейших писателей русского Зарубежья, Владимира Максимова, содержит статьи и рецензии, посвященные анализу его произведений. В первом разделе помещены статьи западных (французских, немецких, американских) литературоведов и критиков, а также авторов русской эмиграции. Этот раздел включает также статью крупного американского критика Фердинанды Эберштадт о творчестве известных писателей-нонконформистов (В.Максимова, В.Аксенова, Ю.Трифонова и др.) и последовавшую за ней оживленную дискуссию (журнал «Комментари»). Во втором разделе собраны статьи из советской периодики («Новый мир» и т.д.) о советском периоде литературной деятельности В.Максимова. Сборник дает весьма полное представление о творческом облике писателя и читается с живым, неослабным интересом.

270 стр. Цена — 108 фр.фр. или 15,50 амер. долларов.

Оскар Рабин. Три жизни. Воспоминания. Литературная запись Майи Муравник.

Один из наиболее известных современных русских художников рассказывает в этой книге о своей трудной и сложной жизни, на фоне которой раскрывается и жизнь советской России 30-х — 70-х годов. Конечно, много пишет О.Рабин и о своем творчестве, о борьбе художников-нонконформистов за свободу самовыражения, о столкновениях живописцев с государственной машиной и ее карательными органами — КГБ и милицией, о том, как его изгоняли из СССР. В книге более двадцати иллюстраций.

178 стр. Цена — 88 фр.фр. или 12,50 амер. долларов.

Владимир Максимов. Заглянуть в бездну. Роман.

В роковые дни послереволюционного безумия адмирал Колчак, один из достойнейших русских людей, находит в себе силы и мужество принять вызов судьбы и пытаться противостоять надвигающемуся на Россию хаосу. В атмосфере эфемерности, распада, торжества низких инстинктов, двойственной политики, а затем и предательства западных, держав, Колчак становится Верховным правителем России. Новая книга Владимира Максимова — это роман о страстной и высокой любви адмирала Колчака, озарившей последний период его жизни, о его необыкновенной судьбе, о его страшной гибели. Перед читателем — прекрасно документированная фреска Гражданской войны, глубокие философские рассуждения о судьбах России и западной цивилизации.

312 стр. Цена — 126 фр.фр. или 18 амер. долларов.

Владимир Максимов. Семь дней творения. Роман. Издание пятое.

Роман «Семь дней творения» посвящен не только судьбам людей и связанным с ними духовно-нравственным проблемам, но и судьбе России. Роман охватывает время от Гражданской войны по шестидесятые годы. Все части его объединены судьбой семьи Лашковых. Главный герой — комиссар Красной армии и большевик Петр Васильевич Лашков — проходит через все части повести (дни недели), которые, каждая в отдельности, представляют собой самостоятельные произведения.

Роман «Семь дней творения» очень широко распространялся в России Самиздатом. Целиком впервые вышел в издательстве «Посев» в 1971 году. Переведен на многие иностранные языки.

508 стр. Цена — 126 фр.фр. или 18 амер. долларов.

Альманах литературы и искусства «Третья волна» № 19. Главный редактор — Александр Глезер.

В номере: вторая часть киноромана Фридриха Горенштейна «Скрябин», стихи Ольги Седаковой и Елены Шварц, обзор выставок русского свободного искусства на Западе в 1986 году, статьи о персональной экспозиции Юрия Купера в парижской мэрии и выставке «Трое русских» в парижской «Галерее Мари-Терез» (Сергей Голлербах, Оскар Рабин, Владимир Овчинников). Издание иллюстрированное.

96 стр. Цена — 42 фр.фр. или 6 амер. долларов.

Пересылка за счет издательства. Заказы направлять по адресу:
В Европе: Alexandre Gleser, Chateau du Moulin de Senlis 91230, Montgeron, France.
В США: Alexander Glezer, 286 Barrow street, Jersey City, NJ 07302, USA